

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL STUDIES**

№ 1 (49)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Илариона Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Дорская А. А., Дорский А. Ю.* Сохранение исторической памяти в СССР и Российской Федерации: общее и особенное в правовых подходах 7
- Серегин А. В., Джорджиевич А.* Проблемы древнеславянского правопонимания 17

Публичное право

- Афанасьева С. А.* Прокурорский надзор за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы правового регулирования 30
- Бокова Л. Н.* Правовые вопросы защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве 41
- Чурилов С. Н.* Классификации функций уголовного судопроизводства 49

Частное право

- Иванова С. А.* Гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридических лиц 57
- Левушкин А. Н.* Лицензионный договор в киноиндустрии: проблемы правоприменения 71
- Ницевич В. В., Ницевич Т. В., Ницевич В. Ф.* Взыскание неустойки по контракту закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд 83

Трибуна молодых ученых

- Алексеев А. И.* Правовое регулирование деятельности входивших в финансово-промышленные группы предприятий в Японии в период Второй мировой войны: историко-правовой анализ..... 96
- Мотова Е. А.* Сравнительно-правовой анализ конституционных актов на предмет использования в них категории «интерес»: от Российской империи до Российской Федерации 105
- Стадникова О. А.* Охранный ордер как способ предупреждения семейно-бытового насилия в некоторых странах постсоветского пространства..... 117

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2023, № 1 (49)..... 129

Требования к оформлению статей..... 133

C O N T E N T S

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu.* Historical Commemoration in the USSR and the Russian Federation: the Similarities and Differences in Legal Approaches..... 7
- Seregin A. V., Georgievich A.* Problems of Old Slavic Legal Understanding 17

Public Law

- Afanasyeva S. A.* Prosecutorial Supervision over the Activities of Bodies and Officials of Local Self-Government in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation..... 30
- Bokova L. N.* Legal Issues of Protection of Personal Data of Citizens in the Digital Space..... 41
- Churilov S. N.* Classifications of the Functions of Criminal Justice..... 49

Private Law

- Ivanova S. A.* Civil Law Ways to Protect the Business Reputation of Legal Entities 57
- Levushkin A. N.* Licensing Agreement in the Film Industry: Problems of Law Enforcement..... 71
- Nitsevich V. V., Nitsevich T. V., Nitsevich V. F.* Recovery of a Penalty Under a Procurement Contract to Meet State and Municipal Needs..... 83

Tribune of Young Scientists

Alekseev A. I. Legal Regulation of the Activities of Enterprises that were Part of Financial and Industrial Groups in Japan During the Second World War: Historical and Legal Analysis 96

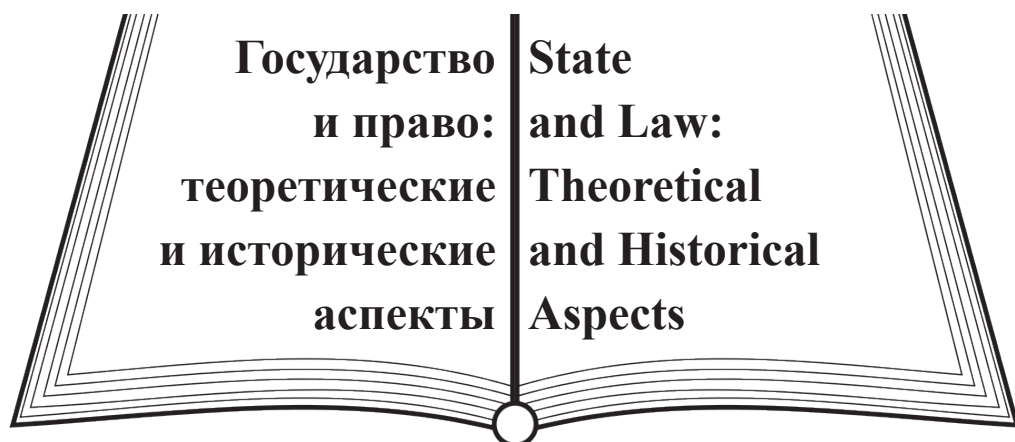
Motova E. A. Comparative Legal Analysis of Constitutional Acts in Terms of the Use of the Category “Interest” in them: from the Russian Empire to the Russian Federation 105

Stadnikova O. A. Protection Order as a Way to Prevent Domestic Violence in Some Countries of the post-Soviet Space..... 117

**Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,
2023, № 1 (49).....**

129

Requirements for Style Articles 133

УДК 34.047

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.01

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: adorskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: dorski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРАВОВЫХ ПОДХОДАХ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ правовых подходов в Советском Союзе и Российской Федерации относительно сохранения исторической памяти.

Целью исследования является выявление общих черт, присущих правовой политике СССР и Российской Федерации и демонстрирующих преемственность в отношении многих государственных праздников, памятных дат, системы наград, а также различий, которые показывают смену акцентов в оценке целого ряда исторических событий. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: показать негативные последствия опыта отрицания достижений предшествующего периода; охарактеризовать сохранение исторической памяти через провозглашение государственных праздников и памятных дат; сравнить официальное отношение к Октябрьской революции 1917 года и Дню Победы в советский период и на современном этапе; выявить значение реабилитации жертв политических репрессий в официальной политике памяти.

В результате работы сделан вывод о том, что в правовых подходах в отношении сохранения исторической памяти в СССР и Российской Федерации существует много общих черт, отличия же касаются в основном событий Октября 1917 года, принципов наградной политики и использования понятия «геноцид» применительно к преступлениям, совершенным в прошлом.

Ключевые слова: историческая память; российская государственность; государственный праздник; памятная дата; наградная политика; реабилитация жертв политических репрессий; геноцид.

Благодарности: часть исследования, выполненная А. А. Дорской, подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

UDC 34.047

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.01

A. A. Dorskaya

North Western branch of Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: adorskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

A. Yu. Dorsky

Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: dorski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

HISTORICAL COMMEMORATION IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION: THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN LEGAL APPROACHES

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of legal approaches in the Soviet Union and the Russian Federation regarding historical commemoration.

The purpose of the study is to identify common features inherent in the legal policy of the USSR and the Russian Federation and demonstrating continuity in relation to many public holidays, memorable dates, the system of awards, as well as differences that show a change in emphasis in assessing a number of historic events. In accordance with the goal, the following tasks are set in the article such as to show the negative consequences of the experience of denying the achievements of the previous period, to characterize the preservation of historical memory through the proclamation of public holidays and memorable dates, to compare the official attitude towards the October Revolution of 1917 and Victory Day in the Soviet period and at the present stage, to reveal the significance of the rehabilitation of victims of political repression in the official policies of commemoration.

As a result of this work, it was concluded that there are a lot of common features in the legal approaches to the historical commemoration in the USSR and the Russian

Federation, while the differences mainly relate to the events of October 1917, the principles of the award policy and the use of the concept of “genocide” in relation to the past crimes.

Keywords: historical memory; Russian statehood; public holiday; memorable date; award policy; rehabilitation of victims of political repression; genocide.

Acknowledgments: part of the research carried out by A. A. Dorskaya, was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project 22-28-01346 “Experiencing history as a factor in the self-identification of states and peoples in the 21st century: a legal dimension”.

Введение

В конце декабря 2022 года отмечалось 100-летие создания СССР. Данная дата является одним из поводов обращения к советскому опыту в различных сферах, сравнения современных подходов и тех, которые существовали в первом в мире социалистическом государстве.

Одним из объектов такого сравнения может выступать сохранение исторической памяти. Данная тема приобрела в XXI веке огромную актуальность в связи с тем, что прошлое столетие оставило у народов огромное количество социальных травм, преодоление которых сопровождается войнами памяти, иногда ростом реваншизма, попытками пересмотра тех оценок в отношении событий прошлого, которые, как казалось, являются незыблемыми.

Кроме того, сохранение исторической памяти является тем индикатором, который позволяет судить о состоянии общества, его нравственных ориентирах, правопреемстве в политическом, социальном, экономическом, культурном развитии.

Степень научной разработанности темы

Проблеме сохранения исторической памяти на современном этапе уделяется много внимания. Причем она изучается и философами, и политологами, и историками, и психологами, и социологами, и юристами. В этом есть не только огромный плюс, поскольку актуальный в жизни современного общества вопрос изучается всесторонне, но и большой минус, так как представители различных наук зачастую плохо знакомы с работами ученых из других научных областей.

Сравнительный анализ правовых подходов по вопросу сохранения исторической памяти в Советском Союзе и Российской Федерации проводится по нескольким направлениям: сохранение памяти о Первой мировой войне [3; 7; 9]; отношение к результатам Второй мировой войны [5]; взаимодействие с другими странами в период борьбы с захватчиками [2; 8]; вопросы применения понятия «геноцид» к событиям прошлого [6]. Однако комплексного анализа нормативных правовых актов, позволяющих выделить общие и отличительные черты сохранения исторической памяти в Советском Союзе и Российской Федерации не проводилось.

Методы

В статье при помощи хронологического метода установлена последовательность принятия нормативных правовых актов в СССР и Российской Федерации, направленных на сохранение исторической памяти. Deskриптивный метод использовался при описании советского и современного российского подходов к правовому регулированию общественных отношений, связанных с сохранением исторической памяти. Формально-юридический метод был применен при анализе содержания нормативных правовых актов советской эпохи и современного этапа. В рамках использования сравнительно-правового метода был применен диахронный срез, позволивший проследить отличия советского и современного подходов.

Основная часть

Проблема сохранения исторической памяти существовала на всех этапах человеческой истории, однако ее формы были разными. Например, в рамках христианской религии способом закрепления памяти была канонизация святых. Для государств этот вопрос стал актуальным с середины XVII века, когда светская власть стала противопоставлять себя власти церковной, а начиная с Вестфальского мира 1648 года стала развиваться и реализовываться идея государственного суверенитета.

Для России как страны, которая в течение XX столетия пережила два коренных поворота в своей истории (в 1917 и 1991 годах), когда были изменены и форма правления, и форма территориально-государственного устройства, и политический режим, вопрос о сохранении исторической памяти приобрел особое значение. Кроме того, развитие техники способствует тому, что исторические знания становятся более доступными для общества, а поэтому появляются различные трактовки, дискуссии и споры [4, с. 22], которые должны оставаться в рамках правового поля.

Если рассматривать общие правовые подходы к сохранению исторической памяти, то можно выделить следующие.

Во-первых, и в 1917, и в 1991–1992 годах происходило отрицание предшествующего периода.

В первые годы советской власти господствовала идея, что человечество шагнуло в новую эпоху, которая является более передовой по сравнению с царским режимом, а поэтому не нужно изучать историю, так как предыдущие этапы были однозначно хуже. Идея построения нового мира, нового человека привели к тому, что, например, из программ юридических факультетов исчез такой предмет, как «История государства и права».

После распада Советского Союза были более мягкие настроения, но взоры были обращены в основном к дореволюционному периоду, который стал

идеализироваться. Советские же достижения часто либо не замечались, либо даже отрицались.

Во-вторых, отправная точка создания новой российской государственности стала государственным праздником. Так, большевики уже в 1918 году торжественно отмечали первую годовщину Октябрьской революции. С 1927 года выходными днями стали 7 и 8 ноября. Причем интересной была формулировка: в данные дни работа воспрещалась¹.

Для РСФСР такой датой стало 12 июня 1990 года, когда I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР². Указом от 2 июня 1994 года данный день получил статус государственного праздника³, а с 2002 года празднуется как День России.

В-третьих, одним из главных праздников, который играл и играет важнейшую роль для самоидентификации советского и российского общества, является День Победы. Несмотря на то что на постоянной основе выходным днем 9 мая стало только с 1965 года⁴, оно всегда торжественно праздновалось в Советском Союзе. На современном этапе данному празднику тоже уделяется огромное внимание.

В-четвертых, и в СССР, и в Российской Федерации имеется большое количество орденов, увековечивающих память о полководцах и военачальниках. Достаточно вспомнить орден Александра Невского, существовавший и в дореволюционный, и в советский периоды, а также на современном этапе, ордена Суворова, Ушакова, Кутузова, Нахимова, Жукова.

В-пятых, Российская Федерация продолжила линию, наметившуюся в период хрущевской оттепели, относительно реабилитации жертв политических репрессий. Если в 1950-е годы речь шла в основном о сталинском периоде, то в конце 1980-х годов был признан факт политических репрессий в СССР и в первые годы советской власти (Кронштадтский мятеж 1921 года), и в послесталинское время (расстрел в Новочеркасске в 1962 году). Показательно, что до сих пор действует Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»⁵, принятый

¹ Постановление Президиума ЦИК СССР от 26.10.1927 «О праздничных днях, посвященных годовщине октябрьской революции, и об особых днях отдыха» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 247. 27.10.1927.

² Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

³ Указ Президент РФ от 2 июня 1994 года № 1113 «О государственном празднике Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 6 июня 1994 года. № 6. Ст. 591.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1965 года № 3478-VI «Об объявлении 9 мая нерабочим днем» // Ведомости Верховного Совета СССР. 28 апреля 1965 года. № 17 (1260). Ст. 226.

⁵ Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 06.12.2021) «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1428.

18 октября 1991 года и распространяющий свое действие на граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся гонениям на территории Российской Федерации, по признакам национальной или иной принадлежности. 30 октября стало в России Днем памяти жертв политических репрессий. В 2015 году в Российской Федерации была принята Концепция государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий⁶.

Однако, несмотря на общие черты в правовых подходах к сохранению исторической памяти, советский и российский опыт существенно различаются.

Одно из главных отличий состоит в том, что в Советском Союзе революционный путь развития рассматривался как передовой, революции считались локомотивами истории, а поэтому День Октябрьской революции особо почитался не только с точки зрения конкретного исторического события, но и общего подхода к развитию человечества. В Российской Федерации господствует другой подход, целью которого является консолидация общества, подчеркивание его единства. Именно поэтому 7 ноября потеряло статус государственного праздника, а с 2004 года был введен День народного единства (4 ноября)⁷. Таким образом, акцент был перенесен с радикальных форм изменения действительности на планомерное взаимодействие государства и общества в вопросах развития и совместного решения возникающих проблем. Именно этим объясняется достаточно скромное празднование 100-летия Октябрьской революции в 2017 году, хотя 19 декабря 2016 года Президент Российской Федерации и подписал соответствующее распоряжение о подготовке к этой дате⁸.

Еще одно отличие состоит в том, что в Советском Союзе не было необходимости внесения в Уголовные кодексы союзных республик статей, связанных с пересмотром итогов Второй мировой войны. Во многих европейских странах этот процесс начался с 1990-х годов. Однако тот след, который Великая Отечественная война оставила в жизни каждой семьи, долгое время играл роль сдерживающего начала. В 2014 году в Уголовном кодексе Российской Федерации появилась статья 354.1, запрещающая реабилитацию нацизма⁹. В 2020 году

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 № 1561-р (ред. от 26.03.2019) «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.08.2015. № 34. Ст. 4930.

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы (победных днях) России”» // Российская газета. 2004. 31 декабря.

⁸ Распоряжение Президента Российской Федерации от 19 декабря 2016 года № 412-рп о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41498> (дата обращения: 07.09.2022).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2022).

была конституционно закреплена защита исторической правды (статья 67.1 Конституции Российской Федерации)¹⁰.

Абсолютно разное отношение в СССР и Российской Федерации к преступлениям геноцида, совершенных в прошлом.

Так, в Советском Союзе долгое время вопрос о геноциде в отношении армянского населения Османской империи в годы Первой мировой войны был под запретом. Однако народную память это не смогло нивелировать. В 1965 году состоялись массовые митинги, посвященные 50-летию данных трагических событий.

В России на современном этапе нарастает другая тенденция. Уже состоялось четыре судебных процесса о признании фактов геноцида в отношении советского народа в годы Великой Отечественной войны:

– Солецкий районный суд Новгородской области в октябре 2020 года вынес решение о признании геноцидом преступлений в 1942–1943 годах в деревне Жестяная горка Батецкого района Ленинградской (с 5 июля 1944 года — Новгородской) области в отношении 2600 советских граждан — мирных жителей и военнопленных¹¹;

– в марте 2022 года Ростовский областной суд вынес решение о признании геноцидом и военным преступлением действия в отношении 180 811 советских граждан и 200 000 военнопленных¹²;

– Санкт-Петербургский городской суд в октябре 2022 года признал геноцидом блокаду Ленинграда 1941–1944 годов¹³;

– Ленинградский областной суд признал геноцидом действия немецко-фашистских захватчиков в созданном лагере «Дулаг-154», где погибло около 80 000 человек. Например, только в Макарьевской пустыни было расстреляно 248 женщин-инвалидов¹⁴.

Данная тенденция имеет неоднозначный характер.

С одной стороны, это ответ на политические заявления и судебные решения ряда европейских стран, которые пытаются пересмотреть итоги Второй мировой

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

¹¹ Дело № 2-582/2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Солецкого районного суда Новгородской области. URL: https://solecky--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=30827907&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 21.09.2022).

¹² Дело № 3-65/2022 ~ М-16/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ростовского областного суда. URL: http://oblsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=946 (дата обращения: 21.09.2022).

¹³ Дело № 3-246/2022 ~ М-357/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда. URL: https://rapsinews.ru/online_translation/20221020/308391189.html (дата обращения: 15.11.2022).

¹⁴ Дело № 3-193/2022 ~ М-245/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ленинградского областного суда. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=848 (дата обращения: 15.11.2022).

войны, отказаться от тех установок, которые были выработаны на Нюрнбергском трибунале. В частности, президент Польши А. Дуда неоднократно называл ввод советских войск на территорию Польши по линии Керзона 17 сентября 1939 года «атакой СССР на Польшу»¹⁵, уравнивая его с нападением фашистской Германии 1 сентября 1939 года.

С другой стороны, Конвенция о предупреждении преступления геноцида была принята только в 1948 году¹⁶. Хотя сам термин «геноцид» неоднократно использовался на Нюрнбергском процессе, но его нормативное правовое закрепление на международном уровне произошло позже, чем события Второй мировой войны. Еще позже данный вид преступлений появился в национальном законодательстве разных стран. Кроме того, страны опасаются, что вслед за признанием факта геноцида в прошлом могут последовать серьезные материальные последствия. Примером признания геноцида в отношении населения колонии можно считать принесение Германией в 2004 году извинений Намибии за события 1904–1907 годов, когда представителей нескольких племен изгоняли в пустыню, специально отравлялись источники воды, ставились медицинские опыты и т. д. В результате погибло около 80 % племени хереро (приблизительно 65 000 человек) и 50 % племени нама (10 000 человек) [1, с. 22–23]. После признания Германией факта совершения преступления геноцида представители хереро в этом же году подали иск против правительства Германии и некоторых немецких компаний («Дойче Банк» и судоходная компания «Вурман лайн») с требованием выплатить 4 млрд долларов США.

Разными являются также принципы наградной политики в СССР и современной России. Если в Советском Союзе одним из главных орденов считался орден Ленина, то в настоящее время произошел отказ от учреждения орденов, увековечивающих память руководителей страны. Кроме того, в Российской Федерации награды сегодня больше связаны с духовным подвигом: орден Святого апостола Андрея Первозванного, орден Святого Георгия, орден Святой великомученицы Екатерины.

Заключение

В юридических подходах к сохранению исторической памяти в Советском Союзе и Российской Федерации существует очень много общего. Это и процесс первоначального отрицания предшествующего этапа с последующим

¹⁵ Президент Польши на Генассамблее ООН вспомнил об «атаке СССР» в 1939 году [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1980289.html> (дата обращения: 27.09.2022).

¹⁶ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 21.09.2022).

взвешенным изучением его позитивных и негативных сторон, и придание победе в Великой Отечественной войне не только статуса государственного праздника, но и одного из важнейших исторических событий, консолидирующего общество, и продолжение политики реабилитации жертв политических репрессий, и огромное внимание к памятным датам воинской славы. Отличия же касаются в основном оценки допустимых методов политической борьбы, установления уголовной ответственности за пересмотр итогов Второй мировой войны, наградной политики, построенной на отказе от прямой связи награды с памятью о руководителе страны на определенном этапе развития и ориентацией на духовный подвиг.

История должна быть объединяющим началом, поскольку позволяет извлекать из прошлого уроки, преодолевать те социальные травмы, которые появляются у разных народов в силу трагических событий, создавать атмосферу солидарности поколений. Отрицание же определенных фактов прошлого может способствовать повторению ошибок и дальнейшему развитию такого явления современной жизни, как войны памяти.

Литература

1. Бурячкова Е. Г. Геноцид: исторические аспекты // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 1 (1). С. 22–23.
2. Верченко А. Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945 годов) и сохранение исторической памяти // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. Т. 25. С. 382–399.
3. Крицкая А. А., Курневский А. С., Дряев М. Р. Итоги Великой Отечественной войны: главные уроки и последствия // Никто не забыт, ничто не забыто: роль СССР во Второй мировой войне: сб. мат-лов Всероссийской науч.-практ. конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д.: Ростовский государственный медицинский университет, 2020. С. 301–308.
4. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского форума историков права / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 22–27.
5. Поршнева О. С. Политика памяти vs историческая память о Первой мировой войне в Советской России/СССР // Международные отношения в XX–XXI веках. IV Чепаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: сб. науч. ст. и сообщений / отв. ред. О. С. Поршнева. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 98–105.
6. Рубцов Д. И. Геноцид народов СССР — преступление, не имеющее срока давности // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 3 (18). С. 94–105.
7. Руднева С. Е. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945: мат-лы ежегодных Моисеевских чтений. 2021. Т. 7. С. 230–236.
8. Ручкин А. Б. Восток встречается с Западом: встреча советских и американских войск на реке Эльба в воспоминаниях участников // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 27–38.

9. Чирков М. С. Великая Победа в современном массовом сознании: к проблеме исторической памяти на пространстве бывшего СССР // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: мат-лы международной науч.-практ. конференции, посвященной 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 152–154.

Literatura

1. Buryachkova E. G. Genocid: istoricheskie aspekty` // Innovacionny`e tehnologii v nauke i obrazovanii. 2015. № 1 (1). S. 22–23.

2. Verchenko A. L. Sovetsko-kitajskoe vzaimodejstvie v gody` yaponno-kitajskoj vojny` (1931–1945 godov) i soxranenie istoricheskoy pamyati // Kitaj v mirovoj i regional`noj politike. Istoriya i sovremennost`. 2020. № 25. T. 25. S. 382–399.

3. Kriczkaya A. A., Kurenevskij A. S., Dryaev M. R. Itogi Velikoj Otechestvennoj vojny`: glavny`e uroki i posledstviya // Nikto ne zaby`t, nichego ne zaby`to: rol` SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne: sb. mat-lov Vserossijskoj nauch.-prakt. konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, posvyashhennoj 75-letiyu Pobedy` v Velikoj Otechestvennoj vojne. Rostov n/D.: Rostovskij gosudarstvenny`j medicinskij universitet, 2020. S. 301–308.

4. Pashencev D. A. Istoriko-pravovaya nauka v usloviyax novej nauchnoj racional`nosti // Istoriko-pravovaya nauka v usloviyax sovremenny`x social`ny`x transformacij: sb. nauch. st. po itogam Vserossijskogo foruma istorikov prava / pod red. A. A. Dorskoy, D. A. Pashenceva. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. S. 22–27.

5. Porshneva O. S. Politika pamyati vs istoricheskaya pamyat` o Pervoj mirovoj vojne v Sovetskoj Rossii/SSSR // Mezhdunarodny`e otnosheniya v XX–XXI vekax. IV Chempalovskie chteniya, posvyashhenny`e 75-letiyu Pobedy` v Velikoj Otechestvennoj vojne i 75-letiyu okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny`: sb. nauch. st. i soobshhenij / otv. red. O. S. Porshneva. Ekaterinburg: Izd-vo UMCz UPI, 2020. S. 98–105.

6. Rubczov D. I. Genocid narodov SSSR — prestuplenie, ne imeyushhee sroka davnosti // Ius Publicum et Privatum. 2022. № 3 (18). S. 94–105.

7. Rudneva S. E. Soxranenie istoricheskoy pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945: mat-ly` ezhegodny`x Moiseevskix chtenij. 2021. T. 7. S. 230–236.

8. Ruchkin A. B. Vostok vstrechaetsya s Zapadom: vstrecha sovetskix i amerikanskix vojsk na reke E`l`ba v vospominaniyax uchastnikov // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2020. № 2. S. 27–38.

9. Chirkov M. S. Velikaya Pobeda v sovremennom massovom soznanii: k probleme istoricheskoy pamyati na prostranstve by`vshego SSSR // Prigranichny`j region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo: mat-ly` mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii, posvyashhennoj 80-letiyu Pobedy` sovetskix i mongol`skix vojsk na reke Xalxin-Gol. Chita: Zabajkal`skij gosudarstvenny`j universitet, 2019. S. 152–154.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2022;
одобрена после рецензирования: 15.12.2022;
принята к публикации: 21.12.2022.

The article was submitted: 05.12.2022;
approved after reviewing: 15.12.2022;
accepted for publication: 21.12.2022.

УДК 340.15

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.02

А. В. Серегин

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

E-mail: Seregin@mgpu.ru

А. Джорджиевич

Государственный университет г. Ниша,

г. Ниш, Республика Сербия

E-mail: djole@prafak.ni.ac.rs

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Аннотация. В статье авторами исследуется сложнейшая проблема древнеславянского правопонимания, связанная с тем, что реконструировать приходится правосознание славянских племен, проживавших более тысячи лет назад. Применяя методы генетической реконструкции и герменевтического толкования, в работе делается вывод об особом влиянии языческого мировоззрения славян на право как совокупность божественной воли, воплощенной в сакральных законах, защищаемых богом правосудия Прове, княжескими уставами и вечевыми решениями. При этом в процессе крещения и создания государственности этнотеологическая триада правопонимания стала базироваться на теологических догмах христианского учения, которым стали подражать княжеские и народные постановления. В статье также рассматривается соотношение таких архаических категорий древнеславянского права, как: покон, закон, обычай, нравы отцов, устав, судебник и правда.

Ключевые слова: правопонимание; право; славяне; юридическая славистика; правда; ордалии.

UDC 340.15

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.02

A. V. Seregin

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: Seregin@mgpu.ru

A. Georgievich

State University of Nis,
City Nis, Republic of Serbia
E-mail: djole@prafak.ni.ac.rs

PROBLEMS OF OLD SLAVIC LEGAL UNDERSTANDING

Abstract. In the article, the authors explore the most difficult problem of ancient Slavic legal understanding, related to the fact that it is necessary to reconstruct the legal consciousness of the Slavic tribes that lived more than a thousand years ago. Using the methods of genetic reconstruction and hermeneutic interpretation, the work concludes that the pagan worldview of the Slavs had a special influence on law, as a set of divine will embodied in sacred laws protected by the God of Justice Prove, princely charters and veche decisions. At the same time, in the process of baptism and the creation of statehood, the ethno-theological triad of legal understanding began to be based on the theological dogmas of Christian teaching, which princely and popular decrees began to imitate. The article also discusses the correlation of such archaic categories of ancient Slavic law as law, custom, morals of the fathers, charter, law code and truth.

Keywords: legal understanding; law; the Slavs; legal Slavic studies; truth; ordeals.

Введение

Проблемы правопонимания вообще, средневекового правопонимания в частности и древнеславянского правопонимания в особенности являются фундаментальными для постижения сущностного содержания и элементного состава системы права славянских народов в эпоху средневековья.

Не секрет, что феномен правопонимания во многом связан со спецификой человеческого мировоззрения, определяемого системой ценностей, коренящейся в религиозно-мифологических представлениях архаических племен на осязаемый материальный мир и на внебытийную, т. е. трансцендентальную, реальность.

Поэтому для исследователя правореализационных процессов, отделенных от наших дней толщей веков и даже тысячелетий ключевое значение приобретает категория правосознания, включающая в себя правовую идеологию, в качестве рационального начала и правовую психологию, базирующуюся на иррациональных субстанциях бессознательной природы человеческой

личности. Не вдаваясь в проблемы научной логичности, включения психологии в качестве структурного элемента рационального осмысления правовой действительности в рамках правосознания, в представленной работе реконструируется правопонимание древних славян в период первичного генезиса их государственности, когда языческая картина мира синкретически накладывалась на христианские представления о человеческой природе, справедливости, правосудии и публичной власти.

Для более объективной оценки правового материала древнеславянских народов использовались такие юридические источники, как «Закон судный людем» (IX век) [13, с. 11–15]; Договор Руси с греками 907 года [6, с. 118], 911 года [5, с. 6–10], 944 года [7, с. 122–125], 971 года [8, с. 126]; «Русская Правда» (Краткой и Пространной редакции) [28; 29]; «Законник Стефана Душана» 1349 года [12]; «Новгородская Судная грамота» XV века [22]; «Псковская судная грамота» 1467 года [26]; «Кормчаа (номоканонь)» XVII века [17].

В рамках культурологических изысканий, авторы статьи, опираясь на сообщения раннесредневековых западноевропейских хронистов (Конрада Бото [16]), древнерусскую летопись («Повесть временных лет» [25]) учитывая выводы специалистов в области отечественной правовой и зарубежной медиэвистики (Х. Юречка [41], Д. Я. Самоквасова [30], В. И. Сергеевича [31], Н. М. Золотухиной [14], В. В. Момотова [21], Р. А. Ромашова [27]), а также современных теоретиков публичного и частного права (В. Д. Зорькина [15], В. В. Сорокина [33]), наработки юридических славистов (В. И. Ермоловича [10], Б. Митровича [19]) и историков (А. Ф. Гильфердинга [1], Н. А. Осокина [24], Л. В. Милова [18], А. М. Клемола [43] и др.), определили понятие древнеславянского права, максимально приближенное к славянскому миропониманию VII–XII столетий.

Основное исследование

Не секрет, что начало XXI столетия характеризуется не только религиозным ренессансом, но и очередным подъемом интереса к древним истокам государства и права славянских народов.

Мимо этой проблематики не смог пройти не только известный ученый в области права, но и председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, который в монографии «Право против Хаоса» особо отметил, что «с точки зрения славянского мифологического миропонимания “различают три стороны бытия, или три мира: Явь, Навь и Правь”» [15, с. 35], где явленный мир представляет собой область конечных сущностей, где все рожденное или сотворенное обречено на разрушение и физическую смерть, проявление нави можно соотнести с областью информационных полей и так называемой темной материи, а правь есть законы вселенского бытия, отражающие реальную меру (суть) всех вещей, категорий и явлений. Эти миры, т. е. особые реальности, не только взаимосвязаны, но и существуют один в другом [15, с. 35].

Право по своей природе дуально: с одной стороны, в нем заключаются иррациональные начала истины и справедливости, а с другой — соотношение социальных сил в обществе.

Ответ на вопрос «Чего же больше в древнеславянском правопонимании: иррационального или рационального начала?» имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо выявление баланса между идеальными и материальными категориями позволяет объяснить характер правового и неправового поведения для наших далеких предков.

Несомненно одно, что в древнейший период своей государственности этноплеменное право ассоциировалось с религиозной системой, включая догматику, культовую практику, мифологическую космогонию и теогонию.

Поэтому воля законодателя в лице князя или веча не могла изменять фундаментальную доктрину сакрально-правовых и этико-юридических установлений. У иудеев времен пророка Моисея священные правила в Торе составили декалог (десять заповедей Божьих, на иврите: עֲשֶׂה תְּהַלְּלֶנּוּ Кн.: Исход 20:2–17, Кн.: Второзаконие 5:6–21) у древних индусов важное значение приобрели божественные «Законы Ману» [11], у вавилонян — «Законы Хаммурапи» [39, с. 50–90], полученные от халдейских богов Мардука, Ану, Энлиля, Шамаша и других сверхъестественных существ.

Примечательно, но у вагров (балтийских славян) был особый бог правды (права) — Прове [1, с. 176]. Иногда он отождествлялся с Перуном [19, с. 337], так как его символом являлся дуб, под которым совершалось правосудие [16].

К сожалению, науке пока не известен единый древнеславянский кодекс правовых предписаний дохристианской эпохи: возможно, его обнаружат наши потомки, а может быть, он был утрачен в результате исторических катаклизмов или вообще никогда не имел письменного закрепления.

По мнению белорусского ученого В. И. Ермоловича, профессор Святослав Билби в конце 90-х годов XX столетия сделал величайшее открытие в сфере юридической славистики, доказав, что загадочная надпись на каменной плите в г. Ксантосе (Ликия) в Малой Азии (современная Турция), датируемая VI–VIII веками до нашей эры, является правовым текстом (древним законом) написанным на древнесербском языке (сербице, предшествовавшей кириллице) [10, с. 26–27] и опередившим знаменитые «Законы XII таблиц» [10, с. 4], восхваляемые в качестве фундаментальной основы современной романо-германской правовой системы. Данный правовой документ, наподобие «Законов Хаммурапи», является собранием юридических обычаев, распоряжений правителей и моральных предписаний, насчитывающих 230 статей, сгруппированных в 16 глав [23, с. 9; 38–79].

Изучая «Закон судный людям» (IX век нашей эры) [13], В. И. Ермолович пришел к выводу, что именно этот свод древнеславянских законов может считаться общеславянским источником писаного права, на авторство которого могут претендовать не только чехи, словаки, сербы, но и современные македонцы [10, с. 21].

Правда, из этого списка выпадают хорваты, ободриты, ляхи, вильцы и все восточнославянские племена: поляне, древляне, кривичи, вятичи, северяне, бужане, словене ильменские и др.

Чешский исследователь юридического быта славянских народов Х. Юречек предлагал считать общеславянским источником права «Законник Стефана Душана» 1349 года [42, с. 1; 12], что весьма и весьма спорно как с историко-географической, так и национально-геополитической точки зрения.

Вместе с тем косвенные свидетельства, указывающие на наличие у древних славян достаточно развитой языческой правовой системы, содержатся в договорах Руси с греками (ромеями) [6], заключенных между князьями русов и базилевсами Византии в X столетии от Рождества Христова [30, с. 44].

Итак, в международных договорах между Древней Русью и Вторым Римом (Константинополем) признавалась привилегия для русов, прибывающих в Восточную Римскую империю судиться и жить по собственной вере и языческому закону. Изменение подсудности в Раннем Средневековье народами разных религий рассматривалось как святотатство и измена своему богу или богам [30, с. 45]. Именно поэтому в заключении договора 944 года отмечается, что данный документ является творением бога, основанным на *законе* и *поконе* русского народа [5].

Терминологическое понимание категории права в древнерусском средневековом мышлении определялось прежде всего словом «правда», которое несло иную смысловозагрузочную нагрузку, в отличие от современной юридической науки и обыденного правосознания последующих исторических эпох. Реконструкция архаического правопонимания славянских народов составляет значительный историко-правовой интерес, несмотря на трудность данного процесса, обремененного фрагментарностью дошедшего до наших дней древнейшего нормативно-правового материала, судебных решений, обычаев, суеверий, религиозных представлений народа и правящей верхушки, в которых удивительным образом сосуществовали языческие и христианские представления о законности и справедливости.

Исконная «правда», по мнению Р. А. Ромашова, это не синоним истины, а продукт законотворчества княжеской власти [27, с. 72–79], о чем красноречиво свидетельствуют такие названия, как «Правда Ярослава» и «Правда Ярославичей». В рамках данной парадигмы правитель правил по «правде» [27, с. 72–79], являвшейся нормативной основой княжеского права.

Фактом, подтверждающим взгляд Р. А. Ромашова на юридическую природу *правдопонимания*, служит то историческое обстоятельство, что новгородцы и псковичи, принимавшие свои законодательные акты на вече, именовали их не правдами, а судебниками, например «Новгородская судная грамота» [22] и «Псковская судная грамота» [26].

Если допустить истинность, а не подделку «Довелесовой книги», на ее страницах можно найти сведения о правлении древнеславянских вождей по правде, которую они называли «*Правую или Равою*» [9, с. 27].

Для обозначения древнерусских форм права в договорах Руси с греками, используются два термина: «закон» и «покон» [30, с. 44].

В Раннем Средневековье, по справедливому замечанию Д. Я. Самоквасова, понятие «закон» имело преимущественно религиозное значение, в отличие от древнерусского слова «покон», которое, по его мнению, было синонимом народного обычая [30, с. 44].

И. И. Срезневский считал, что термины «закон» и «покон» греческого происхождения являются синонимами понятия «обычай» [35].

С точки зрения В. И. Сергеевича, для Древней и Средневековой Руси обычай и закон также выступали как тождественные понятия [31, с. 10].

По мнению Р. А. Ромашова, понятия «закон» и «покон» несут различную смысловую нагрузку [27, с. 73]. Так, в качестве коренного для закона и покона выделяется слово «кон». Кон — это одновременно начало и конец, предел определенных границ. Предлог «за» с винительным падежом выражает чувственно ощущаемый предел движения (поведение, выходящее за пределы нормального; корабль, скрывающийся за линией горизонта; солнце, спрятавшееся за тучей). Предлог «по» имеет несколько иное значение и обозначает направление движения к намеченной цели (например, пойти по грибы).

Таким образом, в концепции Р. А. Ромашова, слова «закон» и «покон» в древнерусском языке отражали два функциональных смысла права — ограничительный и побудительно-управомочивающий. «В подобном понимании *право-закон* означало установление определенных пределов, ограничивающих свободу поведения, индивидуальных и коллективных субъектов. В свою очередь, *право-покон* выступало в качестве масштаба свободы поведения — правомочия. Обычай, являясь формой права, в Древней и Средневековой Руси одновременно выполнял и функции закона (правоограничения), и покона (правомочия)» [27, с. 74–75].

Несмотря на дуализацию категорий *право-закон* и *право-покона*, Р. А. Ромашову не удалось выйти за пределы позитивистского правопонимания, упустив духовно-нравственные аспекты средневекового правосознания. В «Номоканоне», например, есть строка: «*иже соуть клѣлїса сохранїти и судьбы законѧ и правды бжїѧ*» [17, с. 64], которая вполне различает букву и дух канонических и светских правил поведения.

Теологическая парадигма средневековой мысли в законе видела атрибут совершенного миропорядка Вселенной, которая возникла и управляется по воле Божественного Абсолюта.

Следовательно, настоящий сакральный закон принадлежал вечности, был неизменен, обладал качествами универсальности и высшей императивности.

Христианское учение, с его идеей всечеловеческого спасения воспринимало Божественный закон в качестве неоспоримого критерия моральной справедливости на все времена и у всех народов [14, с. 111].

В этой связи важно обратить внимание на позицию Н. М. Золотухиной, в соответствии с которой в XI веке «обычай, утвержденный высшей государственной властью, становился правовым обычаем (законом) в полном смысле

этого слова и был назван правдой. Он сохранял за собой значение в его прежнем языческом понимании как определенного правила поведения, но уже охраняемого всей силой власти (в лице ее органов), включив при этом в свое содержание нравственную мотивацию, привнесенную христианским вероучением и Новозаветной этикой» [14, с. 111].

В «Повести временных лет» за 996 год описаны события, направленные на реформирование языческого уголовного права, связанного с отказом Владимира Крестителя сначала от назначения наказаний вообще, а потом с переходом от виры, т. е. композиций, к применению казней [25, с. 126–127]. По мнению историка Л. В. Милова, для осуществления нового христианского правосудия потребовалось использовать XVII титул византийской «Эклоги», содержащий за различные виды преступлений санкции не только в виде смертной казни, но и членовредительные наказания (отсечение рук, языка, носа), а также избивание плетьюми [18, с. 41; 80–89; 131].

Вместе с тем реформа оказалась неудачной, так как подорвала источники пополнения княжеской казны, благодаря которой вооружалась и кормилась дружина, поэтому пришлось вернуться к обычному праву (языческих князей Игоря и Святослава), применявших вместо смертной казни виры [18, с. 126–127]. В последующем, несмотря на наличие значительных параллелей в статьях «Русской Правды» [28, с. 127–129] и «Эклоги» (более 20 аналогий выявил в статьях этих законов Л. В. Милов) [18, с. 146–150], именно правда Ярослава («Русская Правда» в краткой редакции) закрепила архаические языческие нормы о кровной мести, вине и иных денежных штрафах.

Более того, в дополнительных статьях к «Русской Правде» (в пространной редакции) «О МУЖИ КРОВАВЕ» допускается для некрещеных *варягов* и *колбяг* на суде присягать по своей вере или применять жребий в качестве допустимых доказательств [29].

Фактически перед нами предстает синкретическая христианско-языческая правовая система, в которой, с одной стороны, присутствуют новозаветные ценности мессии Иисуса и духовно-нравственные принципы славянского права, находящегося под покровительством не только бога правосудия Прове, но и Сварога (Сварожича), защищавшего нравственность и породившего сына — Дажьбога, дарующего людям различные жизненные блага [40, с. 82].

«Всякое сильное состояние сознания, — пишет В. В. Момотов, — есть источник жизни, в том числе и права. Нравственные установки, вырабатываемые обществом, становятся душой права. Со временем волей суверена эти идеи делаются законом для всех» [21, с. 20]. Проходят столетия, но народ сохраняет архаические стереотипы правового сознания. Достаточно перечислить следующие пословицы русского народа:

В правде благодать, да не каждый готов за правду страдать! [3, с. 310];

Где прямота, там и правота: где правду чтят, там спокойно спят [3, с. 311];

Правда и совесть — две сестрицы, из-за которых люди идут на костры [3, с. 320].

Термин «право» в российской юридической науке стал применяться в конце XVII века [14, с. 104–105], преимущественно в качестве синонима позитивного закона, отражающего, как правило, волю монарха или конкретного правомочия члена соответствующего сословия (духовенства, дворянства, купечества, мещанства, крестьянства, казачества и т. д.).

Ряд западных историков и теоретиков права с удивительным упорством пытаются доказать антинаучный тезис о том, что русский народ по своей природе склонен к рабскому духу азиатской покорности, а российское государство с древнейших времен является антиправовой организацией, подавляющей любые права человека [43]. Некоторые из них пишут о крайне негативном влиянии правового идеала Византийской империи на восприятие восточными славянами идеи формальной законности [44].

Эти заблуждения герменевтически базируются на том, что романо-германские и англо-саксонские юридические понятия «типа *law, jus, lex* и им подобные не могут отождествляться с русским Правом ввиду существенной разницы в их духовной, собственно правовой, природе» [33, с. 7].

Сербский ученый Божидар Митрович считает, что латинский термин *iustitia* своими корнями уходит в древнее праславянское единство этрусков и венодов, для которых правосудие называлось *устами истины, т. е. в квирутской транскрипции все та же iustitia* [19, с. 190]. Даже в таком древнеримском юридическом понятии, как *codex*, он видит рассенское слово «*колодух*» (*солнцедух*), указывающее на сакральный гелеономный характер законодательства децемвиров, являвшихся, как и многие античные народы, солнцепоклонниками [19, с. 191].

Как отмечают историки Н. А. Осокин и И. Смирнов, даже Юстиниан I — великий византийский император, кодифицировавший римское право, — был славянского роду-племени. Его настоящее имя — *Управда*. Он сын мужа Истока и женщины Бегляницы из славянской деревни Ведряны, в старой Сербии [24, с. 327; 34, с. 4]. Его дядя — император Юстин — сам когда-то молодым земледельцем пришел пешком в Константинополь из той же деревни и потом привел свою жену Лупкину и родную сестру Бегляницу — мать Юстиниана [4, с. 78].

Право в современном сербском языке — это не только система общеобязательных формально-определенных норм, обеспеченных силой государства, но и прямой путь [36, с. 659], как и в древнеславянской традиции, называющий правую руку *десницей*, а левую — *шуницей*.

Из этого следует, что искусство справедливости состоит в поисках правильного жизненного поведения, соответствующего духовно-нравственным ценностям вселенской морали, корнящейся в сакральной сущности трансцендентальной истины, к которой должна стремиться человеческая цивилизация.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что под древнеславянским правом языческого периода славяне понимали Божественную волю, воплощенную

в сакральных законах, реализуемых посредством испытательного правосудия, а также княжеским или народным правотворчеством.

Постепенно в процессе христианизации сформировалась синкретическая дихотомия, в которой Божественная воля олицетворялась с библейскими нормами (Ветхого и Нового Завета); система ордалий заменялась инквизиционными началами розыскного процесса, а великокняжеское (впоследствии царское или королевское) правотворчество вытеснило вечевое законотворчество.

Литература

1. Гильфердинг А. Ф. Когда Европа была нашей: история балтийских славян. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. 320 с.
2. Гнатюк В., Гнатюк Ю. Славянский ведизм и законы права. М.: АСТ, 2020. 288 с.
3. Губанов Г. В. Золотые россыпи: в 3 т. Русские изречения: пословицы, поговорки, афоризмы. Ростов н/Д.: Альтаир, 2016. Т. 1. 544 с.
4. Де-Витте Е. Чтенія по исторіи славянъ. Балтыйскіе Славяне. Хорваты. Сербы. Хорутане. Болгары. Велико-Моравія. Чехія. Польша. Русь. Ковно: тип. Губ. правл., 1886. 262 с.
5. Договор Руси с Византией 911 год // Памятники права Киевского государства X–XII веков / сост. доцент А. А. Зимин. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. 287 с.
6. Договор Руси с Греками 907 г. // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб. пособие / авт.-сост.: канд. юрид. наук А. В. Серегин, д-р филос. наук М. А. Черкасова. М.: Юрлитинформ, 2020. 375 с.
7. Договор Руси с Византией 944 г. // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб. пособие / авт.-сост.: канд. юрид. наук А. В. Серегин, д-р филос. наук М. А. Черкасова. М.: Юрлитинформ, 2020. 375 с.
8. Договор Руси с Греками 971 г. // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб. пособие / авт.-сост.: канд. юрид. наук А. В. Серегин, д-р филос. наук М. А. Черкасова. М.: Юрлитинформ, 2020. 375 с.
9. Довелесова книга. Древнейшие сказания Руси. М.: Амрита-Русь, 2012. 192 с.
10. Ермолович В. И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV веков): монография / В. И. Ермолович. Минск: БГЭУ, 2021. 301 с.
11. Законы Ману / пер. Г. Д. Эльмановича, проверенный и испр. Г. Ф. Ильиным. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 362 с.
12. Законник Стефана Душана 1349 года // Флоринский Т. Д. Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы. Сербский Законникъ. Сб. византийскихъ законовъ. Киевъ: Императорский университет св. Владимира, 1888. 767 с.
13. Закон Судный людем (IX век) // Серегин А. В. Собрание памятников древнеславянского права: учеб. пособие: в 4 т. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. Т. III: Средневековое законодательство южных славян. 266 с.
14. Золотухина Н. М. Средневековые мыслители России о правде, законе, справедливости, истине и благодати // Тр. Ин-та государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т.13. № 2. С. 102–142.

15. Зорькин В. Д. Право против Хаоса: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 368 с.
16. Конрад Бото. Саксонская хроника (1492) [Электронный ресурс]. URL: http://rujan.jino-net.ru/article.php?id=1_1 (дата обращения: 04.07.2019).
17. Кормчаал (номоканонъ). Напечатана съ оригинала патріарха Іосифа. М.: Церковь, 1913. 1481 с.
18. Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Исследования по истории памятников средневекового права: сб. ст. / Л. В. Милов; [под ред. Б. Н. Флори, А. А. Горского]. М.: Российская политическая энциклопедия (ЗЩССПЭН), 2009. 336 с.
19. Митровић Б. КолоВени (СлоВени) и континуитет културе и права / Б. Митровић. Београд; М.; СПб.: КолоВенија; Царскоселски држ. унив. А. С. Пушкин, 2008. 751 с.
20. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Рос. энцикл., 1997. Т. 2. 672 с.
21. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: монография. М.: Зерцало-М, 2003. 416 с.
22. Новгородская Судная грамота XV в. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. Т. I. 430 с.
23. Обелиск из Ксантоса: Законник правних, обычајних и моралних, начела Срба (пре 2600–2800 година). Ниш: Сербона, 2003. 94 с.
24. Осокин Н. А. История Средних веков. (XIII-е, XIV-е и первая половина XV столетия). Казань: Типография Императорского Ун-та, 1888. Т. I. 775 с.
25. Повесть временных лет // ПСРЛ. М.: Академия наук, 1962. Т. 1. 379 с.
26. Псковская судная грамота 1467 г. // Собрание памятников древнеславянского права: учебное пособие: в 4 т. / А. В. Серегин; Южный федеральный ун-т. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. Т. I: Юридические источники Древней Руси и Московского царства (X–XII вв.). 243 с.
27. Ромашов Р. А. Своеобразие отечественных источников права по сравнению с западными аналогами (X–XVIII веков) // Право и государство: теория и практика. 2013. № 12. (108). С. 72–79.
28. Русская Правда (краткая редакция) // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб. пособие / авт.-сост.: канд. юрид. наук А. В. Серегин, д-р филос. наук М. А. Черкасова. М.: Юрлитинформ, 2020. 375 с.
29. Русская Правда (пространная редакция) // Собрание памятников древнеславянского права: учеб. пособие: в 4 т. / А. В. Серегин; Южный федеральный университет. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. Т. I: Юридические источники Древней Руси и Московского царства (X–XVII вв.). 243 с.
30. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М.: Синод. тип.; Тип. Моск. ун-та, 1908. 813 с.
31. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. 451 с.
32. Серегин А. В. Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья: от общинно-вечевых истоков к крепостничеству): монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 334 с.
33. Сорокин В. В. Российская традиция правопонимания // История государства и права, 2011. № 11. С. 6–15.

34. Смирнов И. Очеркъ исторіи хорватскаго государства до подчиненія его угорской коронѣ. Казань: въ университетской типографіи, 1879. 133 с.
35. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменнымъ памятникамъ. СПб.: Издание Отд-нія рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893. Т. I. 771 с.
36. Српско-руски речник / Радослав Бошковић. Београд: Јасен, 2013. 1576 с.
39. Тураев Б. А. Законы Хаммурапи. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 122 с.
40. Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2014. 240 с.
41. Эклога // Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская Книга Эпарха. Рязань: Александрия, 2006. 591 с.
42. Jireček H. Svod zákonův slovanských. Praha: F. Tempsky, 1880. 596 s.
43. Klemola A. M. Military Service and Elite Status in Muscovy in the second Quarter of the Sixteenth Century // Russian History. 1980. Vol. 7. P. 1–2. P. 47–64.
44. Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge; NY.: Cambridge University Press, 1981. 326 p.

Literatura

1. Gil'ferding A. F. *Kogda Evropa by'la nashej: istoriya baltijskix slavyan*. М.: E'ksmo; Algoritm, 2010. 320 s.
2. Gnatyuk V., Gnatyuk Yu. *Slavyanskij vedizm i zakony` pravi*. М.: AST, 2020. 288 s.
3. Gubanov G. V. *Zoloty`e rossy`pi: v 3 t. Russkie izrecheniya: posloviцы, pogovorki, aforizmy`*. Rostov n/D.: Al'tair, 2016. Т. 1. 544 s.
4. De-Vitte E. *Chteniya po istorii slavyan`*. Baltijskie Slavyane. Xorvaty`. Serby`. Xorutane. Bolgary`. Veliko-Moraviya. Chexiya. Pol'sha. Rus`. Kovno: tip. Gub. pravl., 1886. 262 s.
5. *Dogovor Rusi s Vizantiej 911 god // Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XII vekov / sost. docent A. A. Zimin*. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury`, 1952. 287 s.
6. *Dogovor Rusi s Grekami 907 g. // Sobranie srednevekovy`x pamyatnikov drevne-russkogo (vostochnoslavjanskogo) prava: ucheb. posobie / avt.-sost.: kand. jurid. nauk A. V. Seregin, d-r filos. nauk M. A. Cherkasova*. М.: Yurlitinform, 2020. 375 s.
7. *Dogovor Rusi s Vizantiej 944 g. // Sobranie srednevekovy`x pamyatnikov drevne-russkogo (vostochnoslavjanskogo) prava: ucheb. posobie / avt.-sost.: kand. jurid. nauk A. V. Seregin, d-r filos. nauk M. A. Cherkasova*. М.: Yurlitinform, 2020. 375 s.
8. *Dogovor Rusi s Grekami 971 g. // Sobranie srednevekovy`x pamyatnikov drevne-russkogo (vostochnoslavjanskogo) prava: ucheb. posobie / avt.-sost.: kand. jurid. nauk A. V. Seregin, d-r filos. nauk M. A. Cherkasova*. М.: Yurlitinform, 2020. 375 s.
9. *Dovelesova kniga. Drevnejshie skazaniya Rusi*. М.: Amrita-Rus`, 2012. 192 s.
10. *Ermolovich V. I. Osnovny`e instituty` grazhdanskogo prava srednevekovoj Serbii i stran kontinental'noj Evropy` (X–XV vekov): monografiya / V. I. Ermolovich*. Minsk: BGE`U, 2021. 301 s.
11. *Zakony` Manu / per. G. D. E'l'manovicha, proverenny`j i ispr. G. F. Il'iny`m*. М.: Izd-vo vostochnoj literatury`, 1960. 362 s.
12. *Zakonnik Stefana Dushana 1349 goda // Florinskij T. D. Pamyatniki zakonodatel'noj deyatel'nosti Dushana czarya Serbov`` i Grekov``. Xrisovuly`. Serbskij Zakonnik``. Sb. vizantijskix`` zakonov``*. Kiev``: Imperatorskij universitet sv. Vladimira, 1888. 767 s.

13. Zakon Sudny`j lyudem (IX vek) // Seregin A.V. Sobranie pamyatnikov drevneslavyanskogo prava: ucheb. posobie: v 4 t. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta, 2014. T. III: Srednevekovoe zakonodatel'stvo yuzhny`x slavyan. 266 s.
14. Zolotuxina N. M. Srednevekovy`e my`sliteli Rossii o pravde, zakone, spravedlivosti, istine i blagodati // Tr. In-ta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. T. 13. № 2. S. 102–142.
15. Zor`kin V. D. Pravo protiv Khaosa: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Norma; INFRA-M, 2018. 368 s.
16. Konrad Boto. Saksonskaya xronika (1492) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://rujan.jino-net.ru/article.php?id=I_1 (data obrashheniya: 04.07.2019).
17. KormchaА (nomokanon``). Napechatana s`` originala patriarxa Iosifa. M.: Cerkov`, 1913. 1481 s.
18. Milov L. V. Legenda ili real`nost`? (O neizvestnoj reforme Vladimira i Pravde Yaroslava) // Issledovaniya po istorii pamyatnikov srednevekovogo prava: sb. st. / L. V. Milov; [pod red. B. N. Flori, A. A. Gorskogo]. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ZShhSSPE`N), 2009. 336 s.
19. Mitrovih B. KoloVeni (SloVeni) i kontinuitet kulture i prava / B. Mitrovih. Beograd; M.; SPb.: KoloVenija; Czarskoselski drzh. univ. A. S. Pushkin, 2008. 751 s.
20. Mify` narodov mira: e`nciklopediya: v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. M.: Bol`shaya Ros. e`ncikl., 1997. T. 2. 672 s.
21. Momotov V. V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv.: monografiya. M.: Zerczalo-M, 2003. 416 s.
22. Novgorodskaya Sudnaya gramota XV v. // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M.: Yurid. lit., 1984. T. I. 430 s.
23. Obelisk iz Ksantosa: Zakonnik pravnix, oby`chajnix i moralnix, nachela Srba (pre 2600–2800 godina). Nish: Serbona, 2003. 94 s.
24. Osokin N. A. Istorija Srednix vekov. (XIII-e, XIV-e i pervaya polovina XV stoletiya). Kazan`: Tipografiya Imperatorskogo Un-ta, 1888. T. I. 775 s.
25. Povest` vremenny`x let // PSRL. M.: Akademiya nauk, 1962. T. 1. 379 s.
26. Pskovskaya sudnaya gramota 1467 g. // Sobranie pamyatnikov drevneslavyanskogo prava: uchebnoe posobie: v 4 t. / A. V. Seregin; Yuzhny`j federal`ny`j un-t. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta, 2014. T. I: Yuridicheskie istochniki Drevnej Rusi i Moskovskogo czarstva (X–XII vv.). 243 s.
27. Romashov R. A. Svoeobrazie otechestvenny`x istochnikov prava po sravneniyu s zapadny`mi analogami (X–XVIII vekov) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013. № 12. (108). S. 72–79.
28. Russkaya Pravda (kratkaya redakciya) // Sobranie srednevekovy`x pamyatnikov drevnerusskogo (vostochnoslavyanskogo) prava: ucheb. posobie / avt.-sost.: kand. jurid. nauk A. V. Seregin, d-r filos. nauk M. A. Cherkasova. M.: Yurlitinform, 2020. 375 s.
29. Russkaya Pravda (prostrannaya redakciya) // Sobranie pamyatnikov drevneslavyanskogo prava: ucheb. posobie: v 4 t. / A. V. Seregin; Yuzhny`j federal`ny`j universitet. Rostov n/D.: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta, 2014. T. I: Yuridicheskie istochniki Drevnej Rusi i Moskovskogo czarstva (X–XVII vv.). 243 s.
30. Samokvasov D. Ya. Kurs istorii russkogo prava. M.: Sinod. tip.; Tip. Mosk. un-ta, 1908. 813 s.
31. Sergeevich V. I. Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava / pod red. i s predislovиеm V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo-M, 2014. 451 s.

32. Seregin A. V. E`volyuciya drevneslavyanskogo prava (e`poxa Srednevekov`ya: ot obshhinno-vechevy`x istokov k krepostnichestvu): monografiya. M.: INFRA-M, 2018. 334 s.
33. Sorokin V. V. Rossijskaya tradiciya pravoponimaniya // Istorija gosudarstva i prava, 2011. № 11. S. 6–15.
34. Smirnov I. Oчерк`` istorii xorvatskago gosudarstva do podchineniya ego ugorskoj koronѣ. Kazan``: v`` universitetskoj tipografii, 1879. 133 s.
35. Sreznevskij I. I. Materialy` dlya slovarya drevnerusskogo yazy`ka po pis`menny`m pamyatnikam. SPb.: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1893. T. I. 771 s.
36. Srpsko-ruski rechnik / Radoslav Boshkoviћ. Beograd: Jacen, 2013. 1576 s.
39. Turaev B. A. Zakony` Xammurapi. M.; Berlin: Direkt-Media, 2018. 122 s.
40. Shepping D. O. Mify` slavyanskogo yazy`chestva. M.: Akademicheskij Proekt; Gaudeamus, 2014. 240 s.
41. E`kloga // E`kloga. Vizantijskij zakonodatel`ny`j svod VIII veka. Vizantijskaya Kniga E`parxa. Ryazan`: Aleksandriya, 2006. 591 s.
42. Jireček H. Svod zákonův slovanských. Praha: F. Tempsky, 1880. 596 s.
43. Klemola A. M. Militay Service and Elite Status in Muscovy in the second Quarter of the Sixteenth Century // Russian History. 1980. Vol. 7. P. 1–2. P. 47-64.
44. Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge; NY.: Cambridge University Press, 1981. 326 p.

Статья поступила в редакцию: 07.12.2022;
одобрена после рецензирования: 23.12.2022;
принята к публикации: 25.12.2022.

The article was submitted: 07.12.2022;
approved after reviewing: 23.12.2022;
accepted for publication: 25.12.2022.

УДК 342.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.03

С. А. Афанасьева

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

E-mail: AfanasievaSA@mgpu.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Целью представленной статьи является выявление особенностей и проблем осуществления прокурорского надзора за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации. Автором с помощью классических юридических методов, в том числе формально-юридического, системно-структурного, сравнительно-правового, предпринята попытка выявить основные проблемы прокурорского надзора в указанной сфере и определить перспективы его совершенствования. В результате исследования сделан вывод о том, что в настоящее время прокурорский надзор за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления является достаточно эффективным, а его результаты носят удовлетворительный характер. Вместе с тем наиболее успешному решению задач прокурорского надзора в указанной сфере препятствует ряд проблем, основными из которых являются пробелы в законодательстве, регулирующем процедуры некоторых надзорных мероприятий, и отсутствие налаженного механизма взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры, устранение которых автору видится путем совершенствования отдельных источников правового регулирования исследуемой сферы и принятия мер организационного характера.

Ключевые слова: муниципалитет; исполнение закона; проверка; надзорные мероприятия; муниципальные правовые акты; органы прокуратуры.

UDC 342.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.03

S. A. Afanasyeva

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: AfanasievaSA@mgpu.ru

PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE ACTIVITIES OF BODIES AND OFFICIALS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Abstract. The purpose of this article is to identify the features and problems of the implementation of prosecutorial supervision over the activities of bodies and officials of local self-government in the Russian Federation. The author, using classical legal methods, including formal legal, system-structural, comparative legal methods, made an attempt to identify the main problems of prosecutorial supervision in this area and determine the prospects for its improvement. As a result of the study, it was concluded that at present, prosecutorial supervision over the activities of local government bodies and officials is quite effective, and its results are satisfactory. At the same time, the most successful solution of the tasks of prosecutorial supervision in this area is hindered by a number of problems, the main of which are gaps in the legislation regulating the procedures for certain supervisory activities, and the lack of an established mechanism for interaction between local governments and the prosecutor's office, the elimination of which the author sees by means of improving particular sources of legal regulation of the sphere under study and the adoption of organizational measures.

Keywords: municipality; enforcement of the law; verification; supervisory activities; municipal legal acts; prosecution authorities.

Введение

Законность деятельности субъектов муниципальной власти является гарантией обеспечения прав и свобод человека в государстве. Стоит отметить значимую роль органов Прокуратуры Российской Федерации (далее — РФ) в поддержании законности и укреплении правопорядка в любом демократическом правовом государстве. Прокурорский надзор за четким и единообразным исполнением законов субъектами власти приобретает особое значение в сфере местного самоуправления, где реализуются основные потребности населения и создаются жизнеобеспечивающие условия. В связи с этим нарушения законодательства, допускаемые органами и должностными лицами местного самоуправления в процессе реализации ими своих полномочий, в значительной степени ухудшают положение проживающих в соответствующем муниципалитете граждан и отрицательно сказываются на их правах.

Зачастую неправомерные действия/бездействия местных властей становятся непреодолимой преградой для реализации законных интересов жителей конкретной территории.

Надзор за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления в РФ является важной функцией органов прокуратуры государства, направленной на выявление, пресечение, устранение и предупреждение нарушений муниципальных правовых норм соответствующими органами и лицами. Цели и задачи осуществляемых прокуратурой надзорных мероприятий направлены, прежде всего, на укрепление законности в муниципальных образованиях, а также на защиту прав и интересов проживающих там граждан. Степень научной разработанности темы сложно определить однозначно. С одной стороны, существует достаточно много научных исследований, посвященных анализу института прокурорского надзора в РФ, рассмотрению особенностей и проблем его функционирования (А. И. Британов, З. И. Исламова, О. А. Козусева, Д. А. Маслова, А. Г. Халиулин и др.). С другой стороны, вопросы специфики прокурорского надзора за деятельностью субъектов муниципальной власти не часто поднимаются в научной литературе. В связи с этим изучение вопросов правового регулирования прокурорского надзора за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления, выявление особенностей и проблем в этой сфере приобретает большую актуальность.

Методы

В процессе подготовки настоящего исследования автором использовались такие общенаучные методы, как диалектический, дедукция, индукция, анализ и синтез, а также специальные юридические методы: формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Основное исследование

Анализ законодательства РФ и практики его применения позволяет утверждать, что «основным средством и одновременно формой прокурорского надзора является прокурорская проверка» [4, с. 180]. Вместе с тем данная правовая категория не имеет конкретного законодательного определения, в связи с чем возникает проблема разграничения понятий прокурорской проверки и иных действий прокурора по отношению к поднадзорным объектам. Федеральное законодательство вносит некоторую ясность в этот вопрос, устанавливая отличительный признак прокурорской проверки, — для ее проведения необходимо наличие решения о проверочных мероприятиях. С учетом этого обстоятельства в юридической литературе предлагается следующее определение прокурорской проверки: «это формально определенное сочетание мероприятий и действий,

проводимых органами прокуратуры РФ на основании специального решения и в рамках своей компетенции с целью оценки соответствия деятельности поднадзорных объектов установленным законом требованиям» [3, с. 130]. Иными словами, проведение проверочных мероприятий направлено на обеспечение режима законности в сфере деятельности поднадзорного объекта. Достижению данной цели на муниципальном уровне способствует решение прокурорскими работниками таких задач, как получение информации о законности деятельности конкретных органов и должностных лиц местного самоуправления; мониторинг, обоснование и объективная оценка условий и ситуации в муниципалитете; принятие решений о мерах прокурорского реагирования в случае обнаружения нарушений.

Особенности общей процедуры проведения прокурорских проверок определяются Федеральным законом «О прокуратуре РФ»: прокурору предписана обязанность не позднее дня начала проверочных мероприятий ознакомить поднадзорный объект с решением о проведении проверки. Данное обстоятельство очень значимо, поскольку только при надлежащем извещении проверяемых органов или лиц, проверка будет считаться правомерной. Также, в случае необходимости расширения предмета и пределов проверки, прокурор обязан довести до сведения поднадзорного объекта соответствующее мотивированное решение. Кроме того, установлен срок проведения прокурорской проверки (30 календарных дней), однако если для достижения цели проверки потребуются дополнительные проверочные мероприятия, то указанный срок может быть продлен не более чем на 30 календарных дней. Дальнейшее увеличение срока возможно только на основании решения Генерального прокурора РФ. При наличии следующих обстоятельств прокурор вправе приостановить осуществление проверки: необходимость провести длительные и сложные исследования, экспертизы с целью получить нужные сведения; в случае действий или бездействий поднадзорного объекта, препятствующих завершению проверочных мероприятий в установленный для них срок, например в случае непредставления запрашиваемой информации.

Законодательство о местном самоуправлении в РФ предусматривает два вида прокурорских проверок, которые могут проводиться на муниципальном уровне: плановые и внеплановые. При этом также определены особенности и порядок проведения названных проверок. Плановые проверки проводятся органами прокуратуры на основании ежегодного плана проверочных мероприятий совместно с другими органами государственного контроля, например с Федеральным казначейством. Проект ежегодного плана также формируется совместно и в дальнейшем направляется в прокуратуру субъекта РФ, которая оценивает законность внесения в план тех или иных объектов надзора и утверждает окончательный план, который впоследствии подлежит размещению на сайте проверяющего органа и сайте соответствующей прокуратуры. В плане обязательно отражается следующее: наименования проверяющих органов, наименование и место нахождения субъектов местной власти, деятельность которых будет проверяться; основания, цели и сроки проведения проверочных мероприятий.

В свою очередь, внеплановые проверки реализуются на основании решения руководителя той прокуратуры, которой будут проводиться проверочные мероприятия и иницируются в связи с обнаружением фактов нарушений законодательства, прав и свобод человека и гражданина. Поводом к осуществлению внеплановой проверки также может быть необходимость проконтролировать исполнение ранее выданных предписаний об устранении выявленных нарушений. Такое решение требует обязательного согласования с прокуратурой соответствующего региона РФ. Инициатива проведения внеплановых прокурорских проверок также может исходить от Президента РФ, Правительства РФ, Генерального прокурора и прокурора субъекта РФ. В таком случае проверочные мероприятия будут проводиться на основании поручения одного из выше-названных субъектов. Предварительное согласование с органами прокуратуры не требуется.

При выдаче предписаний об устранении нарушений и установлении сроков их исполнения прокурор обязан учитывать необходимость соблюдения органами и должностными лицами местного самоуправления требований и процедур, установленных законодательством РФ. Результаты проведенной проверки и сведения о принятых мерах подлежат внесению в единый реестр проверок. Также необходимо особо подчеркнуть, что достижение цели проверки зависит от эффективности тех мероприятий, которые проводит прокурор в ходе каждого этапа проверки, вследствие чего важное значение приобретает исследование вопросов методического обеспечения прокурорских проверок. Так, на основе многолетнего опыта осуществления прокурорского надзора и достижений юридической науки для прокуроров разрабатываются методические рекомендации, которые содержат определенную совокупность методов работы, применяемых в той или иной ситуации. Данные рекомендации согласованы с положениями действующего законодательства и не противоречат им; обусловлены целями и задачами конкретной прокурорской проверки; отвечают требованиям обоснованности и целесообразности. В качестве примера можно привести методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «По организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об обращении с отходами производства и потребления». В данных рекомендациях установлены обстоятельства, подлежащие обязательному установлению в ходе проверок субъектов местной власти. Среди них: законность действующих муниципальных правовых актов в области обращения с отходами, каким образом осуществляется участие органов и должностных лиц местного самоуправления в организации деятельности по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов; соблюдается ли запрет на захоронение отходов в границах населенных пунктов; есть ли места на территории муниципального образования, где несанкционированно размещены отходы, осуществляются ли соответствующие мероприятия для ликвидации этих объектов. Прокурорам рекомендовано получить полную и достоверную информацию об объектах, на которых происходит сбор, сортировка, подготовка к транспортированию,

обработка и обезвреживание отходов. В методических рекомендациях также разъяснены вопросы информационного обеспечения надзора в этой сфере, указывается, что источниками необходимых сведений для проведения проверки могут быть средства массовой информации, обращения граждан, руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды. Информация также может быть получена при изучении материалов гражданских, арбитражных и уголовных дел об экологических преступлениях, а также материалов ранее проведенных прокурорских проверок.

«Методы проведения проверочных мероприятий тесно связаны с тактикой их применения» [6, с. 27]. Использование тактических приемов придает надзорной деятельности прокурора организационную определенность и конкретность. Итак, методика проведения проверки относится к содержанию самой деятельности, а тактика — к ее организации, их применение в совокупности обеспечивает получение предполагаемых результатов оптимальным образом. Однако прокурор самостоятельно избирает ту или иную методику и тактику исходя из своего профессионального опыта и собственной оценки исходных обстоятельств, с которыми связано проведение проверки.

Так, порядок проведения прокурорской проверки в отношении субъектов муниципальной власти подробно регламентирован в действующем законодательстве. Наряду с обязательными требованиями законов существуют рекомендательные положения, методики и тактики прокурорских проверок, содержащиеся в специальных пособиях для прокуроров. Данные рекомендации включают оптимальные способы достижения предполагаемых результатов с учетом исходных обстоятельств. Установление правовых пределов, в рамках которых прокурор обязан проводить проверочные мероприятия, позволяет избежать необоснованного вмешательства в деятельность органов и должностных лиц местного самоуправления. Прокуроры ежегодно пресекают и выявляют разнообразные нарушения законодательства субъектами муниципальной власти, восстанавливают нарушенные права граждан. Однако в ходе осуществления своих полномочий прокуроры сталкиваются с трудностями, которые в определенной степени препятствуют эффективному решению задач прокурорского надзора в этой сфере. Решение возникающих проблем должно поспособствовать повышению результативности прокурорского надзора на местном уровне.

В законодательстве, регулирующем вопросы надзора органов прокуратуры за законностью муниципальных правовых актов, видится ряд проблем. Так, Приказ Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления» закрепляет за прокурорскими работниками обязанность осуществлять мониторинг принятия новых нормативно-правовых актов местного самоуправления. Согласно данному приказу прокурорам городов и районов необходимо организовывать активное

изучение таких проектов работниками соответствующих прокуратур. Для выполнения этой задачи прокуроры направляют в органы местного самоуправления запросы о предоставлении необходимой информации, также прокуроры отслеживают принятие муниципальных актов и изучают их. Проведение этих мероприятий осложняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, «на субъекты местного самоуправления федеральным законом не возложена обязанность регулярно информировать органы прокуратуры о всех готовящихся проектах нормативных правовых актов» [2, с. 130]. Так, отсутствует организованный механизм поступления в прокуратуру сведений о таких проектах. Немаловажной проблемой является и то, что в условиях постоянной занятости прокуроров, в связи с их объемной работой по другим направлениям, постоянный мониторинг готовящихся к принятию муниципальных правовых актов становится непростой задачей, сопровождающейся кадровыми проблемами. Также обязанность должностных лиц органов местного самоуправления устранять в проектах муниципальных актов выявленных прокурором несоответствий никак не регламентирована, замечания органов прокуратуры в указанной сфере обязательными для исполнения субъектами местной власти не являются. Открытым также остается вопрос о возможности объявления прокуратурой предостережения в законодательстве (статья 25.1 Федерального закона № 2202-1) не детализируется субъект (должностное лицо), в отношении которого может быть объявлено предостережение о недопустимости нарушения закона.

Так, на наш взгляд, приведенные обстоятельства не позволяют прокурорам оперативно пресекать, еще на стадии подготовки, принятие муниципальных правовых актов, противоречащих законодательству РФ, и свидетельствуют о необходимости совершенствования механизмов взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления в части подготовки последними их актов. На сегодняшний день, например, «в некоторых районах Республики Татарстан по инициативе прокуроров заключены двусторонние соглашения между городскими, районными прокуратурами и муниципальными образованиями» [7, с. 190], которые предусматривают обязанность муниципалитета предоставлять проекты муниципальных правовых актов в органы прокуратуры. Представляется, что подобную практику необходимо распространить по всей территории РФ, возможно издание приказа Генеральной прокуратурой, обязывающего прокуроров городов и районов проконтролировать заключение соглашений с муниципальными образованиями о порядке и сроках предоставления последними проектов. Кроме того, целесообразно также закрепить обязанность/полномочие прокуроров направлять предостережение о недопустимости нарушения закона в адрес органов местного самоуправления, в случае если будет установлено, что текст проекта муниципального правового акта содержит противоречащие закону положения.

Определенные трудности также возникают при реализации прокуратурой полномочий по проведению антикоррупционных экспертиз в отношении

муниципальных правовых актов. Один из случаев, произошедший в октябре 2020 года в городе Новороссийске, демонстрирует необходимость совершенствования механизма прокурорского надзора в данной сфере. Так, «администрация муниципального образования разработала проект внесения изменений в генеральный план города, предусмотрев в нем размещение 34 объектов местного значения (школ, детских садов, больниц и др.)» [5, с. 278]. С соблюдением всех правовых процедур проект был вынесен на публичное обсуждение населением, затем он рассматривался компетентными федеральными, региональными и муниципальными органами. В дальнейшем в соответствии с требованием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» проект был направлен в городскую прокуратуру для проведения экспертизы, которая после изучения материалов выдала заключение об отсутствии коррупциогенных факторов. Параллельно проект был рассмотрен и отрицательно оценен Азово-Черноморской природоохранной прокуратурой. В заключении отмечалось «нарушение лесного и земельного законодательства, выразившееся необоснованным включением в границы населенных пунктов отдельных сельскохозяйственных и лесных участков». Однако не было указано, какие именно положения предоставленных документов нарушают закон. Вместе с тем в данной ситуации имело место не противоречие проекта законодательству, а коллизии, допускающие произвольный выбор должностными лицами норм, подлежащих применению в конкретном случае. В результате перспективы постройки социально значимых для граждан учреждений остались неясными. Приказ Генеральной прокуратуры РФ «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» относит проведение антикоррупционных экспертиз к исключительной компетенции территориальных органов прокуратуры, однако на практике прокуроры субъектов иногда ставят эту задачу перед специализированными прокуратурами. Так, согласно Указаниям прокуратуры Краснодарского края от 28.12.2018 № 302/22 на спецпрокуроров возложена обязанность изучать проекты муниципальных правовых актов с целью выявления коррупциогенных факторов. Итогом явилось противоречие между ведомственными нормативными актами, которое привело к дублированию полномочий субъектов прокурорского надзора. На наш взгляд, проблема заключается в том, что ключевые вопросы прокурорского надзора за соблюдением антикоррупционного законодательства регулируются неоправданно большим количеством нормативных правовых актов различных ведомств, что создает путаницу для правоприменителей. Стоит отметить, что борьба с коррупциогенными факторами — одно из приоритетных направлений деятельности прокуратуры, от ее практических результатов зависит состояние законности в российском обществе, а также уровень доверия граждан государственной власти в целом, в связи с чем становится очевидной потребность упорядочения, прежде всего на федеральном уровне, норм, связанных с прокурорской антикоррупционной экспертизой.

На наш взгляд, представляются также интересными мнения самих прокурорских работников о прокурорском надзоре в сфере местного самоуправления. «Так, летом 2020 года среди сотрудников прокуратур субъектов Российской Федерации, городских, районных прокуратур проводился опрос. По результатам опроса 111 из 115 опрошенных лиц отметили наличие проблем в этой области» [1, с. 35]. Большинство респондентов (около 60 %) указали на недостаточность времени для тщательного проведения проверок. Второе место занимает несовершенство законодательства о проверке исполнения законов (около 30 %). Большинство из отметивших эту проблему упомянули пробел в Федеральном законе «О прокуратуре РФ», связанный с отсутствием понятия прокурорской проверки. Действительно, вопросы правового определения прокурорских проверок приобретают все большую актуальность и требуют внимания законодателя. Остальные респонденты отметили отсутствие квалифицированных специалистов, необходимых для участия в проведении проверок. Дело в том, что при проведении проверочных мероприятий зачастую необходимо участие специалистов, обладающих знаниями, необходимыми для наиболее комплексного и точного исследования вопросов проверки, достижения ее целей. К проверкам часто привлекаются лица, обладающие профессиональными знаниями в областях экономики, финансов, градостроительства, труда и пр. Особенно эта проблема остро стоит в малонаселенных районах, где поблизости нет управлений специализированных государственных органов, которые могли бы обеспечить участие своих сотрудников в прокурорских проверках. Решение видится в установлении более тесного взаимодействия органов прокуратуры с органами государственной власти специальной компетенции, например заключение двусторонних соглашений данных органов с прокуратурами, предоставление последними плана проведения прокурорских проверок.

Выводы

Настоящее исследование свидетельствует, что прокурорский надзор за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления в РФ носит удовлетворительный характер и в целом отвечает требованиям, целям и задачам действующего в этой сфере законодательства. Вместе с тем детальное изучение процессов его реализации позволяет выделить некоторые проблемы, основные из которых связаны с пробелами в законодательстве. Отсутствие должной правовой регламентации некоторых процедур, четкого разделения компетенции органов прокуратуры по вопросам антикоррупционных экспертиз в федеральном законодательстве ведут к возникновению ощутимых препятствий в ходе правоприменения, которые тормозят решение задач и достижение целей прокурорского надзора на местном уровне. В свою очередь, некоторые проблемы носят исключительно организационный характер (загруженность

прокурорских работников и нехватка специалистов). При этом разрешение вышеназванных проблем остается значимым и актуальным, так как от этого зависит эффективность реализации основных полномочий всей системой органов прокуратуры РФ в части надзора за соблюдением прав и свобод человека на местном уровне и поддержание в обществе высокой степени законности, стабильности и авторитета государственной власти среди населения. Представляется необходимым, во-первых, совершенствование норм законодательства в части регулирования процедур проведения прокурорских надзорных мероприятий; во-вторых, принятие обеспечительных мер организационного характера.

Литература

1. Козусева О. А. Проблемы прокурорской проверки исполнения законов вне уголовно-правовой сферы // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2020. № 18(18). С. 35–37.
2. Михайличенко Т. Н. Проблемы прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 3–4 (65). С. 128–132.
3. Обуховский И. Н. Прокурорская проверка как основная форма выявления нарушений законодательства в государстве // Военное право. 2017. № 3 (43). С. 130–132.
4. Прокурорский надзор: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 454 с.
5. Селихова О. Г. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов органов местного самоуправления в предмете прокурорского надзора: проблемы практики // Современный ученый. 2021. № 1. С. 277–290.
6. Смирнов А. Ф. К вопросу о методике и тактике прокурорской проверки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (60). С. 26–36.
7. Хобраков Д. Ц. Актуальные проблемы прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2–1. С. 188–192.

Literatura

1. Kozuseva O. A. Problemy` prokurorskoj proverki ispolneniya zakonov vne ugolovno-pravovoj sfery` // Altajskij vestnik gosudarstvennoj i municipal`noj sluzhby`. 2020. № 18 (18). S. 35–37.
2. Mixajlichenko T. N. Problemy` prokurorskogo nadzora za zakonnost`yu normativny`x pravovy`x aktov organov mestnogo samoupravleniya // Voprosy` sovremennoj yurisprudencii. 2017. № 3–4 (65). S. 128–132.
3. Obuxovskij I. N. Prokurorskaya proverka kak osnovnaya forma vy`yavleniya narushenij zakonodatel`stva v gosudarstve // Voennoe pravo. 2017. № 3 (43). S. 130–132.
4. Prokurorskij nadzor: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i specialiteta / pod red. A. F. Smirnova, A. A. Usacheva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2019. 454 s.
5. Selixova O. G. Antikorrupcionnaya e`kspertiza normativno-pravovy`x aktov organov mestnogo samoupravleniya v predmete prokurorskogo nadzora: problemy` praktiki // Sovremenny`j ucheny`j. 2021. № 1. S. 277–290.

6. Smirnov A. F. K voprosu o metodike i taktike prokurorskoj proverki // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 8 (60). S. 26–36.

7. Хобраков Д. Сз. Aktual`ny`e problemy` prokurorskogo nadzora za zakonnost`yu normativny`x pravovy`x aktov organov mestnogo samoupravleniya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2–1. S. 188–192.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2022;
одобрена после рецензирования: 26.12.2022;
принята к публикации: 29.12.2022.

The article was submitted: 10.12.2022;
approved after reviewing: 26.12.2022;
accepted for publication: 29.12.2022.

УДК 34.096

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.04

Л. Н. Бокова

Московский государственный областной педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

E-mail: LN.Bokova@mgou.ru

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье показано, что в условиях цифровизации важное значение для защиты персональных данных играют своевременные законодательные меры. Раскрываются тенденции, влияющие на ослабление защиты персональных данных. Подчеркивается, что защита персональных данных осуществляется через внесение соответствующих изменений в законодательство РФ. Обоснована целесообразность принятия норм, направленных на внедрение новых технологий хранения и обработки данных, в том числе персональных и обеспечивающих их защиту, а также контроль. Автор раскрывает важность реализации правовой защиты данных, отсутствие которой может иметь негативные последствия, как для субъекта персональных данных, так и для государства в целом. Сделан вывод о необходимости усиления ответственности за нарушения, связанных с обеспечением защиты данных. Широкая трактовка понятия «персональные данные» не позволяет зачастую однозначно определить, какая именно информация к ним относится, поэтому так важно найти баланс между нормами закона и практикой его применения, исключив любые злоупотребления.

Ключевые слова: персональные данные; цифровое пространство; законодательство; информационные технологии; права человека.

UDC 34.096

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.04

L. N. Bokova

Moscow State Regional Pedagogical University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: LN.Bokova@mgou.ru

LEGAL ISSUES OF PROTECTION OF PERSONAL DATA OF CITIZENS IN THE DIGITAL SPACE

Abstract. The article shows that in the context of digitalization, timely legislative measures play an important role in the protection of personal data. The trends affecting the weakening of personal data protection are revealed. It is emphasized that the protection of personal data is carried out through the introduction of appropriate changes to the legislation

of the Russian Federation. The expediency of adopting norms aimed at the introduction of new technologies for storing and processing data, including personal data and ensuring their protection, as well as control, is substantiated. The author reveals the importance of implementing legal data protection, the absence of which can have negative consequences both for the subject of personal data and for the state as a whole. It is concluded that it is necessary to strengthen responsibility for violations related to data protection. A broad interpretation of the concept of “personal data” often does not allow to unambiguously determine what kind of information relates to them, therefore it is so important to find a balance between the norms of the law and the practice of its application, eliminating any abuse.

Keywords: personal data; digital space; legislation; information technology; human rights.

Введение

Современный процесс повсеместной цифровизации существенно влияет на многие базовые параметры правового регулирования, обуславливает высокую динамику законодательства, актуализирует исследование вопросов защиты прав и свобод человека в цифровой среде. Повышение роли информации, а также распространение все новых технологий ее передачи повышают актуальность проблемы защиты персональных данных. Все чаще пользователи цифровой среды сталкиваются с кражей и несанкционированным распространением их персональных данных в различных сферах, что влечет за собой как моральный, так и материальный вред.

Очевидно, что такая проблема широко распространена в незащищенных интернет-сетях, где накапливается огромный массив личной информации граждан из многочисленных баз данных. Негативную роль играют различного рода утечки персональных данных, как случайные, так и ставшие результатом действий злоумышленников.

Пользователи цифровых ресурсов в сети Интернет неизбежно оставляют цифровой след в виде паспортных данных, контактной информации, реквизитов банковских счетов, электронных транспортных билетов и прочих сведений. Из-за утечек такой информации, имеющей конфиденциальный характер, создаются цифровые портреты граждан, которые затем могут использоваться злоумышленниками¹.

Проблему, связанную с использованием и защитой персональных данных, обострила внешнеполитическая ситуация, которая повлекла ряд ограничений доступа к популярным интернет-платформам на территории России. Для обхода блокировок особый интерес граждане проявляют к использованию технологий зашифрованного подключения к сети — VPN-сервисам. Однако такие сервисы нередко сами являются инструментом хищения персональных данных пользователей. VPN-сервисы могут без разрешения получать конфиденциальную

¹ Заявлено в Роскомнадзоре // Коммерсантъ. 2022. 14 сентября.

информацию и распространять ее в незащищенную цифровую среду. Кроме того, существует риск при загрузке подобного приложения установить вредоносную программу, которая будет передавать личные данные третьим лицам. При этом сам владелец устройства может долгое время не подозревать, что его персональные данные похищены.

Прежде чем говорить о применении VPN-сервисов в государственных структурах и связанных с этим рисках, следует изучить риски утечек наиболее чувствительных данных, включая конфиденциальную информацию. Способы хищения данных также прогрессируют, как и методы, обеспечивающие их защиту. Этому способствуют не только новые технологические решения, но и методы социальной инженерии. Они позволяют получить информацию от граждан, которые в итоге добровольно сообщают свои данные злоумышленникам. При помощи этих сведений можно легко похитить деньги, другие данные или нанести иной серьезный ущерб гражданину. Также злоумышленники часто распространяют фишинговые рассылки — это своего рода ссылки-приманки, которые подстраиваются под определенный информационный повод, основаны на личных предпочтениях потенциальной жертвы, используют ее потребности и интересы. Например, в условиях специальной военной операции и частичной мобилизации было отмечено несколько случаев, когда в стране распространялось вредоносное программное обеспечение под видом электронных повесток и информации о сборе гуманитарной помощи².

В целом фишинговое мошенничество представляет собой продвинутый с технической точки зрения и достаточно распространенный прием для выманивания данных пользователей. Наиболее часто угроза представлена на различных интернет-площадках, в социальных сетях и мессенджерах, электронной почте, поисковых системах, программных приложениях, при использовании устаревшего антивирусного программного обеспечения. В этих условиях право как регулятор общественных отношений должно своевременно реагировать на новые возникающие угрозы и обеспечивать эффективную защиту прав и законных интересов всех добросовестных пользователей сети Интернет, число которых в условиях перехода к новому технологическому укладу будет только увеличиваться.

Методы

Методологической основой исследования стал формально-юридический метод, акцентирующий внимание на содержании норм права, направленных на защиту персональных данных. Также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза.

² Лаборатория Касперского» сообщила о вредоносном ПО под видом повесток // РБК. 2022. 6 октября.

Основное исследование

Проблема незащищенности персональных данных возникает из-за возрастающей скорости процессов цифровизации, допускаемой в отдельных случаях излишней спешки и, как следствие, неприятие многих социально-технологических новаций обществом, которое воспринимает их как риски, что порой вполне справедливо.

Развитие информационного общества и связанных с ним технологий представляется объективной реальностью, которая в то же время требует взвешенного стратегического подхода [1, с. 42]. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы отмечена необходимость внедрения новых технологий, в том числе направленных на защиту данных. Но такое внедрение ни в коем случае не должно нарушать основополагающие права человека.

Несоблюдение разумного баланса и необходимой осторожности в процессе цифровизации сферы государственных услуг и механизмов получения информации может привести к нарушению прав граждан, предусмотренных Конституцией РФ и, как следствие, вызвать серьезные социальные риски. Из этого следует, что устанавливаемая правом система и принципы информационной безопасности должны своевременно меняться, качественно совершенствоваться, а юридическая ответственность за утечку данных должна быть соразмерной ущербу.

Руководствуясь Указом Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 года № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации», Правительство Российской Федерации утвердило новое положение о заместителе руководителя органа (организации), ответственном за обеспечение информационной безопасности в органе и о структурном подразделении, обеспечивающем информационную безопасность. В данном положении определены новые трудовые компетенции, которые позволят обеспечить создание устойчивой инфраструктуры, которая может снизить риск утечки данных.

Важно отметить, что успешная деятельность всех структур государства основана на том доверии, которое испытывают граждане по отношению к власти и ее действиям. Утечки персональных данных подрывают доверие граждан к деятельности государства по регулированию общественных отношений. Согласно последним исследованиям, граждане не уверены в том, что они способны самостоятельно защитить свои данные. В 2021 году в Роскомнадзор поступило более 38 тыс. жалоб граждан на непропорциональную обработку их данных. В основном жалуются на следующие категории операторов персональных данных: интернет-сайты; организации, осуществляющие управление жилым фондом; банки и иные организации, связанные с финансовой сферой. Эксперты отмечают, что защита должна быть обеспечена только за счет объединения усилий государства и компаний. Вопросы оборота и защиты персональных

данных граждан являются одним из государственных приоритетов в России. Статья 71 Конституции Российской Федерации предусматривает обеспечение безопасности личности, общества и государства при разделении, применении информационных технологий и обороте цифровых данных.

Президент Российской Федерации В. В. Путин инициировал процесс создания государственной системы защиты информации: «Нужно укреплять оборону отечественного цифрового пространства — здесь не должно быть слабых мест. Принципиально важно свести на нет риски утечек конфиденциальной информации и персональных данных граждан, в том числе за счет более строгого контроля правил использования служебной техники, коммуникаций, связи»³.

В фокусе внимания остается защита прав и интересов граждан при нарушениях и незаконных действиях, которые связаны с использованием персональных данных. В этих целях в 2021 году был создан Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде. В 2022 году большая часть обращений, поступивших в центр, касались обработки личной информации без согласия человека, использования мошенниками конфиденциальных сведений и неправомерного задействования персональных данных в рекламных целях.

Как следует из доклада Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», который был подготовлен в 2021 году, персональные данные должны обрабатываться законно, справедливо и прозрачно⁴.

Федеральное законодательство об использовании цифровых и иных новых технологий, в том числе и о защите персональных данных, все время развивается и совершенствуется, в него вносятся необходимые изменения и дополнения, направленные на повышение эффективности защиты прав граждан [3, с. 32]. В 2020 году федеральным законодательством была предусмотрена возможность граждан самостоятельно предпринимать действия по ограничению оборота личных данных, без соответствующего согласия. Также граждане получили право обратиться к оператору персональных данных с требованием удалить их данные из общего доступа без каких-либо дополнительных условий.

Подверглись изменению и требования к операторам, которые обязаны информировать Роскомнадзор об осуществлении любой обработки персональных данных граждан. Кроме того, оператор должен обеспечивать взаимодействие с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации.

³ В. В. Путин 20 мая 2022 года на заседании Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68451>

⁴ URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

Среди наиболее актуальных проблем в области соблюдения законодательства остается невыполнение требований Федерального закона от 2 декабря 2019 года № 405-ФЗ, касающегося локализации данных граждан на территории Российской Федерации. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность оператора за невыполнение данного требования. На практике это означает, что при сборе персональных данных оператор обеспечивает обработку данных с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации.

Для соблюдения законодательства о локализации данных ужесточена трансграничная обработка персональных данных.

С 1 марта 2023 года оператор персональных данных обязан уведомлять Роскомнадзор о трансграничной обработке персональных данных. При этом у Роскомнадзора появились полномочия по запрету или ограничению предоставления персональных данных иностранным организациям и физическим лицам, а также в случае необходимости запрашивать у иностранных обработчиков персональных данных сведения об их защите.

Принятые за последние годы важные изменения законодательных норм не охватывают всех проблем, существующих в сфере защиты персональных данных [2, с. 46]. К числу таких проблем относится избыточность требований к чрезмерной детализации персональных данных, которые в целом могут быть не нужны для оказания соответствующей услуги⁵.

Для улучшения ситуации с защищенностью персональных данных в России представители Института конкурентной политики и регулирования рынков НИУ ВШЭ рекомендуют усилить ответственность для виновников, расширить практику использования независимого аудита и страхования рисков. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации подготовлен проект федерального закона об оборотных штрафах за утечку данных⁶. Проектом предполагается пересмотреть штрафы и ввести персональную ответственность за утечку данных.

Наряду с ужесточением ответственности за цифровые преступления рассматриваются механизмы страхования рисков от утечек данных, которые в том числе позволят компенсировать ущерб пострадавшим гражданам. Минцифры России предлагает меры, частично аналогичные оборотным штрафам. Однако при этом не уточняется, станет ли так называемое киберстрахование обязательным⁷.

В свою очередь, представители бизнеса полагают иначе. По словам руководителя информационной безопасности компании «Инфобип» Д. Лукаша, «прежде чем вводить оборотные штрафы, стоит поработать над прозрачностью

⁵ Защита персональных данных: обзор последних нововведений // СПС «Гарант». 16 сентября 2021 года.

⁶ См.: СПС «Консультант.Плюс».

⁷ Киберстраховой случай // Коммерсантъ. 2022. 7 ноября.

законодательства о персональных данных, простотой его применения, неотвратимостью наказания, гражданско-правовыми возможностями субъекта персональных данных»⁸.

Вывод

Защита персональных данных в условиях цифрового общества представляется важной проблемой, требующей соответствующего правового регулирования, непрерывного совершенствования действующего законодательства сообразно новым появляющимся рискам.

Одним из основных инструментов государства в вопросе усиления защиты прав граждан — субъектов персональных данных — является постоянное совершенствование отраслевой нормативной базы и мониторинг его практической эффективности. Особенно важным это представляется при обострении внешних угроз информационной безопасности, а также на проявляющемся фоне неготовности технологий к современным кибератакам.

Тенденции последних лет показывают, что нарушение российского законодательства в области персональных данных обходится дешевле, чем его исполнение. Несмотря на значительные изменения законодательства, ситуация принципиально не меняется. В этих условиях увеличение размера штрафа является одним из направлений для внесения изменений в законодательство.

Литература

1. Корчагина Т. М., Николаев А. И. Российский конституционализм в условиях новой информационной реальности // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 7. С. 42–47.
2. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 4. С. 44–48.
3. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31–39.

Literatura

1. Korchagina T. M., Nikolaev A. I. Rossijskij konstitucionalizm v usloviyah novoj informacionnoj real'nosti // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 7. S. 42–47.
2. Nikolaev A. I. Voprosy` cifrovizacii prava v sovremennoj juridicheskoj doktrine // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 4. S. 44–48.

⁸ Устранить течь: вступают в силу масштабные изменения о персональных данных» // Известия. 2022. 31 августа.

3. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel`stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 31–39.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2022;
одобрена после рецензирования: 20.12.2022;
принята к публикации: 22.12.2022.

The article was submitted: 04.12.2022;
approved after reviewing: 20.12.2022;
accepted for publication: 22.12.2022.

УДК 343.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.05

С. Н. Чурилов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

E-mail: angelS7@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье с критических позиций рассматривается современное представление о функциях уголовного судопроизводства на основе базовых положений теории функций права. В ходе исследования использовался метод системного подхода, в частности его исторический, структурный, функциональный и коммуникационный элементы.

Предложена для обсуждения авторская система классификаций функций уголовно-процессуального права с указанием оснований их построения. Сделан вывод, что предложенные классификации функций уголовного судопроизводства точнее и полнее соответствуют его назначению и могут способствовать более глубокому пониманию сущности данной отрасли права и ее общественной значимости.

Ключевые слова: функции права; понятие функции уголовного судопроизводства; классификации функций; система функций; основания построения.

UDC 343.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.05

S. N. Churilov

Moscow City University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: angelS7@yandex.ru

CLASSIFICATIONS OF THE FUNCTIONS OF CRIMINAL JUSTICE

Abstract. The article critically examines the modern idea of criminal justice functions based on the basic provisions of the theory of the functions of law. The study used the method of a systematic approach, in particular its historical, structural, functional and communication elements.

The author's system of classifications of the functions of criminal procedural law is proposed for discussion, indicating the grounds for their construction. It is concluded that the proposed classifications of criminal justice functions correspond to its purpose more accurately and fully and can contribute to a deeper understanding of the essence of this branch of law and its social significance.

Keywords: functions of law; concept of the function of criminal proceedings; classification of functions; system of functions; foundations of construction.

Целостное представление о понятии и сущности уголовного судопроизводства, качественном изменении его содержания в различные исторические периоды и назначениях в обществе непосредственно связано с проблемой функций этой отрасли права. Поэтому исследование функций уголовного судопроизводства находится в центре внимания ученых-процессуалистов.

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что для научных работ советской эпохи процессуалисты отдавали предпочтение классификации функций, состоящей из трех основных элементов: обвинения, защиты от него и разрешения уголовного дела. За основание такой классификации были приняты направления уголовно-процессуальной деятельности. Эта традиционная классификация функций уголовного процесса впервые была отражена законодателем в ныне действующем уголовно-процессуальном законе. В ч. 2 ст. 15 УПК РФ говорится именно о функциях обвинения, защиты и разрешения уголовного дела.

Между этими функциями и назначением уголовного судопроизводства, установленного ст. 6 УПК, имеется органическая связь. Согласно этой статье уголовное судопроизводство осуществляется ради защиты прав и законных интересов лиц и организаций от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод, а также уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания. Однако функция и назначение уголовного судопроизводства не одно и то же. Функция — это та роль, которую выполняет данная отрасль права, те конкретные направления правового регулирования, в которых осуществляется воздействие на субъекты права, а назначение — цели и задачи этой деятельности в строго очерченных законом границах.

Указанная классификация функций уголовно-процессуального права, как свидетельствуют публикации последних лет, подвергается критике из-за ее ограниченности, ибо она не охватывает всех аспектов уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи В. И. Качалов к указанным традиционным функциям добавляет *функцию оказания содействия правосудию* в уголовном судопроизводстве, реализуемой так называемыми иными участниками уголовного процесса (свидетелем, экспертом, специалистом, переводчиком, понятым) [2, с. 44–47]. Однако, несмотря на это добавление, за рамками четырехэлементной классификации функций остаются, например, виды деятельности, осуществляемые на стадиях возбуждения уголовного дела (проверка повода для возбуждения дела), предварительного расследования (достоверное установление всей совокупности обстоятельств, образующих предмет доказывания; воспитательно-профилактическая работа; обеспечение правосудия путем применения к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения, исключающей уклонение его от следствия и суда; принятие мер, обеспечивающих исполнение приговора в части гражданского иска, возможной конфискации имущества и иных имущественных взысканий).

Ограниченность указанных классификаций функций уголовного судопроизводства неизбежно породила концепцию множественности функций и их классификаций по разным основаниям.

Наиболее детальный анализ существующих современных уголовно-процессуальных функций и их дробных классификаций провела Д. М. Берова, которая очевидным достоинством наделяет те классификации, которые охватывают все производство по уголовному делу и ориентированы на достижение уголовным судопроизводством своего назначения. Вместе с тем она отмечает и их недостатки, акцентируя внимание читателя на том обстоятельстве, что все существующие классификации не основаны на едином понимании сущности уголовно-процессуальной функции, что порождает отождествление процессуальной функции с функциями отдельных участников уголовного процесса, целями и задачами уголовно-процессуальной деятельности. На мой взгляд, считать эти функции идентичными конечно же нельзя, но и отрывать их друг от друга недопустимо. В этой связи Д. А. Пашенцев обоснованно отмечает, что в современной теории функций права существует пробел, связанный с отсутствием в ней субъекта права и определением его места и роли как в понятии, так и в основании классификаций функций права. Субъект права он рассматривает как центральное звено механизма реализации функций права [4, с. 89].

Д. М. Берова определяет уголовно-процессуальные функции как направления (виды) уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой *уполномоченными на то субъектами* и преследующей достижение определенных целей, реализующих назначение уголовного судопроизводства [1, с. 227]. К этому определению следовало бы добавить, что направления деятельности осуществляются ее субъектами в рамках установленного законом процессуального порядка.

Такой подход к определению понятия уголовно-процессуальной функции позволяет, по мнению этого автора, разграничить функцию от субъекта ее осуществления, его полномочий и назначения (задач) уголовного судопроизводства и избежать необоснованного бесконечного дробления функций по надуманным основаниям [1, с. 227–228]. В понятии функции и субъекта уголовно-процессуальной деятельности, его права и обязанности, задачи осуществления этой деятельности образуют, пользуясь указанной выше терминологией Д. А. Пашенцева, механизм реализации функций данной отрасли права. На мой взгляд, если учесть, что любой исследуемый объект, с точки зрения философской парных категорий имеет форму и содержание, то указанные выше рассуждения позволяют заключить: направления уголовно-процессуальной деятельности — это форма, а механизм ее осуществления — содержание. Если исходить из этого умозаключения, то прежде нужно определить в теории функций уголовно-процессуального права систему направлений указанной деятельности, а затем уже — механизм их осуществления. В этом плане упомянутая выше публикация Б. М. Беровой несет позитивный познавательный заряд. Однако и ее позиция по данной проблеме не лишена недостатков, ибо вопрос

об основаниях построения системы направлений уголовно-процессуальной деятельности остается открытым.

Д. М. Берова, поддерживая идею множественности функций уголовного судопроизводства, считает необходимым разграничить основную систему функций (обвинение, защиту и разрешение дела) и систему вытекающих из них подфункций. Эту задачу она решает следующим образом: 1) содержание функции обвинения включает в себя подфункции уголовного преследования, обвинения, поддержания обвинения в суде; 2) в функции защиты выделяются функции участия защитника в доказывании, опровержение им обвинения в судебном заседании и при обжаловании приговора, защита своих прав и законных интересов, не связанных с обвинением; 3) подфункциями функции разрешения дела являются осуществление правосудия, а также контрольная, судебное санкционирование, корректирующая, реабилитирующая, организационная, воспитательно-предупредительная подфункции, наложение ареста на имущество, возмещение вреда, причиненного преступлением, возможная конфискация имущества, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Далее система функций пополняется этим ученым за счет функций участников уголовного процесса со стороны обвинения, защиты и иных участников уголовного судопроизводства (свидетеля, переводчика, эксперта, специалиста, понятого) [1, с. 229–231].

Следуя этому подходу в определении системы функций, деления их на основные и производные, можно выделить классификации функций, построенные не только по указанным Д. М. Беровой основаниям, но и по множеству других. Стремление охватить всеми возможными функциями все производство по уголовному делу с учетом задач (назначения) уголовного судопроизводства не вызывает возражений. Развитие теории функций любой отрасли права — закономерный процесс. Однако что нового классификации функций данного автора и других ученых вносят в уголовно-процессуальную науку? По моему мнению, по сравнению с классификацией функций, предложенной М. С. Строговичем более чем полвека назад, которого критикуют за ее ограниченность, существенной новизны в изложенной выше системе функций не усматривается. Называя основные функции — обвинение, защиту и разрешение дела, — он детально рассматривает их совместно с другими процессуальными функциями, с учетом субъектов уголовно-процессуальной деятельности, их полномочий и задач. Однако общий недостаток системы функций М. С. Строговича и современных авторов, в том числе Д. М. Беровой, заключается в том, что она принята по основаниям, которые являются производными от более общих оснований. К примеру, обвинение как процессуальная функция является органической частью функции уголовного преследования, которое осуществляется с момента появления в уголовном деле процессуальной фигуры подозреваемого, т. е. до привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения. Следует также иметь в виду, что уголовному преследованию предшествует процессуальная деятельность следователя по проверке заявления (сообщения)

о преступлении. Защита как процессуальная функция не исчерпывается деятельностью самого подозреваемого, обвиняемого и его защитника. В силу требований ст. 6 УПК РФ следователь при расследовании по уголовному делу обязан устанавливать обстоятельства не только виновности, но и невиновности лица. Функция разрешения дела, как известно, сводится только к осуществлению правосудия. На самом деле виды деятельности суда по уголовному делу, как правильно отмечает Д. М. Берова, значительно шире.

По моему убеждению, система классификаций функций уголовного судопроизводства должна быть построена на основе научных положений теории функций права вообще. В этой теории различают две базовые функции права: регулятивную и охранительную [5, с. 916–917]. Суть регулятивной функции состоит в регулировании общественных отношений, т. е. в определении субъектов правовых отношений, круга юридических последствий, связанных с реализацией норм права, а также полномочий участников правовых отношений [3, с. 106]. В основе этой функции лежат дозволяющие и обязывающие юридические нормы. В основе охранительной функции права находятся в основном запрещающие правовые нормы. Содержание охранительной функции включает установление санкций и состав деяний, образующих основание для юридической ответственности [5, с. 916–917]. Исходя из этих базовых положений теории функций права, можно предложить для рассмотрения следующие классификации функций в уголовном судопроизводстве, которые построены по приведенным ниже основаниям.

1. Классификации функций, связанные со стадией уголовного судопроизводства. К этой классификации относятся функции проверки повода для возбуждения уголовного дела (функция стадии возбуждения дела), предварительного расследования, назначения судебного заседания, судебного разбирательства, исполнения приговора, пересмотра судебных решений.

2. По содержанию уголовно-процессуальных отношений можно выделить функции объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств произошедшего события, уголовного преследования и защиты от него, обеспечения правосудия (принятие мер, исключающих уклонение подозреваемого, обвиняемого от следствия и суда, а также обеспечивающих исполнение приговора в части гражданского иска, возможной конфискации имущества и других имущественных взысканий), охранительную функцию (соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства на всех стадиях уголовного процесса), профилактическую функцию.

3. В зависимости от круга участников уголовно-процессуальных правоотношений можно определить функции, реализуемые участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, со стороны защиты, судом, а также иными участниками уголовного судопроизводства (свидетелем, экспертом, специалистом, переводчиком, понятым).

4. Классификации функций, связанные с объектом уголовно-процессуальных правоотношений: с действиями участников уголовного судопроизводства

на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и разрешения уголовных дел, обусловленными соответствующими нормами УПК РФ, включая обеспечение законных прав и интересов всех участников уголовного процесса.

Данные классификации функций, реализуемых в уголовном судопроизводстве, имеют различную степень общности. Многие из них имеют производное значение по отношению к более общим по содержанию классификациям. Но во всех случаях системообразующая (основная) классификация состоит из регулятивной и охранительной функций. *Регулятивная функция объединяет: функцию проверки повода для возбуждения уголовного дела, функции уголовного преследования, защиты от уголовного преследования, содействия правосудию, разрешения уголовного дела, устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления.* Все другие классификации функций раскрывают содержание данной основной классификации. В этом нетрудно убедиться на примере функции доказывания, которая осуществляется как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадиях предварительного расследования и разрешения дела по существу в суде первой и апелляционной инстанций. На начальной стадии уголовного судопроизводства доказывание осуществляется в целях установления наличия либо отсутствия достаточных фактических данных, указывающих на признаки конкретного преступления. На стадии предварительного расследования доказывание заключается в формировании доказательств в целях установления наличия либо отсутствия обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, и использовании их при осуществлении уголовного преследования (включая привлечение лица в качестве обвиняемого, предъявление ему обвинения и изобличение в совершении преступления), защиты от него и составлении процессуальных актов [6, с. 83–89; 7, с. 63–70]. В ходе судебного разбирательства дела по существу доказывание осуществляется главным образом в целях определения виновности или невиновности лица в инкриминируемом ему деянии.

Общей функцией по отношению к функции обвинения является функция уголовного преследования. Отождествлять эти функции недопустимо, ибо уголовное преследование осуществляется как в отношении подозреваемого, так и обвиняемого, который приобретает этот процессуальный статус только после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, которому затем предъявляется обвинение и ведется изобличение его в совершении преступления путем предъявления ему в ходе допроса имеющихся в деле доказательств его виновности.

Очевидно также, что функции уголовного преследования, защиты от него и разрешения уголовного дела не исчерпывают всего содержания уголовного судопроизводства. Нельзя оставлять без внимания при разработке классификаций его функций процессуальные отношения, характерные для стадии возбуждения уголовного дела.

Что касается охранительной функции, то она включает: *функцию охраны прав и свобод и законных интересов участников уголовного процесса*

и функцию устранения выявленных обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и подлежит реализации на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства. Эти функции означают, что должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, обязаны разъяснять участникам процесса их права и обязанности и создавать необходимые условия для реализации конституционных прав и свобод личности, а также выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод: предложенные для обсуждения классификации функций уголовного судопроизводства точнее и полнее соответствуют его назначению и могут способствовать более глубокому пониманию сущности данной отрасли права и ее общественной значимости, ибо они построены на базовых положениях теории функций права.

Литература

1. Берова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 224–232.
2. Качалов В. И. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2014. 1060 с.
3. Качалова О. В. Понятие, содержание и признаки уголовно-процессуальных правоотношений // Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2014. 1060 с.
4. Пашенцев Д. А. Теория функций права в контексте современной методологии // Государство и право. 2016. № 9. С. 87–90.
5. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 2005. 972 с.
6. Чурилов С. Н. Понятие доказательств и доказывания нуждаются в пересмотре // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1. С. 83–89.
7. Чурилов С. Н. Оперирование доказательствами как элемент доказывания // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 63–70.

Literatura

1. Berova D. M. Ponyatie i sistema funkcij v ugovolnom sudoproizvodstve // Obshhestvo i pravo. 2010. № 4. S. 224–232.
2. Kachalov V. I. Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / pod obshh. red. V. M. Lebedeva. M.: Yurajt, 2014. 1060 s.
3. Kachalova O. V. Ponyatie, sodержanie i priznaki ugovolno-processual'ny'x pravo-otnoshenij // Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / pod obshh. red. V. M. Lebedeva. M.: Yurajt, 2014. 1060 s.
4. Pashencev D. A. Teoriya funkcij prava v kontekste sovremennoj metodologii // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 9. S. 87–90.
5. Tixomirova L. V., Tixomirov M. Yu. Yuridicheskaya e'nciklopediya. 5-e izd., dop. i pererab. / pod red. M. Yu. Tixomirova. M.: Yurinformcentr, 2005. 972 s.
6. Churilov S. N. Ponyatie dokazatel'stv i dokazyvaniya nuzhdayutsya v peresmotre // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1. S. 83–89.

7. Churilov S. N. Operirovanie dokazatel'stvami kak e`lement dokazy`vaniya // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 63–70.

Статья поступила в редакцию: 06.12.2022;
одобрена после рецензирования: 19.12.2022;
принята к публикации: 22.12.2022.

The article was submitted: 06.12.2022;
approved after reviewing: 19.12.2022;
accepted for publication: 22.12.2022.

УДК 343.97

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.06

С. А. Иванова

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanovasal@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В статье рассматриваются гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридического лица, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации. В качестве проблемных аспектов были обозначены дискуссионные в научном сообществе вопросы о том, обладают ли правом на защиту деловой репутации некоммерческие организации, органы публичной власти и публично-правовые образования; выявлены проблемы правового регулирования защиты деловой репутации юридических лиц в сети Интернет. Сделан вывод, что действующее законодательство Российской Федерации предоставляет достаточно широкий спектр способов защиты деловой репутации юридических лиц от посягательств на нее в сети Интернет. При этом наиболее понятным и, как следствие, распространенным среди них является иск о защите деловой репутации.

Ключевые слова: деловая репутация; порочащие сведения; опровержение недостоверных сведений; возмещение убытков; репутационный вред; защита деловой репутации в сети Интернет.

UDC 343.97

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.06

S. A. Ivanova

Financial University from Russian Government,

Moscow, Russian Federation

E-mail: ivanovasal@yandex.ru

CIVIL LAW WAYS TO PROTECT THE BUSINESS REPUTATION OF LEGAL ENTITIES

Abstract. The article discusses civil law ways to protect the business reputation of a legal entity, provided for by the current legislation of the Russian Federation. Debatable questions in the scientific community were identified as problematic aspects to find out whether non-profit organizations, public authorities and public legal entities have the right to protect their business reputation; the problems of legal regulation of the protection of the business reputation of legal entities in the Internet are identified. It is concluded that the current legislation of the Russian Federation provides a fairly wide range of ways to protect the business reputation of legal entities from infringement in the Internet. At the same time, the most understandable and, as a result, common among them is a claim for the protection of business reputation.

Keywords: business reputation; discrediting information; refutation of false information; compensation for damages; reputational damage; protection of business reputation in the Internet.

Введение

В условиях рыночной экономики и свободы предпринимательской деятельности важнейшим конкурентным преимуществом юридических лиц на рынке является их деловая репутация. Деловая репутация признается ценным активом, поскольку оказывает значительное влияние на формирование базы контрагентов, заключение государственных контрактов, привлечение стратегов-инвесторов, рост чистой прибыли компании за счет увеличения числа договорных правоотношений, получение заемных денежных средств. В настоящий момент деловую репутацию как экономический ресурс можно поименовать фактором производства наряду с трудом, капиталом, информацией и предпринимательскими способностями.

Вместе с тем остается большое количество не решенных на законодательном уровне и катализируемых судебной практикой проблем в сфере защиты деловой репутации юридических лиц от диффамации.

Методы

При исследовании данной проблемы автор опирался на такие сложившиеся в практике научного исследования методы, как общенаучные методы познания

(аналитический и синтаксические методы), метод обобщения, метод системного анализа правовых явлений, а также специально юридические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный метод.

Основная часть

Для успешной деятельности компании имеет определяющее значение «незапятнанность его моральной и общественной репутации» [6, с. 7], на отказ в применении к нарушителям данного нематериального блага мер принудительного воздействия законодатель не имеет никаких оснований.

Право на защиту деловой репутации организации является самостоятельным субъективным правом, квалифицируемым как закрепленная возможность использования предусмотренных законом способов правовой защиты деловой репутации с целью восстановления нарушенного права.

В настоящий момент весьма дискуссионным является вопрос о субъектном составе обладателей права на защиту деловой репутации юридического лица. Ряд авторов, а именно: М. Н. Малеина, М. А. Рожкова, Ю. З. Сахапов [4, с. 19; 8, с. 58; 10, с. 105] — полагают, что право на защиту деловой репутации принадлежит только лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Напротив, Е. А. Суханов, О. Н. Садиков убеждены в том, что защиты деловой репутации вправе требовать все субъекты, занимающиеся каким бы то ни было видом профессиональной деятельности [9, с. 896; 3, с. 334].

Второй подход представляется более корректным. Ни действующее законодательство, ни позиции Конституционного суда и Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) не содержат ограничений на защиту деловой репутации, связанных со спецификой организационно-правовой формы (коммерческие или некоммерческие организации) того или иного юридического лица. Следовательно, правом на такую защиту обладают все субъекты без исключения, признаваемые в соответствии с законодательством юридическими лицами.

ВС РФ еще в 2015 году сделал однозначный вывод по вопросу о том, что деловая репутация может быть нарушена посредством распространения диффамационных сведений как о самой организации, так и путем распространения такой информации в отношении лиц, входящих в состав органов ее управления, а также работников организации¹. При этом важным аспектом является определение степени ассоциирования репутации руководителя (учредителя) юридического лица и общественной оценки деятельности данной

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.10.2015 № 307-ЭС15-5345 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

организации. К аналогичному выводу также пришли арбитражные суды нижестоящих инстанций².

Это связано с тем, что распространенные сведения могут и не иметь негативных последствий для деловой репутации самого юридического лица. Так, например, имеются случаи отказов в удовлетворении исковых требований о защите деловой репутации в связи с тем, что спорная публикация не создает в глазах потребителей и контрагентов впечатления о единстве интересов компании и ее руководства³ или в связи с тем, что распространенные сведения касались неэтичного поведения руководителя организации в личной жизни и не имели отношения к осуществлению юридическим лицом предпринимательской деятельности⁴. При этом отказ в защите деловой репутации организации не лишает ее руководителя реализовать свое право на судебную защиту в качестве физического лица и привлечь к ответственности нарушителя за распространение порочащих сведений.

Если рассматривать деловую репутацию в узком смысле (как принадлежность лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность), возникает весьма справедливый вопрос о том, как защитить свою деловую репутацию иным субъектам в условиях, когда закон не оперирует таким понятием, как «профессиональная (служебная) репутация».

Н. Г. Фроловский верно полагает, что характер деятельности юридического лица не должен иметь влияния на наличие у компании права на защиту ее деловой репутации [12, с. 49].

Ввиду сложившейся в Российской Федерации государственно ориентированной структуры экономики актуальность приобретает вопрос о праве государственных и муниципальных органов на защиту деловой репутации.

Авторы, придерживающиеся широкого толкования деловой репутации, признают органы публичной власти носителями деловой репутации. Так, например, Н. Н. Парыгина и Е. В. Гаврилов считают, что органы государственной власти и местного самоуправления обладают деловой репутацией, поскольку являются участниками гражданского оборота и попадают под действие режима

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.01.2021 № Ф07-15191/2020 по делу № А56-128975/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022); Постановления Первого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2020 № 01АП-4465/2020 по делу № А79-8588/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022); Постановления Первого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2020 № 01АП-4465/2020 по делу № А79-8588/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.07.2019 № Ф03-2735/2019 по делу № А24-5748/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2022).

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.09.2015 № Ф07-6927/2015 по делу № А56-75017/2014 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2022).

правового регулирования, предусмотренного для юридических лиц [5, с. 35; 1, с. 67]. Анализ ст. 124 ГК РФ позволяет сделать тот же вывод: публичные образования в соответствующих правоотношениях приравниваются к конкретному виду юридических лиц и, следовательно, на них распространяются общие положения о защите деловой репутации организаций (ст. 152 ГК РФ).

Поводом для инициирования дел о защите деловой репутации в основном является распространение диффамационных сведений в отношении органов публичной власти о нарушении ими порядка управления публичной собственностью, противоправных действиях в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, неисполнении финансово-экономических обязательств. В большинстве случаев и правоприменительная практика идет по пути признания права на защиту деловой репутации за органами государственной власти и местного самоуправления⁵.

Проблемой в рассматриваемой области также является сложный состав доказывания распространения недостоверных порочащих сведений в отношении публичного субъекта, вследствие чего заинтересованному лицу не всегда удается добиться защиты деловой репутации в судебном порядке (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» — далее: Постановление ВС РФ № 3)⁶. Связано это с тем, что распространенные сведения часто признаются выражением субъективного мнения привлеченного ответчика.

В доктринальных источниках находим подход, согласно которому публично-правовые образования, в силу своей особой правосубъектности, не обладают правом на защиту деловой репутации, так как их нельзя отнести ни к субъектам предпринимательства, ни к участникам профессиональных правоотношений в какой-либо сфере [2, с. 28].

Данный тезис представляется сомнительным, поскольку, как было отмечено ранее, к публично-правовым образованиям применяются нормы, опосредующие участие юридических лиц в гражданско-правовых отношениях (ст. 124 ГК РФ).

В таком случае органы государственной власти и местного самоуправления могут выступить истцом в судебном процессе для защиты репутации публично-правового образования, от имени и в интересах которого они действуют (например, в случае распространения порочащих сведений о нецелевом

⁵ Постановление Свердловского областного суда от 15.02.2018 по делу № 33-2463/2018 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2022); Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.09.1999 № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации». П. 12 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://supcourt.ru/documents/newsletters/?category=2005>

расходовании органом местного самоуправления средств межбюджетных трансфертов, предоставленных муниципальному бюджету).

Перечень специальных способов защиты деловой репутации юридических лиц закреплен в ст. 152 ГК РФ. Также способы защиты деловой репутации установлены Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и Законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) «О средствах массовой информации» (далее — Закон № 2124-1).

Способом защиты деловой репутации юридического лица, часто встречающимся на практике, является требование об опровержении недостоверных порочащих сведений.

В силу п.п. 1 и 11 ст. 152 ГК РФ юридическое лицо имеет право потребовать в судебном порядке опровержения порочащих его деловую репутацию сведений, если распространитель не докажет достоверность данных сведений. Сведения, порочащие деловую репутацию, распространенные в средствах массовой информации, подлежат опровержению в тех же средствах массовой информации.

Согласно п. 2 ст. 43 Закона РФ № 2124-1, если организация представила свой текст опровержения, публикации подлежит редакция опровержения пострадавшего лица. В случае, если диффамационные сведения были распространены через радио- или телепередачу, редакция соответствующей программы обязана предоставить возможность представителю организации, деловая репутация которой была опорочена, зачитать собственный текст и передать его в запись.

Самостоятельным вопросом, требующим исследования в ключе анализа рассматриваемого способа защиты деловой репутации, является определение разницы между удалением информации, пресечением и запрещением ее распространения. Удаление предполагает совершение комбинации операций, предназначенных для осуществления программными или аппаратными средствами необратимого удаления диффамационных данных, при этом экземпляры материальных носителей, содержащих указанные данные, остаются незатронутыми. Следует заметить, что фактически отсутствует отличие между пресечением и запрещением. На данный момент не установлено проблем в правоприменении, обусловленных неопределенностью законодательной формулировки и соотношения этих понятий, однако для целей общей превенции необходимо внести соответствующие изменения в п. 4 ст. 152 ГК РФ.

Согласно п.п. 9 и 11 ст. 152 ГК РФ юридическое лицо, в отношении которого были распространены недостоверные порочащие сведения, вправе потребовать также возмещения убытков, причиненных распространением таких сведений.

Убедительным доказательством по делам данной категории является использование консалтинговой или аудиторской оценки для подтверждения реальных убытков, понесенных организацией после распространения

порочащих сведений, а также для установления в суде размера упущенной выгоды. В качестве доказательств возникновения убытков и их размера в практике суду представляются следующие документы и информация: отчетные и бухгалтерские документы, свидетельствующие о снижении прибыли компании после распространения спорных сведений; данные о прибыли фирмы за аналогичный период до диффамации; переписка с контрагентами, отказавшимися от заключения договоров вследствие нанесения вреда имиджу компании и др.

Наиболее существенной проблемой рассматриваемого способа защиты деловой репутации является трудность доказывания убытков, причиненных диффамацией, в особенности убытков в виде упущенной выгоды. Это обусловлено тем, что не во всех сегментах предпринимательской деятельности можно отчетливо проследить снижение оборота организации вследствие распространения недостоверных порочащих сведений, ввиду того что на финансы компании влияет большая совокупность внутренних и внешних фактов, таких как сезонность, геополитическая обстановка и многих других. Следовательно, возмещение имущественного вреда далеко не всегда будет эффективным средством защиты деловой репутации юридического лица.

Следует обратить внимание на п. 10 ст. 152 ГК РФ, новеллу правового регулирования, согласно которому допускается защита деловой репутации от не соответствующих действительности, но не порочащих сведений (от «нейтральной» или «красивой» лжи). То есть защита деловой репутации возможна в случае распространения информации, которая не соответствует действительности, но не обладает порочащим признаком. При этом стоит отметить, что бремя доказывания в части установления факта несоответствия действительности в данном случае полностью ложится на истца. Огромное значение для защиты деловой репутации имеет п. 5 ст. 152 ГК РФ, новация 2013 года, позволившая требовать публикации опровержения сведений, распространенных через сеть Интернет, на сайтах и в социальных сетях.

Данное положение получило свое развитие в ст. 44 Федерального закона № 2124-1, который детально регламентировал порядок опровержения в средствах массовой информации, начиная от содержания и объема опровержения, заканчивая шрифтом текста опровержения и местом его размещения в печатном издании.

В практике защиты деловой репутации организации устоялись несколько форм реализации опровержения как способа защиты. К числу таких форм относятся: замена (отзыв) документа, исходящего от организации и содержащего диффамационные сведения; обнародование (например, публичное изложение, сообщение в эфир), т. е. выполнение действий, делающих опровержение доступным для сведения определенного круга лиц; опубликование (изложение содержания опровержения в текстуальной форме, зачастую включая публикацию судебного решения).

Примечательно, что в качестве формы опровержения отдельными учеными признается принесение извинения. Согласиться с подобным утверждением

не представляется возможным, поскольку принесение извинения не имеет своей целью оказать влияние на формирование общественного мнения для реабилитации опороченной деловой репутации пострадавшего лица. Самостоятельным способом защиты деловой репутации поименовать извинение также нельзя, вместе с тем в судебной практике имеются случаи вынесения решений с возложением на ответчика обязанности принести истцу за распространение недостоверных порочащих сведений извинение.

Справедливым видится замечание Г. М. Резника о том, что обязанность принесения пострадавшей стороне извинения за диффамацию, установленная судебным решением, можно охарактеризовать не иначе как юридическим ляпом, допускаемым судьями при разрешении споров данной категории.

Действительно, ВС РФ указал, что извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации законодательством не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков принести истцам извинения в той или иной форме. При этом допускается включение соответствующей обязанности в содержание мирового соглашения, заключаемого сторонами судебного спора (п. 18 Постановления ВС РФ № 3).

Опровержение как способ защиты деловой репутации юридических лиц имеет определенные недостатки, индикатором которых является правоприменительная практика: опровержение может быть доведено до сведения не всего круга лиц, которые осведомлены о содержании диффамационной информации; опровержение может не изменить общественное мнение о лице, деловая репутация которого была опорочена; опровержение не имеет экономической компенсационной функции и не сможет возместить финансовые потери пострадавшего юридического лица.

Следовательно, опровержение выступит эффективным способом защиты только в комбинации с другими правовыми механизмами, предусмотренными законом, а также только в том случае, если его применение является результатом судебного разрешения дела, так как приобщение текста судебного акта или отсылка к его наличию с большей долей вероятности поможет достичь организации целей защиты деловой репутации.

Опубликование ответа истцом в том же средстве массовой информации (наряду с опровержением диффамационной информации) рассматривается как отдельный способ защиты деловой репутации, имеющий восстановительную направленность в отношении нарушенного права. Так, организация, деловая репутация которой была нарушена, при помощи реализации права на ответ может обосновать несостоятельность распространенных суждений, предложив их другую оценку (п. 2 ст. 152 ГК РФ).

Сфера применения права на ответ гораздо шире опровержения, поскольку при публикации ответа отсутствует необходимость доказывания порочащего характера распространенных сведений и несоответствия их действительности. Именно ответ становится в некоторых случаях единственно возможным способом защитить свои интересы, поскольку распространенные сведения

иногда являются оценочными суждениями, а не утверждениями о фактах, и не могут выступить предметом судебного спора.

Представляется, что опубликование ответа в средстве массовой информации является достаточно эффективным способом защиты деловой репутации организации, так как его реализация допускается в отношении широкого спектра распространенных сведений. Разумное и добросовестное применение права на публикацию ответа позволяет обеспечивать защиту таких важных демократических ценностей, как свободный обмен мнений, воззрений, открытая дискуссия. При этом рассматриваемый правовой механизм невозможно применить в тех ситуациях, когда сведения были распространены лицом, не зарегистрированным в соответствии с законодательством в качестве средства массовой информации, что, безусловно, может рассматриваться в качестве недостатка данного способа защиты в связи с ограниченной областью его применения.

Вопросы защиты деловой репутации юридического лица в сети Интернет представляют особый интерес. Интернет-технологии широко используются для причинения репутационного вреда юридическому лицу-конкуренту, являясь мощным инструментом в корпоративных войнах. Действительно, в силу своей специфики, которая заключается в неограниченном (бесконтрольном) распространении информации, интернет-источники стали востребованным местом для распространения диффамации.

Внесудебный способ защиты деловой репутации организации от диффамационной информации, распространенной в сети Интернет заключается в направлении администратору сайта требования об удалении информации. Добиться удаления диффамационной информации будет весьма затруднительно, поскольку, если не будет доказано, что администратор сайта мог определить недостоверность информации, на него не может быть возложена ответственность за отказ удалить соответствующую информацию до принятия судебного решения⁷. Администраторы сайтов при отказе в удалении соответствующей информации, как правило, ссылаются на отсутствие судебного решения [13].

Другим способом, реализуемым также во внесудебном порядке, является направление требований о прекращении выдачи ссылок в сети Интернет операторам поисковых систем.

Еще один достаточно редко встречающийся в практике способ защиты — обращение в прокуратуру с заявлением об ограничении доступа к информации в сети Интернет в случае, если распространенная информация потенциально может затруднить функционирование объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, промышленности, связи, энергетики.

⁷ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2016. П. 16. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/newsletters/4662/>

Лица, в отношении которых порочащая информация была распространена сетевым изданием, обладают правом использовать все специальные способы защиты, предоставленные законодательством в отношении печатных и других средств массовой информации.

Необходимо обратить внимание, что ответчиками по делам исследуемой категории в случае распространения порочащих сведений сетевыми средствами массовой информации выступают автор материала и редакция соответствующего сетевого издания, а также его учредитель, если редакция данного средства массовой информации не зарегистрирована как юридическое лицо.

Судебная практика в исследуемом вопросе приходит к выводу о том, что регистрация сайта в качестве средства массовой информации обуславливает ответственность администратора домена за все размещенные на сайте диффамационные сведения вне зависимости от наличия вины⁸.

Нередки случаи, когда диффамация о лице была распространена в виде комментария или отзыва на форуме к материалам, опубликованным в сетевом средстве массовой информации. Верховный суд РФ разъяснил, что если на сайте в сети Интернет, зарегистрированном в качестве средства массовой информации, комментарии читателей размещаются без предварительного редактирования (например, на форуме читателей материалов такого сайта), то в отношении содержания этих комментариев следует применять правила, установленные п. 5 ч. 1 ст. 57 Федерального закона № 2124-ФЗ для авторских произведений, идущих в эфир без предварительной записи, а именно освобождение редакции средства массовой информации от ответственности⁹. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в случае, если диффамация была распространена в виде комментария к материалу (статье, видео-, аудиозаписи) сетевого издания без предварительного редактирования данного комментария сетевым средством массовой информации, то данное издание освобождается от ответственности и является ненадлежащим ответчиком за публикацию диффамации.

Необходимо отметить, что далеко не все сайты зарегистрированы в качестве сетевых изданий. Интерес представляет вопрос о том, является ли администратор домена надлежащим ответчиком по делам о защите деловой репутации, т. е. является ли он лицом, ответственным за распространение диффамации на сайте, не зарегистрированном в качестве средства массовой информации.

Судебная практика в данном вопросе неоднозначна. Некоторые суды приходят к выводу о том, что если информация распространена на сайте

⁸ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2020 по делу № 88-6509/2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2022).

⁹ О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2010. П. 23. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/newsletters/1798/>

и идентифицировать пользователя, разместившего указанную информацию, невозможно, то ответственность должна быть возложена на владельца сайта, поскольку именно владелец сайта создал техническую возможность для анонимного присутствия, при этом неважно, каким образом порочащие деловую репутацию сведения оказались на его интернет-сайте.

Фактическое использование ресурсов сайта, на котором распространяются сведения, порочащие деловую репутацию, невозможно без участия в той или иной форме администратора домена, владеющего паролем для размещения информации по соответствующему доменному имени в интернет-сайте¹⁰.

Другие же суды полагают, что владелец сайта, на котором иным лицом размещена та или иная информация, несет ответственность за отсутствие действий по ее удалению только в случае неисполнения решения суда и, не являясь ее автором, не должен нести ответственность в виде компенсации вреда за созданный другим лицом контент¹¹.

Ввиду отсутствия вины (как элемента субъективной стороны состава правонарушения), а также на основании принципа, в силу которого ответственность за распространение диффамации несет сам правонарушитель, у судов отсутствуют правовые основания для привлечения к ответственности по делам данной категории владельца сайта, на котором третьим лицом или анонимно были распространены порочащие комментарии или отзывы. Считаем также, что привлечение владельца сайта за распространенную на его сайте третьими лицами диффамацию в форме комментариев или отзывов на форуме является невозможным в силу того, что владелец сайта самостоятельно не может установить порочащий признак указанной информации.

Также возникает вопрос о том, возможно ли привлечь к гражданско-правовой ответственности за распространение недостоверных порочащих сведений поисковые системы («Яндекс», Google и др.). Правоприменительная практика сводится к тому, что поисковые сервисы не осуществляют распространение информации, а предоставляют пользователям услуги поиска информации, размещенной третьими лицами в сети Интернет. Если поисковая система не является ни правообладателем, ни автором информации, которая, по мнению истца, нанесла ущерб его деловой репутации, привлечь к ответственности за распространение диффамационных сведений поисковую систему нельзя [14, с. 58].

Действительно, в силу своей организационной специфики поисковые системы не являются авторами и распространителями диффамации, а лишь предоставляют услуги поиска информации в соответствии с введенными

¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.11.2021 по делу № 33-4 5905/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2022).

¹¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.12.2020 № Ф03-5175/2020 по делу № А73-644/2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2022).

в поисковую систему запросами. Поисковая система не может оценивать характер информации всех проиндексированных страниц.

Следовательно, в случаях, когда поисковая система выступает в качестве поставщика услуг по поиску информации в Сети, она не может являться надлежащим ответчиком по делам о защите деловой репутации. Однако же в тех случаях, когда на интернет-странице поисковой системы публикуются новости или же другие материалы, как, например, в разделе «Яндекс.Новости», то в данном случае поисковая система выступает в качестве распространителя информации и может быть привлечена к ответственности за распространение диффамации.

В случае, когда распространителя диффамационных сведений установить невозможно, суд в указанном случае вправе по заявлению заинтересованного лица признать распространенные в отношении него сведения не соответствующими действительности порочащими сведениями. Такое заявление рассматривается в порядке особого производства.

Заключение

Гражданско-правовые способы защиты деловой репутации направлены, прежде всего, на пресечение причинения имущественного ущерба и компенсацию потерь, которые уже были понесены организацией. Можно резюмировать наличие у органов государственной власти, органов местного самоуправления и публично-правовых образований право на защиту деловой репутации.

Сравнительно новым способом защиты деловой репутации является удаление диффамационной информации, а также пресечение или запрещение ее дальнейшего распространения посредством изъятия и бескомпенсационного уничтожения материальных носителей такой информации, если уничтожение является единственно возможным механизмом удаления соответствующих сведений. Реализация данного способа защиты становится возможной при широкой известности недостоверных порочащих сведений после их распространения и неэффективности в связи с этим применения опровержения.

Основными проблемами практического применения вышеуказанного способа выступают субъективизм и расплывчатость такой категории, как «широкая известность», влекущие невозможность рассмотрения спора без применения судейского усмотрения и разрозненность вследствие этого правоприменительной практики, а также проблема доказывания невозможности до всеобщего сведения опровержения порочащей информации. Данные вопросы требуют разъяснений и конкретизации со стороны ВС РФ. Применительно к деловой репутации защита будет эффективна только в случае применения комбинации правовых средств, реализация которых возможна с учетом конкретных обстоятельств дела.

Действующее законодательство Российской Федерации предоставляет достаточно широкий спектр способов защиты деловой репутации юридических лиц

от посягательств на нее в сети Интернет. При этом наиболее понятным и, как следствие, распространенным среди них является иск о защите деловой репутации. Отчасти это обусловлено тем, что внесудебные способы защиты, как правило, ориентированы на физических лиц и не устанавливают прямой обязанности владельца сайта удалить порочащую информацию по требованию компании при отсутствии судебного решения. Как представляется, такое положение дел вызвано недостаточным пониманием природы правовых отношений, возникающих в сети Интернет. Остается надеяться, что по мере развития доктринальных взглядов в этой отрасли отечественное законодательство начнет в большей степени отвечать потребностям гражданского оборота.

Литература

1. Гаврилов Е. В. О праве на деловую репутацию органов публичной власти и публично-правовых образований // Арбитражные споры. 2019. № 2. С. 67–88.
2. Кархалев Д. Н. Охранительное правоотношение по защите чести, достоинства и деловой репутации лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 28–31.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М.: ИНФРА-М, 1997. 777 с.
4. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с.
5. Парыгина Н. Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2017. 276 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2009. 354 с.
7. Рожкова М. А. Два вопроса, возникающие при рассмотрении арбитражными судами дел о защите деловой репутации: оспаривание оценочного мнения и компенсация репутационного ущерба // Закон. 2009. № 12. С. 56–75.
8. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1. М.: Статут, 2010. 958 с.
9. Сахапов Ю. З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности ее гражданско-правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2007. 193 с.
10. Фроловский Н. Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 48–52.
11. Шевцов П. В. Защита деловой репутации юридических лиц в сети Интернет: практические аспекты / П. В. Шевцов, Л. Н. Мисник // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 4 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).
12. Шичанин А. В. Некоторые вопросы правовой защиты авторских и личных неимущественных прав в сети Интернет / А. В. Шичанин, О. Д. Гривков // Право и экономика. 2021. № 8. С. 58–63.

Literatura

1. Gavrilov E. V. O prave na delovuyu reputaciyu organov publichnoj vlasti i publichno-pravovy`x obrazovanij // Arbitrazhny`e spory`. 2019. № 2. S. 67–88.
2. Karxalev D. N. Oхранitel`noe pravootnoshenie po zashhite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii licza // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. 2010. № 1. S. 28–31.
3. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj (postatejny`j) / pod red. O. N. Sadikova. M.: INFRA-M, 1997. 777 s.
4. Maleina M. N. Lichny`e neimushhestvenny`e prava grazhdan: ponyatie, osushhestvlenie, zashhita. M.: MZ Press, 2000. 242 s.
5. Pary`gina N. N. Zashhita prava na delovuyu reputaciyu yuridicheskix licz i individualny`x predprinimatelej po grazhdanskomu zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Omsk: OmGU im. F. M. Dostoevskogo, 2017. 276 s.
6. Pokrovskij I. A. Osnovny`e problemy` grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2009. 354 s.
7. Rozhkova M. A. Dva voprosa, vznikayushhie pri rassmotrenii arbitrazhny`mi sudami del o zashhite delovoj reputacii: osparivanie ocnocnogo mneniya i kompensaciya reputacionnogo ushherba // Zakon. 2009. № 12. S. 56–75.
8. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik / otv. red. E. A. Suxanov. V 2 t. M.: Statut, 2010. T. 1. 958 s.
9. Saxapov Yu. Z. Delovaya reputaciya sub`ektov predprinimatel`skoj deyatel`nosti v sisteme ob`ektov grazhdanskix prav i osobnosti ee grazhdansko-pravovoj zashhity`: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. Kazan`, 2007. 193 s.
10. Frolovskij N. G. Zashhita delovoj reputacii yuridicheskogo licza // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2012. № 4. S. 48–52.
11. Shevczov P. V. Zashhita delovoj reputacii yuridicheskix licz v seti Internet: prakticheskie aspekty` / P. V. Shevczov, L. N. Misnik // Oboronno-promy`shlenny`j kompleks: voprosy` prava. 2020. № 4 // CPS «Konsul`tant.Plyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashheniya: 25.11.2022).
12. Shichanin A. V. Nekotory`e voprosy` pravovoj zashhity` avtorskix i lichny`x neimushhestvenny`x prav v seti Internet / A. V. Shichanin, O. D. Grivkov // Pravo i e`konomika. 2021. № 8. S. 58–63.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2022;
одобрена после рецензирования: 21.12.2022;
принята к публикации: 26.12.2022.

The article was submitted: 04.12.2022;
approved after reviewing: 21.12.2022;
accepted for publication: 26.12.2022.

УДК 347.6

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.07

А. Н. Левушкин

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

E-mail: lewuskin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5646-888X>

ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР В КИНОИНДУСТРИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Целью исследования является определение сущности и правовой природы лицензионного договора в киноиндустрии, выявление основных тенденций применения данной договорной конструкции в гражданском обороте, установление основных проблем, формулирование предложений, направленных на реализацию эффективного правового и договорного регулирования отношений в киноиндустрии в Российской Федерации. В качестве методологической базы настоящей работы выступили общенаучные методы познания правовых явлений, такие как синтез, метод аналогии, формальной логики и другие, а также частнонаучные методы исследования правовой природы лицензионного договора в киноиндустрии и проблем легитимации данных отношений в современной России. Установлено, что правоотношения в киноиндустрии — это социальное и правовое явление, возникающее на стыке частных и публичных интересов, которое требует определенности и легитимации. В качестве такого эффективного средства правового и договорного регулирования отношений в киноиндустрии выступает лицензионный договор.

Ключевые слова: лицензионный договор; правоотношения в киноиндустрии; дистрибьютор; договорное регулирование; киноиндустрия; исполнение лицензионного договора; проблемы правоприменения.

UDC 347.6

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.07

A. N. Levushkin

Moscow City University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lewuskin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5646-888X>

LICENSING AGREEMENT IN THE FILM INDUSTRY: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Abstract. The purpose of the study is to determine the essence and legal nature of a license agreement in the film industry, to identify the main trends in the application of this contractual structure in civil circulation, to identify the main problems, to formulate proposals aimed at implementing effective legal and contractual regulation of relations in the film

industry in the Russian Federation. The methodological basis of this work was general scientific methods of understanding legal phenomena, such as synthesis, the method of analogy, formal logic, and others, as well as private scientific methods for studying the legal nature of a license agreement in the film industry and the problems of legitimizing these relations in modern Russia. It has been established that legal relations in the film industry are a social and legal phenomenon that arises at the intersection of private and public interests, which requires certainty and legitimation. The license agreement acts as an effective means of legal and contractual regulation of relations in the film industry.

Keywords: license agreement; legal relations in the film industry; distributor; contractual regulation; film industry; performance of a license agreement; law enforcement problems.

Введение

Запуская проект в производство, крупные киностудии почти всегда знают дату премьеры фильма, хотя еще не снят ни один кадр. Если проект крупный и его производит звездная команда, то еще до начала съемок заключаются лицензионные договоры с дистрибьюторами и те начинают огромную маркетинговую работу, запуск рекламной кампании, на которую тратится около 30–50 % бюджета картины.

В 2020–2022 годах российская экономика столкнулась с рядом трудностей: кризис, падение цен на нефть, рост курса доллара и евро, экономические санкции и пандемия, безусловно, отрицательно сказались на состоянии рынка киноиндустрии [2, с. 30]. Глобализация цифровых систем современного общества неминуемо влияет на экономическую и правовую системы. Развитие высоких технологий и систем искусственного интеллекта неминуемо отражается на развитии общества в целом.

Деятельность в сфере киноиндустрии — это производство фильмов и их использование, а также проведение кинофестивалей [1, с. 62]. Уточним, что законодательство РФ не содержит определение дистрибьютора в кинопроцессах, но Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» в ст. 3 содержит понятие «организация кинематографии», определение которого включает в себя виды деятельности организаций в области кино, которые присущи кинодистрибьютору. На практике дистрибьюторами являются компании, владеющие правами на фильм или представляющие владельца прав на фильм на определенной территории, осуществляющие организацию проката фильма, предоставляя кинотеатрам и онлайн-платформам права на его публичный показ, путем заключения лицензионных договоров на условиях, как правило, простой (неисключительной) лицензии.

Следует в полной мере согласиться с высказанным в науке мнением, что новые современные технологии по силе совокупного воздействия на развитие общества сопоставимы с очередной промышленной революцией [3, с. 6]. Переход к цифровой экономике с неизбежностью предполагает ускорение, установление точности, мобильности, а за счет этого и эффективности реализации

всех производственных процессов, предоставления различных услуг, достижение ими высоких уровней сложности и конкурентоспособности. Для получения коммерческого успеха, дистрибьютора в большей степени интересуют бренды: успех экранизируемой книги, проверенные временем режиссеры, узнаваемые актеры, ожидаемые сиквелы и так далее. В таких случаях права на дистрибуцию картины чаще всего оказываются у того, кто предложил больший гонорар правообладателям за заключение лицензии. С авторским кино и с менее именитыми режиссерами или дебютантами происходит все ровно наоборот: имя и маркетинговые ресурсы крупного дистрибьютора могут в значительной степени повлиять на сборы картины, доступ в кинотеатральные сети и получение хотя бы минимально необходимого количества сеансов в прокате.

Анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности

Для заключения контрактов между авторами и киностудиями, киностудиями и дистрибьюторами существует «Российский кинорынок» в Москве и несколько ключевых международных кинорынков, на которых иностранные мейджоры и прокатные компании могут покупать права на фильмы, как для кинотеатральных, так и стриминговых показов:

- European Film Market, который проводится во время Берлинского кинофестиваля.
- Le Marché du Film, который проходит во время Каннского кинофестиваля.
- American Film Market, который проходит в Лос-Анджелесе в ноябре, и др.

На них студии демонстрируют нарезки, трейлеры, отрывки из фильмов. Именно там дистрибьюторы покупают права и перепродают их кинотеатрам и другим платформам. Однако, если региональная киносеть или вовсе единственный в городе кинотеатр, не имеющие возможность посетить кинорынки, хотят начать прокат того или иного фильма, они всегда могут направить заявку дистрибьюторской компании, чьи фильмы они хотели бы показывать.

Демонстрация фильма в кинотеатре производится согласно условиям лицензионного договора, который кинотеатр заключает с дистрибьютором. В нем прописываются:

- 1) предмет договора в виде конкретной кинокартины и условия предоставления права ее проката: сроки показа, количество и время сеансов;
- 2) обязанности сторон:
 - исполнение условий договора, сдача отчетности и своевременная выплата по договору со стороны кинотеатра;
 - доставка рекламных материалов и копий фильма — со стороны дистрибьютора;
- 3) порядок расчетов между сторонами и другие аспекты.

Первым этапом перед заключением лицензионного договора между кинотеатром и дистрибьютором является этап внутренней проверки дистрибьюторами юридического лица кинотеатра, его технической оснащенности, разрешительной документации от проверяющих ведомств. Такая проверка не предусмотрена законодательством, однако у каждого дистрибьютора существует свой перечень документов, который необходимо предоставить для прохождения проверки. Такой контроль позволяет дистрибьютору снижать риски от недобросовестных владельцев кинотеатров.

После успешного прохождения этого этапа кинотеатры заключают лицензионный договор с дистрибьютором, на основании которого получают фильмы для проката.

Из выручки от кинопроката фильма почти всегда половину суммы получают кинотеатры, половину — дистрибьютор. Со своей половины дистрибьютор, как правило, выплачивает половину полученного от каждого кинотеатра гонорара компании — первичному правообладателю, — которая передала ему по лицензионному договору права на фильм.

Для соблюдения открытых данных по выручке перед лицензиарами, каждый кинотеатр предоставляет ежедневный посеансовый отчет о проданных билетах. Существуют 2 основные системы передачи таких данных: ComScore (ранее назывался Rentrak) и Единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показе фильмов в кинозалах (далее — ЕАИС), введение которой было осуществлено после вступления в силу новой ст. 6.1. в Федеральном законе от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии РФ»¹.

Использование системы ComScore является добровольным решением кинотеатра, однако отказ от ее использования существенно затрудняет процесс получения кинотеатром прав от прокатчиков. Иностранные правообладатели вовсе отказывают в предоставлении прав на фильм кинотеатрам без данной операционной системы, поскольку она позволяет дистрибьютору получать информацию об оплатах и контролировать количество показанных сеансов, оценивая соответствие этой информации условиями договора.

Однако из некоторых пресс-релизов², выпущенных на момент введения ЕАИС, можно сделать вывод, что к 2010 году назрел конфликт между дистрибьюторами и кинотеатрами по поводу занижения вторыми итоговых кассовых сборов [2, с. 82]. А поскольку подавляющее большинство картин финансировалось и финансируется из Фонда кино возвратными субсидиями, то и государство в лице Министерства культуры было заинтересовано в прозрачном и полном контроле денежных поступлений со стороны кинотеатров

¹ Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4136. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102170616>

² По информации с сайта профессионального издания о кинопрокате «Бюллетень Кинопрокатчика». URL: <http://www.kinometro.ru> (дата обращения: 15.08.2022).

в пользу создателей фильма. Таким образом, введение подобной технической системы позволило перевести деятельность кинотеатров для государства в еще более открытое поле, а дистрибьюторам — обеспечить дополнительный контроль за получением доходов от проката.

Также система ЕАИС помогает защищать не только права прямых контрагентов в лице дистрибьютора и кинотеатра, но и авторов, чьи произведения содержатся в составе фильма как сложного аудиовизуального произведения. Обратим внимание на то обстоятельство, что «необходимость сформировать условия для прорывного развития страны предполагает мобилизацию всех имеющихся средств и ресурсов» [4, с. 3]. Причем защита интеллектуальных прав на международном и региональном уровнях тесно связана с мировым технологическим и культурным развитием в целом, созданием, распространением и использованием существующих и новых проприетарных технологий. Наиболее частыми являются иски со стороны РАО (Российское авторское общество) о взыскании авторского вознаграждения за публичное исполнение аудиовизуальных произведений.

Так, в деле № А41-3570/2018³ ответчик, являющийся распространителем билетов в кинотеатр, по мнению истца, был обязан выплатить авторское вознаграждение за показ в кинотеатре аудиовизуальных произведений, управление правами на которые осуществляет истец. После запроса информации, размещенной в ЕАИС, суд в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 04.04.2019 № С01-193/2019 по делу № А41-3570/2018 удовлетворил требование истца, так как было доказано, что ответчиком допущено публичное исполнение спорных произведений без выплаты соответствующего вознаграждения.

С точки зрения применения лицензионного договора в предпринимательских целях в рамках кинопроката такая регламентация несет положительные моменты для сторон, поскольку дистрибьютор уверен в точности лицензионных поступлений от прокатных доходов, кинотеатр защищен от необоснованных претензий, а государство собирает объективную информацию о кинопрокате, чем может положительно влиять на развитие кинотеатральной отрасли, а следовательно, на бизнес-процессы внутри нее.

Другим важнейшим и обязательным элементом, влияющим на выход фильма в прокат, является прокатное удостоверение. Норма о прокатном удостоверении содержится в ст. 5 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»⁴.

Обратим внимание на то обстоятельство, что закон допускает возложение на приобретателя права пользования аудиовизуальным произведением

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.04.2019 № С01-193/2019 по делу № А41-3570/2018 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант.Плюс».

⁴ Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. № 35. 1996. Ст. 4136. URL: https://www.szrf.ru/szrf/docslist.php?md=0&nb=100&year=&div_id=1

правомочия по получению юридически важного документа, являющегося одним из существенных условий для разрешения введения произведения в кинопрокат и осуществления сопутствующих действий, следующих из такого разрешения. Существование такой правовой конструкции создает больше свободы для лицензиата, снимая при этом с лицензиара обязанность совершать лишние действия.

Помимо проката кинофильмов кинотеатры могут на возмездной основе транслировать и другие аудиовизуальные произведения, для демонстрации которых также требуется заключение лицензионных договоров с их правообладателями. Например, популярные YouTube-блогеры стали проводить премьеры знаковых выпусков своих блогов в кинотеатрах. Такие показы осуществляются с взиманием оплаты со зрителей. Как правило, ролики не содержат сложного художественного замысла, а просто демонстрируют фрагменты из жизни автора. Возникает вопрос: накладывает ли демонстрация такого рода произведений обязанность на получение прокатного удостоверения?

Как мы видим, перечнем случаев, когда не надо получать прокатное удостоверение, подобная ситуация не предусмотрена. По смыслу изученного ранее определения понятия «фильм» получается, что подобный вид видеоролика считаться фильмом в контексте Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» не может и его стоит относить к другому виду аудиовизуального произведения.

Исследовательская часть

Теперь перейдем к сфере онлайн-дистрибуции. Безусловно, современные технические решения представляют огромный выбор дистрибуции контента через Интернет, но объектом исследования по данному направлению был выбран формат онлайн-кинотеатров, как наиболее используемый широким кругом пользователей.

Схема работы онлайн-кинотеатров с дистрибьюторами крайне схожа со схемой работы обычных кинотеатров. Видеосервис получает информацию от правообладателей о предстоящем открытии цифровых продаж на ту или иную картину или запрашивает такую информацию сам, представители видеосервиса ведут переговоры с правообладателями (авторами/студиями/мейджорами) и заключают лицензионные договоры. Далее правообладатели предоставляют исходные файлы фильма, которые кодируются для онлайн-платформы, а после размещаются на таких платформах. Для размещения и демонстрации произведения на онлайн-платформе также требуется получение прокатного удостоверения.

Многие из присутствующих на российском рынке онлайн-кинотеатров начали свою работу в начале 2010 года. Толчком к этому стал достаточно прочный успех американской платформы Netflix на американском рынке, которая

одной из первых в мире смогла успешно перевести продажу фильмов с физических носителей на онлайн-площадки. Несмотря на то что и в России подобные сервисы стали пользоваться популярностью в указанное выше время, правовое регулирование деятельности онлайн-кинотеатров начало действовать только 1 июля 2017 года, с момента вступления в силу Федерального закона от 1 мая 2017 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности аудиовизуальных сервисов в сети Интернет» (далее — Закон). Нельзя сказать, что данный закон полноформатно обозначил все проблемные стороны регулирования онлайн-дистрибуции. Действующая редакция Закона с момента принятия не имела существенных изменений, несмотря на технический прогресс и изменение бизнес-процессов в области кино.

С первых строк Закон вызывает определенные вопросы. Из контекста Закона следует, что понятие «онлайн-кинотеатр» идентично употребляемому в тексте документа понятию «аудиовизуальный сервис», однако раскрытие понятия «аудиовизуальный сервис» отсутствует. В свою очередь, Закон закрепляет понятие владельца аудиовизуального сервиса⁵.

Рассмотрим положение об учете пользователей более подробно. Данный Закон, по сути, предлагает внедрение схожей системы для онлайн-кинотеатров, как использование ЕАИС (Единой автоматизированной информационной системы) для обычных кинотеатров, поскольку владельцы сервиса обязаны установить одну из рекомендованных Роскомнадзором программ, предназначенных для определения количества пользователей информационного ресурса. На практике такие программы еще не разработаны и документы Роскомнадзора, регламентирующие этот процесс, в настоящее время отсутствуют.

Полагаем, что такое нововведение закрывает несколько потребностей государства: во-первых, фиксация количества пользователей позволит проводить анализ потребляемого российского контента; во-вторых, обеспечение более прозрачного расчета оплат, в целях контроля налоговых и иных отчислений владельцами аудиовизуального сервиса; в-третьих, для осуществления контроля количества просмотров для более прозрачного расчета по лицензионным договорам между владельцем сервиса и правообладателями. На практике онлайн-кинотеатры пользуются аналитикой просмотров от сторонних сервисов, объективность показателей которых порой вызывает сомнения у правообладателей, что может приводить к спорам.

Как представляется, положительным выглядит тот факт, что государство обозначило в легальном поле категорию онлайн-платформ и попыталось ввести регулирование данной отрасли в частности, что, безусловно, несет

⁵ Федеральный закон от 01.05.2017 №87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант.Плюс».

положительное влияние на развитие и защиту интеллектуальной собственности в России в целом. Также начало регулирования данной сферы формирует правовую среду для осуществления хозяйствующими субъектами своей предпринимательской деятельности открыто и в соответствии с определенными правилами. Однако ввиду отсутствия целого ряда нормативных актов и сервисов, сопутствующих полноценному регулированию отрасли, становится понятным, что пока такое регулирование является установлением первичных правовых очертаний и границ.

Предлагаем обратиться к способам реализации купленных прав онлайн-прокатчиками. Осуществляя заключение лицензионного договора с онлайн-сервисом, дистрибьютор желает выручить как можно больше средств от продажи своего контента. Поэтому онлайн-кинотеатр и дистрибьютор, заключая лицензионный договор, прописывают какой контент будет доставляться конечному потребителю транзакционным способом (продажа и аренда фильмов), а какой — подписным (пользователь покупает подписку на месяц или иной срок и в ее рамках смотрит соответствующий подписке контент). Такой способ распределения — не определенное законом правило, а скорее обычай делового оборота, сложившийся потому, что крупные студии разные формы использования контента обычно согласовывают отдельными контрактами. Как правило, дистрибьюторы соглашаются предоставить в пакет подписок небольшое количество больших хитов и большое количество средних по рейтингу фильмов. Транзакционным способом же продают новинки проката, главные картины международных фестивалей и заслуженные хиты кинопроизводства разных десятилетий.

По модели AVoD начинали работать почти все сервисы в России (на сегодняшний день успешно продолжает совмещать в себе эту модель с другими онлайн-кинотеатр «Иви»), поскольку казалось, что российский пользователь не способен покупать легальный контент. Но со временем сервисы улучшали свой функционал, и уже больше пользователей стали привыкать к стабильному и комфортному доступу в онлайн-сервисы, чем к поискам и скачиванию пиратских версий контента. Тогда некоторые сервисы перешли на модели SVoD-подписки и TVoD-аренды контента. Модель подписки используется почти во всех российских сервисах, но также многие сервисы предлагают аренду того или иного фильма и даже покупку.

Для целей настоящей статьи был исследован перечень услуг по предоставлению контента пяти ведущих онлайн-кинотеатров. Поскольку они практически идентичны, предлагаю за основу взять документ, регулирующий деятельность онлайн-кинотеатра, в котором я имею аккаунт, а именно сервиса Okko⁶.

Платформа для совершения любых действий требует завести аккаунт. После введения персональных данных, пользователю предлагается ознакомиться

⁶ Пользовательское соглашение сервиса Okko [Электронный ресурс]. URL: <https://okko.tv/terms> (дата обращения: 13.08.2022).

с пользовательским соглашением и принять его. При заключении такого пользовательского соглашения дальнейшая реализация условий происходит с помощью Click-wrap-договора, при котором владельцы сайтов информируют пользователя о пределах возможного законного пользования. Такого рода пользовательское соглашение является договором присоединения, так как пользователь принимает условия соглашения без права каких-либо его изменений. Данную позицию подтверждает в своей работе М. В. Мажорина [3, с. 108].

Согласно условиям такого соглашения, пользователь получает доступ к онлайн-платформе на основании простой (неисключительной) лицензии на использование программного обеспечения (п. 5 ст. 1286 ГК РФ), входящего в платформу, а также право на использование аудиовизуальных произведений, путем предоставления удаленного доступа через платформу посредством сети Интернет. Получается, что после присоединения к условиям пользовательского соглашения пользователь получает доступ к технологии, на которой работает онлайн-платформа, напрямую от правообладателей такой платформы.

Создание аккаунта открывает перед пользователем возможности оформить подписку и арендовать или купить по отдельности фильмы, которые в подписку не входят. Возникает вопрос: какого вида договоры регулируют получение конечным пользователем доступа к контенту и есть ли среди них лицензионный договор?

Прямое указание на вид договора в пользовательском соглашении отсутствует, однако формулировка «право на использование видеоконтента предоставляется пользователю после прохождения регистрации» и ряд других положений соглашения позволяет предположить, что контент предоставляется на основании сублицензий от платформы. По мнению А. И. Савельева [6, с. 122], сублицензионным договором такие соглашения можно считать в том случае, если право использования будет транслировано через посредников по цепочке «правообладатель – дистрибьютор – онлайн-платформа – конечный пользователь».

Однако А. И. Савельев рассматривает и альтернативный вариант, когда онлайн-платформа является лишь посредником между первичным правообладателем и пользователем, предоставляя сторонам только свои технические возможности. В таком случае, по его мнению, квалифицировать указанные отношения нужно в качестве посреднических услуг.

Исходя из изученной выше информации о присущему в рамках деятельности онлайн-кинотеатров транслированию прав по цепочке «правообладатель – дистрибьютор – онлайн-платформа – конечный пользователь», а также опираясь на положения изученных пользовательских соглашений, можно сделать вывод, что получение конечным пользователем контента происходит по сублицензионному договору.

Таким образом, пользователю для использования конкретного фильма необходимо каждый раз лишь выбрать предмет договора в виде этого фильма и согласовать условие о цене, а способ использования уже апробирован присоединением к пользовательскому соглашению.

Заметим, что выбор способа получения контента может сопровождаться дополнительными требованиями к договору. Так, оформление подписки дополнительно регулируется нормами об абонентском договоре. Абонентский договор отличает от иной модели договора то, что абонент по общему правилу должен платить или предоставлять иное исполнение независимо от того, затребовал ли он соответствующее исполнение (п. 2 ст. 429.4 ГК РФ) или нет. Следовательно, неиспользование подписки пользователем, не означает неоказание соответствующей услуги.

Говоря об аренде фильма, подразумевается предоставление права пользования фильмом на определенный срок, как правило, на 48 часов, по истечении которого пользователь такого права лишается.

Довольно спорной выглядит конструкция продажи фильмов на платформе. Любая платформа на главных страницах предлагает продажу большей части своего контента пользователю. Соответственно, среднестатистический пользователь предполагает, что покупает фильм на праве собственности. Узнать, что такая покупка лишь позволяет пользователю бессрочно использовать фильм неограниченное количество раз, возможно только из пользовательских соглашений платформ. Таким образом, получается, что пользователь приобретает право пользования контентом лишь в течение срока действия права, полученного онлайн-платформой на соответствующий контент от правообладателя, либо на срок существования самой онлайн-платформы. Получается, что платформы вводят пользователей в заблуждение.

Еще раз уточним, что для формата именно продажи контента используется модель EST (Electronic Sell Through), также известная как DTO (Download To Own). В рамках данной модели пользователь покупает фильм, который можно смотреть сколько угодно раз на самой платформе, но также файл с фильмом сохраняется на устройство пользователя и больше не требует подключения к интернету для просмотра.

В рамках предпринимательских отношений в киноиндустрии лицензионный договор является одним из ключевых договоров, связывая между собой на всех этапах авторов произведения, продюсеров, кинокомпаний, дистрибьюторов и прокатчиков.

Результаты исследования

На сегодняшний день поход в кинотеатр является одним из немногих универсальных способов недорого получить положительные эмоции и отдохнуть разным категориям граждан с различными культурными запросами. Для сохранения возможности достойно конкурировать с онлайн-форматами, кинотеатры должны быть готовы успешно внедрять различные системы государственного и стороннего контроля над просмотрами и внутренними процессами, быть открытыми к новым формам и форматам передачи контента помимо кинофильмов,

а также быть готовыми отстаивать интересы отрасли в спорных ситуациях с дистрибьюторами.

Из полученной в ходе исследования информации следует, что регулирование кинотеатрального показа на сегодняшний день в большей степени затрагивает две категории взаимоотношений:

- 1) между дистрибьютором (правообладателем) и кинопрокатчиком;
- 2) между кинопрокатчиком и государством.

Государством был установлен обязательный отчет кинотеатров в Единую федеральную автоматизированную информационную систему сведений о показе фильмов в кинозалах (ЕАИС) о проданных билетах. Исходя из изученных документов о работе данной системы, можно сделать вывод, что ее внедрение имеет положительное влияние на регулирование кинотеатрального проката, поскольку отчеты позволяют не только демонстрировать государству объективную оценку состояния прокатной отрасли, но и исключать споры между дистрибьюторами (правообладателями) и кинопрокатчиками по поводу точности лицензионных отчислений за показы картин.

В ходе анализа правового регулирования демонстрации контента через онлайн-платформы были изучены правовая природа лицензионного договора в дистрибуции онлайн-кинотеатрами контента конечному пользователю, принципы и технические особенности работы таких платформ и положения Федерального закона от 1 мая 2017 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности аудиовизуальных сервисов в сети Интернет». Исследование положений данного закона позволило найти ряд существенных недоработок в нем, связанных с терминологией, критериями отнесения сервисов к различным категориям и т. д. Также данный закон предусматривает принятие ряда сопутствующих подзаконных актов, создание определенных систем контроля, которые на сегодняшний день либо не разработаны, либо разработаны, но не работают, в связи с чем был предложен ряд изменений в данный закон и отдельные законодательные акты Российской Федерации.

Конечно, лицензионный договор является важнейшим договором в кинобизнесе. Развитие технологий трансляции и форм реализации контента будут требовать от законодателя совершенствовать регулирование всех этапов использования лицензионного договора не только в кино, но и в смежных с ним творческих отраслях.

Литература

1. Афанасьева Е. Г. Вот такое кино: российская цензура под маской прокатного удостоверения // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 61–65.
2. Левушкин А. Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29–36.

3. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 107–120.
4. Пашенцев Д. А. Динамика правовой традиции в условиях четвертой промышленной революции // *Журнал российского права*. 2021. № 5. С. 5–15.
5. Пашенцев Д. А., Ситдикова Л. Б. Правовые средства реализации национальных целей Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // *Российская юстиция*. 2019. № 8. С. 2–4.
6. Савельев А. И. *Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование*. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.

Literatura

1. Afanas`eva E. G. *Vot takoe kino: rossijskaya cenzura pod maskoj prokatnogo udostovereniya* // *Predprinimatel`skoe pravo*. 2020. № 4. S. 61–65.
2. Levushkin A. N. *Obespechenie balansa interesov grazhdan, predprinimatelej i publichno-pravovy`x obrazovanij kak uchastnikov investicionny`x pravootnoshenij na ry`nke cenny`x bumag* // *Yurist*. 2022. № 6. S. 29–36.
3. Mazhorina M. V. *Cifrovyye platformy` i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est` li budushhee u kiberprava?* // *Lex russica*. 2019. № 2. S. 107–120.
4. Pashencev D. A. *Dinamika pravovoj tradicii v usloviyax chetvertoj promy`shlennoj revolyucii* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2021. № 5. S. 5–15.
5. Pashencev D. A., Sitdikova L. B. *Pravovy`e sredstva realizacii nacional`ny`x celej Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoj aspekt)* // *Rossijskaya yusticiya*. 2019. № 8. S. 2–4.
6. Savel`ev A. I. *E`lektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie*. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2022;
одобрена после рецензирования: 21.12.2022;
принята к публикации: 25.12.2022.

The article was submitted: 09.12.2022;
approved after reviewing: 21.12.2022;
accepted for publication: 25.12.2022.

УДК 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.08

В. В. Ницевич

Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору,
Москва, Российская Федерация
E-mail: v.nitsevich@gmail.com

Т. В. Ницевич

Федеральный экспертно-правовой центр агропромышленного комплекса,
Москва, Российская Федерация
E-mail: tatiana010592@yandex.ru

В. Ф. Ницевич

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
E-mail: nicevichvf@mgpu.ru

ВЗЫСКАНИЕ НЕУСТОЙКИ ПО КОНТРАКТУ ЗАКУПОК ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. Проблема, поднятая автором, имеет научное и практическое значение с точки зрения публичного права, обязательств государственных, муниципальных органов, юридических лиц и их должностных лиц (работников) при исполнении Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Авторы, анализируя множество точек зрения на такие вопросы, как возможность и необходимость назначения штрафов, и особенно пеней, предпринимают попытку обосновать, что нарушение условий контракта должно повлечь за собой обязательство уплаты неустойки (штрафа и пеней) со стороны исполнителей государственных (муниципальных) контрактов, а именно поставщиков. Нормы, содержащиеся в действующем законодательстве, не дают однозначного понимания того, является в данном случае назначение неустойки в виде штрафа и пени обязательством или правом. При этом такое положение не имеет однозначного урегулирования действующим законодательством РФ.

Ключевые слова: контракт; неустойка; обязанность к назначению штрафа и пеней; бюджетное учреждение; государственное и муниципальное унитарное предприятие; поставщик; срок поставки.

UDC 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.08

V. V. Nitsevich

Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance,
Moscow, Russian Federation
E-mail: v.nitsevich@gmail.com

T. V. Nitsevich

Federal Expert and Legal Center of the Agro-Industrial Complex,
Moscow, Russian Federation
E-mail: tatiana010592@yandex.ru

V. F. Nitsevich

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: nicevichvf@mgpu.ru

RECOVERY OF A PENALTY UNDER A PROCUREMENT CONTRACT TO MEET STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Abstract. The problem raised by the authors is of scientific and practical importance from the point of view of public law, obligations of state, municipal bodies, legal entities and their officials (employees) in the execution of the Federal Law dated 05.04.2013 No. 44-FZ “On the contract system in the field of procurement of goods, work, services to meet state and municipal needs”. The authors, analyzing many points of view on such issues as the possibility and necessity of imposing fines and, especially, penalties, make an attempt to justify that violation of the terms of the contract should entail the obligation to pay a penalty (fine and penalties) on the part of the executors of state (municipal) contracts, and namely, suppliers. The norms contained in the current legislation do not give a clear understanding of whether, in this case, the imposition of a penalty, in the form of a fine and late charges, is an obligation or a right. At the same time, this position does not have a definite regulation by the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: contract; penalty; obligation to impose a fine and late charges; budgetary institution; state and municipal unitary enterprise; supplier; delivery time.

Введение

Осуществление закупок для государственных (муниципальных) нужд, основанное на Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ-44), продолжает интересовать практиков и теоретиков-исследователей. Некоторые положения этого закона затрагивают вопросы ответственности по контрактам. Однако законодательством РФ однозначно не урегулированы последствия ситуаций, в которых поставщик поставил товар за пределами предусмотренного контрактом срока

поставки. Такое положение дел вызывает вопрос: должна ли быть обязанность заказчика взыскать с поставщика штраф за нарушение условий действующих контрактов, например штраф за неисполнение контракта и пени за просрочку исполнения обязательства, или он должен иметь право на такие действия?

Методы

В исследовании применялись методы анализа и синтеза, метод аналогий и сопоставления, для обоснования отдельных положений.

Основное исследование

Проблеме штрафов и пеней при исполнении контрактов уделялось внимание в научной литературе, однако в таких работах не в полной мере отражаются различные стороны, связанные с неустойкой. Так, Ф. А. Тасалов анализирует несовпадающие позиции ФАС и судов РФ о назначении штрафов и пеней, однако акцентирует свое внимание на условиях назначения этой неустойки исходя из ее процентного соотношения и показывает механизмы возможного назначения штрафов и пеней. Но в выводе автор допускает возможность, а следовательно, только право заказчика назначать штрафы и пени [6, с. 73].

И. Я. Рыбакова, рассматривая неустойки по государственным контрактам, уделяет внимание именно неустойкам, но не закреплению на законодательном уровне обязанности заказчика начислять штрафы и пени. К тому же акцентирует внимание на анализе судебных решений, ставя задачу выработать единые подходы для использования в судебных решениях [5, с. 125].

Ж. Ю. Юзефович, К. А. Дулатова уделяют внимание условиям наступления ответственности сторон, а также особенностям расчета размера ответственности [7, с. 70].

А. Ю. Мисак анализирует позиции судов и антимонопольных органов по судебным спорам, которые вытекают из существа контрактов [3, с. 88].

Главное, что в существующих исследованиях рассматриваются неустойки через призму условий договоров, что означает не обязательность, а лишь право сторон устанавливать такую ответственность. Вопросам обоснования того, что за поставку товара за пределами предусмотренного контрактом срока поставки заказчик обязан, а не имеет права, взыскать с поставщика штраф и пени в силу законной неустойки, не уделяется должного внимания. При этом такое взыскание не является двойной мерой ответственности, так как в этой ситуации поставщик привлекается к ответственности по разным основаниям (событиям). Особую важность этого подхода придает п. 16 ст. 46 Бюджетного кодекса РФ, предусматривающий обязанность государственного (муниципального) органа, казенного учреждения перевести в доход федерального

бюджета в полном объеме неустойку, взысканную по контракту. Иными словами, обязанностью является сам перевод сумм неустойки, но не устанавливается обязанность назначить и взыскать неустойку. Если государственные заказчики не будут иметь обязанности взыскивать в полной мере неустойки с поставщиков (подрядчиков, исполнителей), тогда такие неустойки могут оговариваться лишь самим контрактом, а федеральный бюджет будет недополучать средства.

Важное значение для понимания обязанности выставить неустойку имеет, соответственно, содержание контракта по государственным (муниципальным) закупкам. В силу действия норм (ФЗ-44: п. 8.1 ст. 3, ч. 1, 2.1, 4 и 5 ст. 15, ч. 1 ст. 2) заключаемый контракт — это договор, но отношения по нему регулируются специальными нормами, по отношению к общим, которыми регулируются отношения между коммерческими организациями, индивидуальными предпринимателями, самозанятыми.

Отношения по ФЗ-44 носят добровольно-принудительный характер, выраженный в том, что правила поведения в отношениях задаются государством, условия контрактов определяются заказчиками и если коммерческая организация решила участвовать в закупках, тогда такая организация может в них участвовать на определенных заказчиком (представителем государства) условиях, попав под действие императивных норм, задающих более строгие правила поведения, чем по аналогичным отношениям между коммерческими организациями, индивидуальными предпринимателями, самозанятыми. Если этих лиц такие более строгие нормы не устраивают, они могут не участвовать в закупках по ФЗ-44. Отношения по ФЗ-44, в конце концов, это отношения между государством и бизнесом, в которых защита публичных прав, законных общественных, государственных интересов обеспечивается усиленно, в том числе через специальные правила взыскания неустоек по контрактам.

Еще одним основанием для определения обязанности назначать штрафы и пени являются существенные условия договора. Условия о предмете договора являются существенными (п. 1 ст. 432 ГК РФ), и стороны должны достигнуть взаимного согласия по ним. Поэтому поставщик или продавец берет на себя обязательство поставить товар покупателю в определенный договором срок. Отсюда, при проведении электронного аукциона, заказчик, определив условия закупки, размещает в единой информационной системе, помимо других, проект контракта со сроком поставки товара. Участник закупки на основании собственного волеизъявления выражает согласие на поставку товара на условиях, установленных заказчиком. Иными словами, все условия контракта, в том числе срок поставки товара и условия о взыскании штрафов, пеней, выступают теми позициями, относительно которых должно быть достигнуто соглашение между заказчиком и участником закупки (впоследствии поставщиком). Но при этом все же участник либо соглашается с условиями, либо не участвует в закупке.

Таким образом, срок поставки и условия о взыскании штрафов, пеней являются существенными условиями контракта.

Важное значение имеет и понимание того, какие у сторон имеются обязательства. Это важно потому, что одна сторона обязана совершить предусмотренное контрактом действие, а другая — имеет права требовать исполнения этой обязанности. Такие или подобные действия, в рассматриваемом контексте, опираются на доверие сторон: «Управомоченная сторона (субъект) обязательства именуется кредитором, или верителем (от *лат. credo* — верю), поскольку предполагается, что одна сторона «верит», доверяет исполнителю другой стороны — своего контрагента, называемого здесь должником, т. е. лицом, обязанным к выполнению долга, или дебитором (от *лат. debitor* — должник)» [2, с. 22].

Очевидно, что имеет важное значение и само понятие неустойки, поскольку это понятие содержит существенные признаки, которые связаны с рассматриваемой проблемой. Такими существенными признаками обычно являются: денежная сумма или процент, которые подлежат уплате при определенных договором или законом условиях, как правило, при неисполнении договора. Однако, если сторона по договору не несет ответственности за его исполнение, то вторая сторона не может предъявить неустойку.

Таким образом, по условиям договора, стороны могут определить и денежную сумму неустойки, и условия ее наступления. Однако такое положение носит форму права: могут, но не обязаны.

Важным основанием для назначения неустойки является срок исполнения обязательства по контракту государственной (муниципальной) закупки.

Срок, в соответствии с нормами гражданского права, требует его установления, в том числе и крайнюю дату исполнения обязательства. При этом законодательство не запрещает исполнить обязательство и до истечения срока. Важно подчеркнуть, что в этом случае должна быть вина стороны, поскольку могут быть случаи, что исполнение обязательств не зависело от исполнителя (поставщика, продавца) в силу причин непреодолимой силы.

Следует отметить, что в п. 1 ст. 401 ГК РФ прямо не указано, что речь идет о прекращенном обязательстве. В связи с этим положения данной нормы можно применять и к существующему (непрекращенному) обязательству.

Как отметил В. В. Витрянский, «исполнение обязательства состоит в совершении кредитором и должником действий, составляющих содержание их взаимных прав и обязанностей. Поведение должника должно точно соответствовать всем условиям обязательства, определенным договором или законом, либо иным правовым актом, а при их отсутствии — обычаям делового оборота или иным обычно предъявляемым требованиям (ст. 309 ГК). Исполнение, произведенное должником кредитором обусловленным в их договоре, указанным в законе или соответствующим обычаям способом в установленный срок и в должном месте, признается надлежащим. Всякое иное исполнение, не являющееся надлежащим, например, частичное или просроченное, становится основанием для применения к должнику соответствующих принудительных мер, включая и меры гражданско-правовой ответственности» [1, с. 390].

Отсюда следует, что исполнение, произведенное должником кредиторю за пределами срока, предусмотренного договором, не может быть признано надлежащим, поскольку является ненадлежащим исполнением обязательства (договора).

Таким образом, обязательство по поставке товара должно быть исполнено в день, который определен договором, или не позднее крайнего дня в пределах срока поставки товара, предусмотренного договором. Например, если срок поставки товара не позднее 15.02.2022, то поставщик обязан поставить заказчику товар в любой день, попадающий в период времени с даты заключения договора поставки по 15.02.2022 (включительно). Если поставщик не поставит заказчику товар к 15.02.2022, то он считается не исполнившим свое обязательство. При этом договор поставки не предоставляет поставщику право нарушить условия договора в части требований к сроку поставки и, соответственно, бездействие поставщика будет противоречить правилу по п. 1 ст. 307, п. 1 ст. 314 ГК РФ. В порядке п. 1 ст. 401 ГК РФ не исполнивший обязательство по поставке товара к 15.02.2022 поставщик, при наличии у него вины (умысла или неосторожности), начинает с 16.02.2022 нести ответственность за неисполнение договора. Как следствие, в силу ст. 330 ГК РФ, ч. 6 ст. 34 ФЗ-44 у заказчика возникнет обязанность по начислению поставщику неустойки в виде штрафа за неисполнение контракта на конкретную дату и пени за просрочку.

В приведенном выше примере факт неисполнения стороной обязательства в срок, установленный договором, является нарушением условий договора. В свою очередь, поставка товара за пределами срока поставки, предусмотренного договором, является фактом ненадлежащего исполнения обязательства (договора) ввиду нарушения поставщиком условий договора в части условия о сроке поставки товара. Однако такое исполнение обязательства является его исполнением с нарушением условия о сроке поставки товара.

Вместе тем нормами ГК РФ предусмотрено, что в случае окончания действия договора прекращаются и обязательства по нему (п. 3 ст. 425 ГК РФ). Впрочем, такая норма может быть предусмотрена и законом.

Таким образом, если обязательство по поставке товара поставщиком не будет исполнено (например, к 31.12.2022, на дату окончания срока действия контракта), тогда договор будет продолжать действовать, как правило, до исполнения обязательств сторонами.

Следует отметить, что на день начисления заказчиком поставщику штрафа за неисполнение контракта на конкретную дату заказчику неизвестно, будет ли товар поставлен поставщиком или нет; будет ли контракт расторгнут или нет. То есть заказчик, начисляя поставщику штраф за неисполнение контракта, действует в объеме тех сведений (событий), которые ему известны (состоялись) на конкретную дату. Это свидетельствует о совершении действий заказчиком в пределах закона, договора и обстоятельств, сложившихся на конкретную дату.

Важно подчеркнуть, что ФЗ-44 содержит нормы, регламентирующие право заказчика: а) возможность направления требования к поставщику; б) начисления

пени, за просрочку исполнения обязательства; в) начисления штрафов, за неисполнение контракта.

В соответствии с ч. 6 ст. 34 ФЗ-44 в случае просрочки исполнения поставщиком обязательств (в том числе гарантийного обязательства), предусмотренных контрактом, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком обязательств, предусмотренных контрактом, заказчик может направить поставщику требование об уплате неустоек (штрафов, пеней)¹.

При осуществлении закупки по ФЗ-44 неустойка является законной. Ее размеры, порядки и основания для взыскания императивно определены ст. 34 ФЗ-44 и Правилами № 1042. Заказчик в контракте при описании условий об ответственности его сторон лишь дублирует императивные положения ФЗ-44 и Правила № 1042.

Особое внимание заслуживает следующее. Поставщик может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности за:

- неисполнение обязательства по поставке товара (неисполнение договора);
- ненадлежащее исполнение обязательства по поставке товара (ненадлежащее исполнение договора);
- просрочку исполнения обязательства по договору.

Неисполнение договора по сроку поставки товара всегда сопряжено с просрочкой исполнения обязательства, а обратное невозможно.

Неисполнение договора со стороны поставщика всегда порождает просрочку исполнения поставщиком обязательства. Невозможно, чтобы неисполнение договора со стороны поставщика не породило просрочку исполнения поставщиком обязательства. Сам факт неисполнения свидетельствует о том, что обязательство не было исполненным в установленный договором срок, а следовательно, у исполнения такого обязательства возникает просрочка. Просрочка является следствием неисполнения обязательства на конкретную дату.

Ненадлежащее исполнение договора не всегда сопряжено с просрочкой исполнения обязательства. Например:

- договор поставки предусматривает срок поставки с 10.02.2022 по 15.02.2022 и поставщик поставил товар 11.02.2022, но заказчик при приемке товара установил несоответствие характеристик поставленного товара условиям договора и отказался принимать такой товар, вернул его обратно поставщику. Поставщик устранил нарушение условий договора и поставил 15.02.2022 товар, уже соответствующий

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71757358/> (дата обращения: 18.12.2021).

в полной мере условиям договора поставки. Это свидетельствует о ненадлежащем исполнении договора, но в этой ситуации просрочка отсутствует;

– договор поставки предусматривает срок поставки с 10.02.2022 по 15.02.2022 и поставщик поставил товар 11.02.2022, но заказчик при приемке товара установил несоответствие характеристик поставленного товара условиям договора и отказался принимать такой товар, вернул его обратно поставщику. Поставщик устранил нарушение условий договора и поставил 21.02.2022 товар, уже соответствующий в полной мере условиям договора поставки. Это свидетельствует о ненадлежащем исполнении договора, выразившемся в нарушении условий договора и п. 1 ст. 314 ГК РФ, и о просрочке в количестве 5 дней.

Из примеров следует, что просрочка исполнения обязательства по поставке товара не может возникнуть без неисполнения договора на конкретную дату либо без ненадлежащего исполнения договора.

Неисполнение обязательства в установленный договором срок нарушает условия договора, и за этот факт назначается штраф. Тогда как сама по себе просрочка не нарушает условия договора, а лишь констатирует пределы несвоевременности поставки и за это назначаются пени.

Как отметил Конституционный суд РФ, неустойка как мера ответственности может устанавливаться как в виде штрафа, так и в виде пени, при этом последние носят разную правовую природу².

Важно подчеркнуть, что ФЗ-44 разделяет нарушения поставщиком, связанные с просрочкой и иные нарушения при исполнении контракта. Это положение определяет, что неисполнение обязательств в установленный срок признается как нарушение контракта в целом, одновременно просрочка свидетельствует и о другом длящемся нарушении (товар поставлен, но в другие сроки). Задача восстановительного характера гражданской ответственности состоит в том, чтобы заказчика поставить в положение, при котором он бы находился, если бы обязательство было выполнено в срок³.

Неисполнение обязательства по поставке товара порождает неисполнение контракта. Но неисполнение контракта — это не всегда неисполнение поставщиком обязательства по поставке товара, так как оно может быть таковым, например, ввиду неисполнения заказчиком обязательства по приемке или оплате.

² Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2006 г. № 9-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаганца Гарика Айрапетовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12045947/> (дата обращения: 15.12.2021).

³ Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2017, п. 36 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=218867&dst=100001#xf28LsSSW90JJRVP1/> (дата обращения: 20.12.2021).

Одновременно следует также отметить, что неисполнение поставщиком контракта на конкретную дату и просрочка исполнения поставщиком обязательства не является одним и тем же, так как просрочка является следствием неисполнения контракта.

Более того, Верховный суд подтверждает возможность назначать штраф и пени как ответственность за разные правовые события⁴.

Из анализа судебной практики по рассмотрению споров по контрактам, заключенным по ФЗ-44, следует два подхода:

- в одних случаях суды подтверждают правомерность заказчика по начислению штрафа за неисполнение (ненадлежащее исполнение) контракта, наряду с начислением пеней за просрочку исполнения обязательства по поставке товара⁵;
- в других — суды отказываются подтверждать правомерность заказчика по начислению штрафа, приходя к выводу, что в случае несвоевременной поставки товара, соответствующего условиям контракта, заказчик должен начислять только пени⁶.

Более того, согласно письмам Департамента бюджетной методологии и финансовой отчетности в государственном секторе и Департамента бюджетной политики в сфере контрактной системы Минфина России⁷, в случае несвоевременного исполнения поставщиком обязательств, предусмотренных контрактом, заказчик обязан начислить штраф за ненадлежащее исполнение условий контракта и пени за каждый день просрочки исполнения обязательств, предусмотренных контрактом.

Вместе с тем, если истец (заказчик) в основании иска будет указывать, что штраф подлежит взысканию за просрочку, тогда суды правомерно будут

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», п. 80 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения 22.12.2021).

⁵ Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2017 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc &base=LAW&n=218867&dst=100001#xf28LsSSW90JJRVP1/> (дата обращения: 20.12.2021); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.09.2021 по делу № А56-51145/2020 [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Московского округа: официальный сайт. URL: <https://m.kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Постановление АС Северо-Западного округа от 16.03.2017 № Ф07-1726/17 по делу № А66 [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Московского округа: официальный сайт. URL: <https://17321/2015>. <https://m.kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.12.2021).

⁷ Письмо Департамента бюджетной методологии и финансовой отчетности в государственном секторе Минфина России от 13.04.2021 № 02-07-10/27529 «О бухучете организацией бюджетной сферы банковской гарантии, полученной в обеспечение обязательств по контракту, и начислении пеней (штрафов) при несвоевременном их исполнении поставщиком» [Электронный ресурс] // Системы «Консультант.Плюс» и «Гарант» (платный доступ). URL: <http://tender32.ru/site/Show/Content/1818?ParentItemId=203/> (дата обращения: 11.01.2022).

отказывать в удовлетворении такого требования, так как штраф нельзя взыскивать за просрочку исполнения обязательства (определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 20.12.2018 № 310-ЭС18-13489, определение ВС РФ от 30.05.2019 № 304-ЭС19-7636). Правильным основанием иска в споре о взыскании штрафа будет являться отсутствие отгруженного заказчику товара на крайний день предусмотренного контрактом срока поставки товара ввиду факта неисполнения поставщиком обязательства по поставке товара (бездействие со стороны поставщика). По природе просрочка всегда возникнет вследствие наступления данного факта. Согласно ч. 1 ст. 94 ФЗ-44 исполнение контракта включает в себя комплекс мер, реализуемых после заключения контракта и направленных на достижение целей осуществления закупки путем взаимодействия заказчика с поставщиком в соответствии с гражданским законодательством и Федеральным законом № 44-ФЗ. В свою очередь, факт отсутствия отгруженного заказчику товара на крайний день предусмотренного контрактом срока поставки товара доказывает не реализацию поставщиком после заключения контракта мер, направленных на достижение целей осуществления закупки. Это нарушение условий контракта, если контрактом не предусмотрено право поставщика нарушить условия контракта (например, однократно).

Следует отметить, что согласно ст. 9, ч. 6 ст. 38 ФЗ-44 контрактная система в сфере закупок предусматривает осуществление деятельности заказчика на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок. Заказчики принимают меры по поддержанию и повышению уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, в том числе путем повышения квалификации или профессиональной переподготовки в сфере закупок в соответствии с законодательством Российской Федерации. Работники контрактной службы, контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. Таким образом, заказчик — это лицо, являющееся профессионалом в сфере закупок, требующей специальных познаний.

Также следует обратить внимание на п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁸, согласно которому при разрешении споров, возникающих из договоров, в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора, в том числе исходя из текста договора, предшествующих заключению договора переговоров, переписки сторон, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, обычаев, а также последующего поведения сторон договора (статья 431 ГК РФ), толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом

⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (дата обращения: 26.12.2021).

в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т. п.). Таким образом, толкование судом условий контракта должно осуществляться в пользу заказчика как профессионала в сфере закупок.

Этот вывод усиливает то, что во исполнение требований ч. 5 ст. 43 ФЗ-44 участник закупки (он же впоследствии поставщик) при проведении электронного аукциона для определения поставщика товара добровольно выражает согласие на поставку товара на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки (в состав которого включается контракт в силу ч. 5 ст. 43 ФЗ-44).

Таким образом, поскольку раздел контракта об ответственности его сторон является частью условий контракта, постольку участник закупки (он же впоследствии поставщик) добровольно соглашается с условием о том, что за нарушение условий контракта в целом (а именно неисполнение контракта на конкретную дату — на крайний день срока поставки, определенного в контракте заказчиком, или ненадлежащее исполнение контракта, выраженное в исполнении обязательства по поставке за пределами срока поставки, определенного в контракте заказчиком) заказчик начислит ему штраф за неисполнение обязательства по поставке (за сам факт неисполнения контракта на крайний день установленного контрактом срока поставки) или штраф за ненадлежащее исполнение обязательства по поставке (за сам факт поставки товара за пределами срока поставки, определенного в контракте заказчиком) и одновременно со штрафом начислит пени за просрочку исполнения обязательства по поставке товара. Такое добровольное согласие лишает поставщика права на несогласие при исполнении контракта с условиями об ответственности контракта, которые определил заказчик в силу императивных требований ст. 34 ФЗ-44 и Постановления № 1042. В противном случае получается, что такой участник закупки (он же впоследствии стал поставщиком) в своей заявке на участие в закупке не давал согласия на поставку товара на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки, в том числе контрактом, являющимся неотъемлемой частью такого извещения, и он бы не смог стать победителем электронного аукциона.

Рассматривая ситуации, в которых поставщик поставил товар за пределами срока поставки, предусмотренного контрактом, можно ли взыскать с поставщика штраф за ненадлежащее исполнение контракта и пени за просрочку исполнения обязательства?

Например, если контрактом предусмотрен срок поставки не позднее 15.02.2022, а поставщик поставил товар 21.02.2022, тогда заказчик на 16.02.2022:

- 1) не обладал товаром, который ему должен быть поставлен не позднее 15.02.2022;
- 2) действовал в объеме тех сведений (событий), которые ему известны (состоялись) на конкретную дату (объективно никому не известно, будет ли товар поставлен поставщиком или нет, или будет ли контракт расторгнут или нет);
- 3) располагал фактом неисполнения поставщиком обязательства по поставке товара (неисполнение контракта) (этот факт доказывается отсутствием товара у заказчика), в связи с чем такой заказчик начислил поставщику требование

об уплате штрафа за неисполнение контракта, а также пени за просрочку исполнения контракта (за 1 день).

Несмотря на то что впоследствии, 21.02.2022, товар был все же поставлен поставщиком, это не отменяет факт неисполнения им контракта на 15.02.2022.

Пунктами 3, 4, 5, 6 Правил № 1042 установлено, что штраф начисляется за каждый факт неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком обязательств, предусмотренных контрактом.

Таким образом, слова «за каждый факт» означают, что Правительство Российской Федерации намерено предусмотрело, что в количественном выражении начисленных штрафов по одному контракту может быть несколько.

По сути, если изначально, при отсутствии товара у заказчика на крайний день срока поставки, предусмотренного контрактом, заказчик начислит штраф за неисполнение контракта, но впоследствии товар будет все же поставлен поставщиком (поставлен за пределами срока поставки, предусмотренного контрактом), это будет свидетельствовать о факте ненадлежащего исполнения контракта, т. е. обязательство по поставке товара исполнено не в соответствии с условиями контракта. Штраф за неисполнение контракта приобретет природу штрафа за ненадлежащее исполнение контракта. При этом размер этих штрафов одинаковый. В этой ситуации заказчику не следует взыскивать с поставщика сначала штраф за неисполнение контракта, а потом еще штраф за ненадлежащее исполнение контракта, так как именно эта ситуация (а не ситуация с начислением штрафа и пени по одному контракту, которая раскрыта в вышеуказанных спорах, где суды отказываются подтверждать правомерность заказчика по начислению штрафа, приходя к выводу, что в случае несвоевременной поставки товара, соответствующего условиям контракта, заказчик должен начислять только пени) свидетельствует о двойной ответственности поставщика за одно и то же.

Выводы

В результате исследования различных сторон проблемы неустойки при реализации государственных контрактов, заключенных по ФЗ-44, назначение штрафов и пени должно быть не правом, а обязанностью государственного органа или должностного лица.

При этом из содержания обоснования вытекает, что назначение штрафа и пени не является наказанием для поставщика за одно и то же неисполнение контракта, а за различные этапы или действия (бездействия) в процессе выполнения контракта.

Литература

1. Витрянский В. В. Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. 2-е изд. М.: Спарк; Хозяйство и право, 1999. С. 736.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статус, 2020. С. 720.

3. Мисак А. Ю. Дождались: первый обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального Закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Вестник академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 88–93.

4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон № 44-ФЗ. М.: Проспект, 2021. 352 с.

5. Рыбакова И. Я. Проблемы применения мер ответственности сторон за ненадлежащее исполнение государственных и муниципальных контрактов // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 3. Т. 10. С. 125–133.

6. Тасалов Ф. А. Взыскание неустойки в рамках законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 73–82.

7. Юзефович Ж. Ю., Дулатова К. А. Ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 70–73.

Literatura

1. Vitryanskij V. V. Nauchno-prakticheskij kommentarij k chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii dlya predprinimatelej. 2-e izd. M.: Spark; Xozyajstvo i pravo, 1999. S. 736.

2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / otv. red. E A. Suxanov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Status, 2020. S. 720.

3. Misak A. Yu. Dozhdalis': pervy'j obzor sudebnoj praktiki po voprosam, svyazanny'm s primeneniem Federal'nogo Zakona «O zakupkax tovarov, rabot, uslug otdel'ny'mi vidami yuridicheskix licz» // Vestnik akademii prava i upravleniya. 2018. № 3 (52). S. 88–93.

4. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvenny'x i municipal'ny'x nuzhd. Federal'ny'j zakon № 44-FZ. M.: Prospekt, 2021. 352 s.

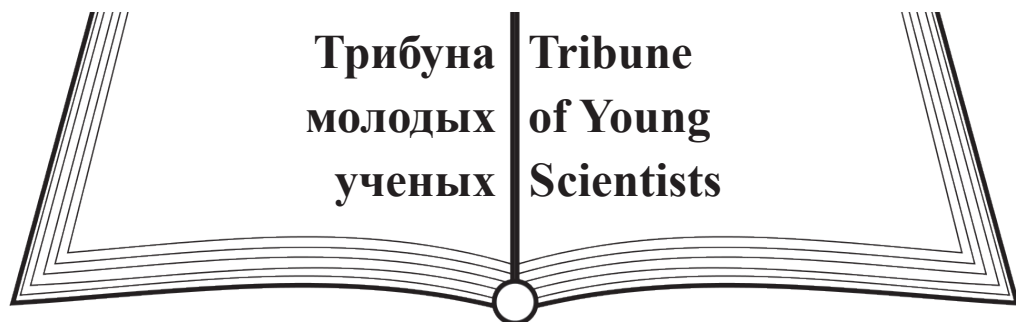
5. Ry'bakova I. Ya. Problemy' primeneniya mer otvetstvennosti storon za nenadlezhashhee ispolnenie gosudarstvenny'x i municipal'ny'x kontraktov // Srednerusskij vestnik obshhestvenny'x nauk. 2015. № 3. T. 10. S. 125–133.

6. Tasalov F. A. Vzy'skanie neustojki v ramkax zakonodatel'stva RF o kontraktnoj sisteme v sfere zakupok // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2017. № 7 (80). S. 73–82.

7. Yuzefovich Zh. Yu., Dulatova K. A. Otvetstvennost' storon za neispolnenie ili nenadlezhashhee ispolnenie obyazatel'stv po kontraktu v sfere zakupok tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvenny'x i municipal'ny'x nuzhd // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1. S. 70–73.

Статья поступила в редакцию: 07.12.2022;
одобрена после рецензирования: 23.12.2022;
принята к публикации: 25.12.2022.

The article was submitted: 07.12.2022;
approved after reviewing: 23.12.2022;
accepted for publication: 25.12.2022.

УДК 346.2, 94 (41/99)

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.09

А. И. Алексеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail: thekeplerslab@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВХОДИВШИХ В ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРУППЫ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЯПОНИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются основные механизмы правового регулирования деятельности японских финансово-промышленных групп — дзайбацу — в период Второй мировой войны по обеспечению производства товаров, работ и услуг в рамках государственного военного заказа и повышению обороноспособности Японии в период 1939–1945 годов. Анализируются не только специальные акты военного времени, в частности нормативные правовые акты о национальной мобилизации капитала, производства и труда, но и общие нормативные правовые акты, а также основные направления реформирования законодательства о владении и управлении входящими в финансово-промышленные группы предприятиями в период Второй мировой войны, предпосылки, условия и последствия осуществленных реформ. В результате автором делаются выводы относительно роли различных механизмов правового регулирования деятельности входящих в финансово-промышленные группы предприятий по производству товаров, работ и услуг в рамках государственного военного заказа, уровень эффективности данных механизмов в процессе обеспечения обороноспособности Японии в период Второй мировой войны, а также причины и условия, способствовавшие снижению уровня эффективности мер, реализованных в рамках данных правовых механизмов.

Ключевые слова: дзайбацу; правовое регулирование приватизации; финансово-промышленные группы; оккупационная администрация; антимонопольное законодательство.

UDC 346.2, 94 (41/99)

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.09

A. I. Alekseev

Financial University under the Government of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

E-mail: thekeplerslab@gmail.com

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF ENTERPRISES THAT WERE PART OF FINANCIAL AND INDUSTRIAL GROUPS IN JAPAN DURING THE SECOND WORLD WAR: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. The article discusses the main mechanisms of legal regulation of the activities of Japanese financial and industrial groups — zaibatsu — during the Second World War to ensure the production of goods, work and services within the framework of the state military order and to increase the defense capability of Japan in the period 1939–1945. Not only special wartime acts are analyzed, in particular, regulatory legal acts on the national mobilization of capital, production and labor, but also general regulatory legal acts, as well as the main directions for reforming the legislation on the ownership and management of enterprises belonging to financial and industrial groups during the Second World War, prerequisites, conditions and consequences of the implemented reforms. As a result, the author draws conclusions regarding the role of various mechanisms of legal regulation of the activities of enterprises which are part of financial and industrial groups for the production of goods, work and services within the framework of the state military order, the level of effectiveness of these mechanisms in the process of ensuring the defense capability of Japan during the Second World War, as well as the reasons and the conditions that contributed to the decrease in the level of effectiveness of the measures implemented within the framework of these legal mechanisms.

Keywords: zaibatsu, legal regulation of privatization, financial and industrial groups, occupation administration, antimonopoly legislation.

Введение

В период с XVIII века и вплоть до настоящего времени одну из ключевых ролей в развитии экономической сферы японского общества, государства и права играют дзайбацу и кейрецу — финансово-промышленные группы, характеризующиеся осуществлением управления членами одного клана (иерархически выстроенной группы семей), а также подконтрольностью дочерних предприятий посредством пирамидального или перекрестного акционирования.

Первая половина XX века ознаменовалась существенным ростом как объемов производства дзайбацу, так и удельной доли участия дзайбацу в национальной японской экономике, в результате чего данные финансово-промышленные

группы, получившие по результатам Первой мировой войны, Японо-китайской войны и иных вооруженных конфликтов первой половины XX века, ряд активов за пределами Японии в виде концессий и права на аренду месторождений полезных ископаемых в Китае, доли в предприятиях тяжелой промышленности и др. [3, с. 71]. Так, в период 1900–1920 годов объем денежных средств, находящихся в распоряжении входивших в дзайбацу Мицуи финансовых структур вырос в 9 раз (с 37 млн йен до 358 млн йен), Мицубиси — почти в двадцать (с 14 млн йен до 257 млн йен) [4, с. 563].

Являясь одними из ключевых участников военно-промышленного комплекса Японии, тесно связанные с государством и зависевшие от оборонного заказа, такие финансово-промышленные группы были прямо заинтересованы в расширении милитаристической экспансии островного государства, в результате чего посредством спонсирования политических партий и отдельных политиков японские финансово-промышленные группы стали одним из участников японской политики [2, с. 301]. К началу Второй мировой войны высшее руководство вооруженными силами Японии рассматривало дзайбацу в качестве конкурентов на политической арене, в результате конец 1930-х – первая половина 1940-х годов ознаменовались резким сокращением политических и экономических прав и свобод финансово-промышленных групп и фактически полным переходом японских предприятий под контроль государства в рамках реализации мер, закрепленных в 1938 году Законом о национальной мобилизации (国家総動員法) (далее в тексте — Закон 1938 года), в частности установление органами государственной власти цен на производимую дзайбацу продукцию, а также принятие управленческих решений¹.

Например, в соответствии со ст. 5 Закона 1938 года правительство получало право в случае необходимости осуществлять полный контроль за осуществлением предприятием предпринимательской и иной деятельности, к примеру осуществлять разрешение трудовых споров на данных предприятиях; в соответствии с положениями ст. 7 определять размер заработной платы; нанимать и увольнять работников (ст. 6). Законом регулировался широкий перечень предприятий, в том числе по производству оружия и боеприпасов (п. 1 ст. 2), одежды и продовольствия (п. 2 ст. 2), медицинских препаратов (п. 3 ст. 2), наземных, водных и воздушных транспортных средств (п. 4 ст. 2) и пр.

В целях обеспечения реализации Закона 1938 года правительством Японии был разработан Указ о создании Совета по национальной мобилизации 1938 года (国家総動員審議会官制)². Данный Совет, в соответствии

¹ 国家総動員法 [Электронный ресурс] // 国立国会図書館デジタルアーカイブ. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1908556> (дата обращения: 30.03.2021); Закон о национальной мобилизации [Электронный ресурс] // Цифровой архив Библиотеки Парламента Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1908556> (дата обращения: 07.10.2021) (пер. авт.).

² 国家総動員審議会官制 [Электронный ресурс] // 日本法令索引. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000027634¤t=-1> (дата обращения: 27.10.2021); Указ о создании Совета по национальной мобилизации [Электронный ресурс] // Японский юридический

с положениями ст. 1 данного указа, находился под прямым контролем премьер-министра.

Предпринятые государством меры по национализации промышленности не обеспечили победу Японии во Второй мировой войны, и в 1945 году, после капитуляции, перед островным государством, а также оккупационной администрацией Верховного главнокомандующего союзными силами встала задача по восстановлению японской промышленности и трансформации ее структуры в целях недопущения повторной милитаризации Японии и приведения национальной экономики островного государства в соответствие со взглядами американских политиков и экономистов на свободу экономической деятельности и необходимости противодействия монополиям, каковыми фактически являлись японские финансово-промышленные группы [5, с. 1570].

Методы

При проведении исследования использовался достаточно широкий массив научных исследований в сфере японского законодательства, нормативных правовых актов, относящихся к рассматриваемому периоду, в частности такие источники права как: Закон о запрете монополизации и защите конкуренции 1947 года, Закон о национальной мобилизации 1938 года, Указ о создании Совета по национальной мобилизации 1938 года, Сан-Францисский мирный договор 1951 года, а также труды зарубежных и российских мыслителей по исследуемой теме.

Раскрытие выбранной темы осуществлялось посредством применения системы общефилософских, общенаучных, частнонаучных и специальных методов научного исследования. Так, диалектический метод использовался при анализе государственно-правового и социально-экономического развития Японской империи после окончания Второй мировой войны; исторический и статистический методы, метод сравнительного анализа — при изучении вопросов эффективности государственной политики оккупационной администрации США по созданию системы антимонопольного законодательства и правоприменения в Японии.

Основное исследование

В целях осуществления ликвидации дзайбацу в 1947 году была создана специальная комиссия, получившая в свое распоряжение перечень выявленных в период 1945–1947 годов активов японских финансово-промышленных групп,

которые, однако, по оценке Н. В. Кузнецовой, были включены в перечень по существу заниженной стоимости ввиду высоких темпов инфляции в послевоенной Японии [5]. Продажа активов на публичных аукционах по номинальной стоимости привела к возможности осуществления недружественных поглощений и захватов наиболее ценных активов, что подтолкнуло осуществлявших непосредственное управление некогда входивших в состав дзайбацу предприятий менеджеров вступить в переговоры друг с другом об организации перекрестного акционирования, что позволило бы снизить риск недружественных поглощений со стороны иных предприятий, не входивших ранее в дзайбацу [5, с. 1570]. Помимо того, акции компаний приобретались формально независимыми участниками гражданского оборота, которые в силу личных связей с руководством дзайбацу или их бывшими собственниками осуществляли управление и распоряжение долями предприятий в их интересах.

Необходимо отметить, что деятельность дзайбацу по восстановлению разрушенных оккупационной администрацией управленческих и производственных связей затрагивала государство и право в целом, учитывая долю финансово-промышленных групп в японской экономике. Так, десять крупнейших дзайбацу (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Ниссан, Асано, Фурукава, Окура, Накадзима и Номура) состояли к 1946 году из более чем 1200 дочерних предприятий, суммарно составлявших около 35 % от всех японских акционерных обществ [1, с. 21].

В результате разработанного генералом Д. Макартуром и профессором К. Эдвардсом, одним из руководителей антитрестовского департамента министерства юстиции, комплекса мер по ликвидации дзайбацу данным дочерним предприятиям было запрещено осуществлять все виды операций с ценными бумагами и материальными активами. В то же время комплексность задачи по послевоенному восстановлению Японии и ограниченность ресурсов оккупационной администрации привели к фактической невозможности контроля над осуществлением экономической деятельности данных предприятий, в том числе осуществления ими запрещенных операций [1, с. 22]. В частности, рост объема прямо запрещенного перекрестного акционирования привел к тому, что на всем протяжении существования кейрецу (с 1947 года по настоящее время) объем перекрестно приобретаемых акций, входящих в финансово-промышленные группы предприятий, составляет 60–70 % от общего количества выпущенных акций и только оставшиеся 30–35 % свободно обращаются на рынке ценных бумаг [6, с. 1].

Одной из основных мер по трансформации структуры японской экономики, предпринятых оккупационной администрацией, была разработка и принятие в 1947 году Закона о запрете частной монополизации и защите конкуренции (私的独占の禁止及び公正取引の確保に関する法律)³ (далее по тексту —

³ 私的独占の禁止及び公正取引の確保に関する法律昭和五十二年政令第三百十七号 [Электронный ресурс] // E-GOV法令検索 URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=352CO0000>

Закон 1947 года). Данный нормативный правовой акт стал на протяжении более чем полувека, вплоть до настоящего времени, основным источником нормативного правового регулирования деятельности финансово-промышленных групп и взаимоотношений дочерних и материнских предприятий в Японии. В то же время необходимо отметить снижение уровня эффективности данного нормативного акта ввиду противодействия со стороны японского государства и общества. Монополизация производства являлась негативным фактором экономической деятельности с позиций американской экономической школы. Японские же исследователи и представители органов государственной власти и частных предприятий рассматривали монополии как благо, обеспечивающее рост всей национальной экономики в целом [7, с. 122].

Существенную роль в послевоенном восстановлении финансово-промышленных групп в Японии сыграли также ограничения, установленные в тексте Закона 1947 года, непосредственно для органов государственной власти. Так, сразу же после вступления в юридическую силу данного закона Комиссия по защите конкуренции Японии (далее — Комиссия) столкнулась с невозможностью во многих случаях пресечь деятельность предприятий, направленных на ограничение конкуренции и монополизацию рынка. Закон 1947 года содержал множество исключений, в том числе возможность для отдельных министерств устанавливать собственные исключения для отдельных предприятий, что позволило некогда входившим в дзайбацу предприятиям, пользуясь установленными связями с государственными служащими, выводить свою деятельность из зоны регулирования Закона 1947 года. Непрозрачность же деятельности самой Комиссии по защите конкуренции приводила к росту недоверия со стороны общества к государству и обвинениям в обеспечении Комиссией реализации интересов одних картелей в ущерб другим [7, с. 123–124]. В период 1945–1952 годов фактически владеющие финансово-промышленными группами кланы пытались использовать оккупационную администрацию США в целом и Комиссию в частности для расширения объемов конгломератов, в том числе за счет прежде независимых предприятий и иных дзайбацу.

В 1951 году, после подписания мирного договора между США и Японией в Сан-Франциско, вступившего в силу в 1952 году⁴, деятельность оккупационной администрации по недопущению монополизации рынков товаров, работ и услуг и обеспечению защиты конкуренции в Японии перешла в сферу ведения японского правительства и национального парламента, в результате чего в скором времени антимонопольные меры были существенно смягчены

000317_20201225_502CO0000000260 (дата обращения: 07.10.2021); Закон о запрете монополизации и защите конкуренции № 54 от 14.04.1947 [Электронный ресурс] // Система поиска нормативных правовых актов «E-GOV». URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=352 CO0000000317_2020 1225_502CO0000000260 (дата обращения: 07.10.2021).

⁴ Treaty of Peace with Japan Signed at San Francisco on 8 September 1951 [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Collection. URL: [https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/ Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf](https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf) (дата обращения: 27.10.2021).

и де-факто образовавшиеся кейрецу легализовались, передав формально находившиеся в руках независимых инвесторов активы в руки фактических владельцев и бенефициаров. Подводя итог деятельности оккупационной администрации в период 1945–1952 годов, можно сделать вывод о недостижении поставленной задачи: к 1952 году финансово-промышленные группы по-прежнему продолжали играть ключевую роль в японской национальной экономике. Изменились лишь конечные бенефициары и механизмы контроля и управления, в частности переход от пирамидального акционирования к перекрестному.

Выводы

По нашему мнению, низкий уровень эффективности деятельности оккупационной администрации США в долгосрочной перспективе был вызван комплексом факторов, включающим в себя следующее:

1. Опора исключительно на номинальные показатели и значения, без учета фактического состояния активов и их подчиненности. В соответствии с формально указываемыми в правоприменительных и статистических документах данными деятельность Комиссии была крайне эффективной, ценные активы продавались на публичных торгах независимым инвесторам, а предприятия осуществляли исключительно законную, не направленную на монополизацию рынков деятельность. На самом же деле стоимость активов существенно занижалась или завышалась, «независимые» инвесторы в силу личных, семейных или служебных связей осуществляли деятельность по управлению активами исключительно в интересах фактических бенефициаров, а предприятия посредством тайных сделок монополизировали отдельные рынки сбыта товаров, работ и услуг.

2. Ограниченность ресурсов оккупационной администрации. Перед администрацией стояла задача по фактически полному контролю всей экономики японского государства. Несмотря на поддержку США и опору на работу американских исследователей, деятельность оккупационной администрации в большой степени зависела от опоры на формально обладавших всей полнотой государственной власти в соответствии с принятой по окончании Второй мировой войны конституцией японскими национальными органами государственной власти, которые тайно или явно противодействовали проводимому оккупационной администрацией курсу на ликвидацию финансово-промышленных групп.

3. Различия в понимании феномена дзайбацу в США и Японии. Опора исключительно на американский опыт взаимодействия (иными словами, борьбы) с монополиями, без учета особенностей исторического, социального, экономического и правового развития японского государства, общества, права и экономики привело к ряду пробелов на корневом, базовом уровне стратегии по трансформации японской экономики, в результате чего разработанная американскими экономистами модель была фактически неприменима к Японии.

4. Низкий уровень принимаемых мер. Несмотря на обширную теоретическую подготовку, конкретные меры, проводимые оккупационной администрацией, несли в себе ряд дисфункциональных явлений, препятствующих их эффективной реализации. Положения Закона 1947 года не позволяли Комиссии по защите конкуренции реализовывать его цели и задачи, деятельность по продаже активов дзайбацу приводила к угрозе недружественных поглощений, разрушению производственных цепочек и невозможности осуществления предприятиями деятельности в целом.

5. Отсутствие системы комплексного развития и взаимодействия с иными субъектами правотворческой и правоприменительной деятельности. В условиях необходимости осуществления наиболее оперативного разрешения вопросов восстановления островного государства после Второй мировой войны необходима была тщательно выстроенная, гибкая и оперативно реагирующая на изменения система. Фактически же отдельные органы государственной власти различных ветвей и уровней осуществляли не только несогласованную, но и временами, осознанно или нет, противоречащую друг другу деятельность.

Комплекс данных факторов привел к фактическому провалу политики США по ликвидации финансово-промышленных групп в Японии, в результате чего вплоть до настоящего времени кейрецу являются одним из ключевых участников национальной японской экономики, в том числе и на международном уровне, что, помимо прочего, привело к ряду кризисных явлений в американской экономике конца XX – начала XXI века, с приходом на рынки США японских предприятий.

В заключение необходимо отметить, что залогом успешной трансформации социального, экономического и правового развития любого государства является учет особенностей его исторического развития, механизмов формирования и осуществления деятельности, а также учет реальных показателей вкупе с тщательно разработанными мерами и определенной системой законодательства на основе учета особенностей национального правового пространства. Без реализации данных мер любая трансформационная деятельность не только не достигнет поставленных результатов, но и приведет к негативным эффектам, вред от которых может быть больше, чем при изначальном невмешательстве.

Литература

1. Леонтьева Е. Л. Японские корпорации и корпоративные группы. Эволюция институтов. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 78 с.
2. Beamer J. History and Significance of the Zaibatsu // *Cultural Sociology of the Middle East, Asia, and Africa*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc., 2012. 1976 p.
3. Ikle F. W. Japanese-German Peace Negotiations during World War I // *The American Historical Review*. 1965. № 1. P. 62–76.
4. Kazuo S. The Early History of the Zaibatsu // *The Developing Economies*. 1966. № 4. P. 535–566.

5. Kuznetsova N. V. Keiretsu: Past, Present and Future // *World Applied Sciences Journal*. 2013. № 12. P. 1569–1573.
6. Scher M. Bank-firm Cross-shareholding in Japan: What is it, Why Does it matter, is it winding down? // *DESA Discussion Paper*. 1999. № 15. P. 1–21.
7. Seita A. Y., Tamura J. The Historical Background of Japan's Antimonopoly Law // *University of Illinois Law Review*. 1994. № 1. P. 115–185.

Literatura

1. Leont'eva E. L. *Yaponskie korporacii i korporativny'e gruppy*. E`volyuciya institutov. M.: IME`MO RAN, 2009. 78 s.
2. Beamer J. *History and Significance of the Zaibatsu* // *Cultural Sociology of the Middle East, Asia, and Africa*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc., 2012. 1976 p.
3. Ikle F. W. Japanese-German Peace Negotiations during World War I // *The American Historical Review*. 1965. № 1. P. 62–76.
4. Kazuo S. The Early History of the Zaibatsu // *The Developing Economies*. 1966. № 4. P. 535–566.
5. Kuznetsova N. V. Keiretsu: Past, Present and Future // *World Applied Sciences Journal*. 2013. № 12. P. 1569–1573.
6. Scher M. Bank-firm Cross-shareholding in Japan: What is it, Why Does it matter, is it winding down? // *DESA Discussion Paper*. 1999. № 15. P. 1–21.
7. Seita A. Y., Tamura J. The Historical Background of Japan's Antimonopoly Law // *University of Illinois Law Review*. 1994. № 1. P. 115–185.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2022;
одобрена после рецензирования: 20.12.2022;
принята к публикации: 21.12.2022.

The article was submitted: 05.12.2022;
approved after reviewing: 20.12.2022;
accepted for publication: 21.12.2022.

УДК 342.4

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.10

Е. А. Мотова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

Москва, Российская Федерация

E-mail: katya.motova.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8791-8687>

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТОВ НА ПРЕДМЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НИХ КАТЕГОРИИ «ИНТЕРЕС»: ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В связи с происходящими событиями в политико-правовом пространстве, тенденциями отхода от принципов унификации и сближения конституционно-правовых положений национальных государств, а также приоритетами усиления их национальных суверенитетов исследование Конституций начиная со времен Российской империи и заканчивая ныне действующей Конституцией Российской Федерации, представляется актуальным и своевременным.

Цель исследования — установить варианты использования категории «интерес» в конституционных актах XIX–XXI веков.

В рамках исследования применялись следующие методы: общенаучный, историко-сравнительный, системно-структурный и метод формальной логики.

Результат проведенного сравнительного анализа писанных конституционных актов разных эпох на предмет использования в них категории «интерес» показывает, что в эпоху Российской империи эта категория только начинает имплементироваться в конституционное законодательство, в то время как во времена СССР и Российской Федерации получает широкое распространение.

Ключевые слова: Российская империя; Конституции РСФСР; Конституции СССР; Конституция Российской Федерации; категория «интерес»; право; законодательство.

UDC 342.4

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.49.1.10

E. A. MotovaInstitute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian FederationE-mail: katya.motova.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8791-8687>

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CONSTITUTIONAL ACTS IN TERMS OF THE USE OF THE CATEGORY “INTEREST” IN THEM: FROM THE RUSSIAN EMPIRE TO THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In connection with the ongoing events in the political and legal space, the trends of moving away from the principles of unification and convergence of the constitutional and legal provisions of national states, as well as the priorities of strengthening their national sovereignties, the study of Constitutions from the time of the Russian Empire to the current Constitution of the Russian Federation seems to be relevant and timely.

The purpose of the study is to establish options for using the category “interest” in the constitutional acts of the XIX–XXI centuries.

Within the framework of the study, such methods were used as general scientific, historical-comparative, system-structural and the method of formal logic.

The result of the comparative analysis of the written Constitutional acts of different eras for the use of the category of “interest” in them shows that in the era of the Russian Empire this category is only beginning to be implemented in constitutional legislation, while in the days of the USSR and the Russian Federation it is widely used.

Keywords: the Russian Empire; the Constitutions of the RSFSR; the Constitutions of the USSR; the Constitution of the Russian Federation; the category “interest”; law; legislation.

Введение

Великие географические открытия, произошедшие в XVI–XVIII веках способствовали развитию науки и общественно-политической мысли, ставя мыслителей перед необходимостью обращаться к сравнительному методу в своих исследованиях. В качестве одного из сравнений послужила история политических учений и условия жизни разных народов. Это подтолкнуло ученых эпохи Просвещения искать то общее, что есть в истории человечества, выдвигая на первый план положение о единстве человеческой природы с присущими человеку интересами [1, с. 162–163], которые могут меняться под воздействием внешних факторов. Попытка логического исследования функций и оснований исторического сравнения была предпринята швейцарцем Я. Д. Вегеленовым в последней трети XVIII века. Отрицая тождественность исторических фактов, он отмечал, что при сравнении

определенных элементов и нахождении сходства между некоторыми историческими фактами происходит формирование исторических понятий, выявляются причинные связи, а также происходит систематизация исторических событий. Но наибольшее применение сравнительный метод получил лишь с XIX века, когда в своих работах выдающиеся ученые, такие как М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, И. В. Луцицкий стали применять сравнительно-исторический метод исследования [8, с. 756].

Так, М. М. Ковалевский, будучи одним из исследователей этого метода (историко-сравнительного), выдающимся ученым-правоведом второй половины XIX века, писал [2, с. 217], что такой метод в изучении права заключается в исследовании прогрессивного развития человеческого общества. Применение этого метода в научном исследовании позволяет проникнуть в суть и объяснить закономерности возникновения и эволюции рассматриваемых исследователем обществ. Простое сравнение или сопоставление одних явлений с другими не приведет к такому же результату, как если бы ученый использовал историко-сравнительный метод исследования [4, с. 69].

В настоящее время историко-сравнительный метод является необходимым методологическим инструментом изучения не только истории права, но и других смежных дисциплин [11, с. 27]. В связи с этим актуальность выбранной темы исследования состоит в том, что в настоящее время в отечественной правовой науке отсутствуют исследования, заключающиеся в проведении историко-правового сравнительного исследования Конституций начиная со времен Российской империи и заканчивая ныне действующей Конституцией Российской Федерации.

Обзор научной литературы

Как известно, история становления конституционализма является неотъемлемой частью истории государства и общества. Следовательно, принятие Конституций представляется важным для отражения и закрепления в ней всех качественно новых явлений, происходящих в государстве.

Анализ научной литературы показывает, что существует несколько точек зрения, касающихся развития конституционализма в России. Бесспорным остается утверждение, что Конституции, так или иначе, существовали всегда, ведь именно в этом акте содержатся основы политической, экономической и правовой систем государства. Другой вопрос: когда именно появились первые писанные Конституции? На этот счет существует несколько точек зрения. Первая группа ученых утверждает, что в России история конституционного развития берет свое начало только с 1818 года. Другие утверждают, что она началась после 17 октября 1905 года. Третья группа отмечает, что конституционные акты в России появились еще в XVIII веке и даже раньше. Но большинство ученых все же склоняются к мнению, что именно начало XIX века

ознаменовано наиболее значимыми попытками введения в России конституционализма и парламентаризма, ведь именно в то время «элементом политического лексикона образованного российского подданного становится понятие “конституция”» [9, с. 23–32], использующееся с более привычными для русского народа значениями, например с такими как «устав», «учреждение», «постановление», «собрание коренных законов».

Анализ конституционных актов Российской империи

Как минимум в 3 конституционных актах времен Российской империи в различных интерпретациях используется категория «интерес». Так, например, в части 1 «О составе государственного управления» «Введения к уложению государственных законов» графа М. М. Сперанского мы находим первое упоминание в Российской империи на конституционном уровне термина «частный интерес»¹. Кроме того, в приложении к уложению в статье «О государственных установлениях» упоминается личный интерес, которому отдается предпочтение, нежели внушению правительства, своего рода государственному интересу.

Наибольшее количество раз категория «интерес» используется в конституционных проектах Александра II. Так, во Всеподданнейшей записке статс-секретаря П. А. Валуева категория «интерес» употребляется в двух значениях: «материальные интересы» и «частные интересы разных местностей». В своей записке П. А. Валуев пишет, что войны опасны для народа, потому что он внутренне слаб и одной из причин этому были неудовлетворенные *материальные интересы*². Под ними, по нашему мнению, понималось то, что сейчас мы называем экономическими интересами, т. е. интересы к денежным и материально-вещественным средствам удовлетворения потребностей. Далее он пишет, что сейчас имеются две противоположные ситуации. С одной стороны, проснувшийся в народе патриотизм после длительного покоя благоприятствует тому, чтобы продолжить его возвращение для укрепления монархической власти. Но, с другой стороны, при введении в действие земско-хозяйственные учреждения возникает необходимость в борьбе с провинциальным сепаратизмом, который имелся в некоторых частях империи и которому может быть оказано сопротивление только центральными учреждениями,

¹ Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 года): С прил. «Записки об устройстве судебных и правительств учреждений в России», (1803 год), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. 359 с. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/> (дата обращения: 11.09.2022).

² Всеподданнейшая записка статс-секретаря Валуева [Электронный ресурс] // Вестник права. 1905, ноябрь. Кн. 9. (ноябрь) | СПС «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5211/> (дата обращения: 11.09.2022).

где *частные интересы разных местностей* сопоставляются друг с другом, выражая единство государства³. Так, под «потребностями в противодействии» можно понимать конфликт интересов, который возник бы при введении в действие земско-хозяйственных учреждений и провинциального сепаратизма, т. е. в ходе отделения части государственной территории с целью создания нового самостоятельного и независимого государства или получения статуса широкой автономии. Трактую «частные интересы других местностей» на современный лад, можно предположить, что речь идет об интересах местного самоуправления (т. е. об интересах группы людей в провинциях), которое является частью государства и им же охраняется.

Переходя к анализу «Высочайше утвержденных основных государственных законов» 1906 года мы видим, что только в первой главе «О существе верховной самодержавной власти» в ст. 23 закрепляется словосочетание «*огражденные законом интересы*». Предполагаем, что в анализируемом акте впервые закрепляется использующийся в современной лексике и законодательстве термин «охраняемый законом интерес», что, однако, не способствует раскрытию содержания данных понятий, так как ни в ныне действующем законодательстве, ни тем более в рассматриваемом периоде законодатель не дает толкование этому термину.

Анализ советских Конституций и Конституции Российской Федерации

События в ходе Февральской революции 1917 года, приведшей к распаду Российской империи, способствовали изменениям в форме правления в России и принятию актов имеющих принципиальное значение для реформирования прежней государственной системы России. В то же время самым серьезным образом начинает развиваться конституционное право. Профессор Ю. А. Тихомиров отмечает: «В урагане экономической, политической, судебной, военной реформ многим кажется возможным начинать с нуля нашу конституционную историю. Дескать, все было не так и очень плохо... Да, России не везло с конституциями, их не было. И революция в России, как и в других странах, “родила” по сути дела впервые конституцию» [10, с. 3].

Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918 года (далее — Конституция РСФСР) была принята после Октябрьской революции и роспуска Учредительного собрания. Ее принятие представляет собой одно из важнейших событий в истории нашего государства, ведь это первая в мире Конституция, которая закрепила диктатуру пролетариата и государство социалистического типа. Предшествующий государственно-правовой опыт Российской империи не был отражен в Конституции РСФСР 1918 года, так как она первая и последняя в своем роде в истории

³ Там же.

нашей страны имела идеологизированный и открыто классовый характер. Отличительной особенностью этой Конституции от более поздних являлось большое количество программных положений, определяющих цели, на достижение которых они были направлены.

Переходя к анализу использования в Конституции РСФСР 1918 года категории «интерес», стоит отметить, что в главе 5 раздела второго «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» были закреплены интересы рабочего класса, т. е. своего рода *общественные интересы и интересы социалистической революции*⁴ (которую можно трактовать как *государственные интересы* страны). Последняя группа интересов закрепляет лишение прав граждан в случае нанесения ими ущерба интересам социалистической революции (т. е., по нашему мнению, государственным интересам). Те же положения дублируются и в Конституции РСФСР 1925 года в разделе I «Общие положения», главы 1⁵.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (далее — Конституция СССР) 1924 года стала конституцией, действовавшей в непродолжительной для нашей страны исторический период строительства социализма. В рамках данной научной работы нас интересует глава 7 «О Верховном Суде Союза С.С.Р.», так как это единственная глава во всей Конституции, где можно обнаружить категорию «интерес» в контексте *интересов других республик*, что, по нашему мнению, свидетельствует о первом упоминании интересов субъектов России, говоря на языке современной Конституции России.

Обращаясь к анализу Конституции 1936 года, можно выделить три главы и 6 статей, в которых в том или ином контексте отражена категория «интерес». Так, обращает на себя внимание глава III, где в п. «т», ст. 49 впервые на конституционном уровне закреплены *интересы обороны СССР, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности*⁶. В современной трактовке можно предположить, что законодатель данной нормой закрепляет государственные интересы и интересы государственной безопасности, которые заключаются в обеспечении безопасности личности и общества на основе учета государственных интересов СССР. Позже этот вид интересов был закреплен

⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) [Электронный ресурс] // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 15.09.2022).

⁵ Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 [Электронный ресурс] // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2898#nRJWKKТрFr1QZK21> (дата обращения: 15.09.2022).

⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) [Электронный ресурс] // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3007#DjzWKKТ0heQxVpvz> (дата обращения: 15.09.2022).

и в Конституции СССР 1977 года (п. «в», ст. 68), где также закреплены положения о защите государственных интересов и охране прав граждан. Впервые на уровне Основного закона государства были закреплены нормы, связанные с защитой семьи. В ст. 122 Конституции СССР 1936 года упоминается о «*государственной охране интересов матери и ребенка...*»⁷. По нашему мнению, эта норма заложила основы построения социального государства, в котором семья находится под защитой государства. В ст. 125, 126 и 129 Конституции СССР 1936 года закреплены интересы трудящихся, то есть *классовые интересы*, или, говоря современной терминологией, общественные интересы. Целью установления такого рода интересов выступало укрепление социалистического строя гражданами СССР, а также развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс граждан.

Обновление всей конституционной системы Союза повлекло за собой принятие Конституции РСФСР 1937 года. С этого момента наша страна вступила в новый этап своего развития, который, как считалось, связан с переходом от капитализма к социализму. В Конституции РСФСР 1937 года категория «интерес» фигурирует в нескольких главах и значениях. Так, в главе IV «Органы государственного управления Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» в п. «г», ст. 45 говорится о том, что Совет народных комиссаров РСФСР должен принимать меры по обеспечению общественного порядка, *защищать интересы государства* и охранять права граждан. Таким образом, именно в Конституции 1937 года впервые на уровне Основного закона государства были взяты под защиту государственные интересы. В ст. 126 были закреплены *интересы матери и ребенка*. В ст. 129 Конституции РСФСР были обозначены интересы трудящихся, а в ст. 133 декларировалась защита их интересов⁸. Таким образом, Конституцией РСФСР были зафиксированы социальные интересы граждан, охраняемые государством.

Одним из наиболее интересных этапов конституционного развития России в советский период с юридической точки зрения является принятие Конституции СССР 1977 года и Конституции РФСР 1978 года. Так, согласно поисковой системе «КонсультантПлюс» именно в Конституции 1977 года и Конституции 1978 года насчитывается наибольшее количество упоминаний слова «интерес».

Анализируя Конституцию 1977 года, можно заметить, что в ст. 1 закрепляются *интересы рабочих, крестьян и интеллигенции*, трудящихся всех наций и народностей страны, а уже в ст. 4 декларируется *охрана интересов общества*, прав и свобод граждан. В ст. 13 и 17 закрепляются интересы общества, а в ст. 28 — *интересы Советского Союза*, т. е. своего рода государственные

⁷ Там же.

⁸ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) [Электронный ресурс] // СУ РСФСР, 1937. № 2, ст. 11. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3228#ЛКСУККТNI7YJJxr> (дата обращения: 15.09.2022).

интересы. В ст. 38 главы гарантировалась *защита интересов трудящихся* при их участии в общественно-политических, научных и других видах деятельности. Важно отметить, что гражданин мог пользоваться своими правами только в том случае, если не был нанесен ущерб интересам общества и государства. Несомненной особенностью этой советской Конституции было то, что в ней закреплялись не только интересы отдельных граждан и социальных групп, но и интересы всего народа (ст. 50).

В ст. 62 закреплялись государственные интересы (*интересы Советского государства*), а в статье 65 гражданам СССР вменялось в обязанность уважать не только свои *законные интересы*, но и интересы других лиц. В ст. 103 закреплялись общегосударственные интересы, а в главе 15 «Верховный Совет СССР» в п. 15 ст. 121 Президиуму Верховного Совета СССР давалось право объявлять военное положение в *интересах защиты СССР*. В этой же главе, но уже в п. 3 ст. 131 прямо указывается, что в пределах своих полномочий Совет Министров СССР мог осуществлять меры по *защите интересов государства*, охране социалистической собственности и общественного порядка, в целях обеспечения защиты прав и свобод граждан. В ст. 146 объединяются общегосударственные интересы и интересы граждан, которые проживают на территории Совета.

Схожие положения зафиксированы и в Конституции 1978 года, но в разных статьях и главах. Так, в ст. 4 декларируется, что «Российская Федерация, все ее государственные органы действуют на основе законности, обеспечивают охрану правопорядка, *интересов общества*, прав и свобод человека и гражданина»⁹. В ст. 10, 13, 17 главы II «Экономическая система» также упоминаются интересы общества, общественные интересы и интересы трудящихся. В ст. 61 закрепляются *законные интересы*, а в главе 12 «Народный депутат» упоминаются *общегосударственные интересы*¹⁰.

Дважды приводится слово «интерес» в ст. 112 главы 13, где впервые упоминаются *интересы нации*, и говорится об *интересах и потребностях советского многонационального государства*. А уже в п. 3 ст. 125 закреплена защита государственных интересов. В главе 15.1 «Глава исполнительной власти (Президент) Республики в составе Российской Федерации» впервые упоминаются *политические интересы Российской Федерации и республики в составе Российской Федерации*; в главе 17 — *интересы населения*. В ст. 146 главы 18 закреплялись *законные права и интересы органов местного самоуправления и граждан*, что нашло отражение и в ныне действующих актах.

Современный этап конституционного развития Российской Федерации связан прежде всего с Конституцией 1993 года [9, с. 9], которая была обновлена

⁹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992) [Электронный ресурс] // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=1739&base=ESU&page=esse&from=3136-36&rnd=RucYKKT57oUrsogC#t2PbKKTFA6RednWB> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁰ Там же.

и одобрена в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Однако даже после обновлений в самой Конституции не нашли отражения в разделах новые положения, которые, так или иначе, разъясняли и конкретизировали бы интересы личности, общества и государства.

Анализ действующей Конституции Российской Федерации показывает, что на переднем плане по-прежнему выступают интересы личности, что следует уже из первых статей Конституции (ст. 2; ч. 1 и ч. 2 ст. 3, глава II)¹¹.

Общественные же интересы практически не прослеживаются, но все же присутствуют в структуре Основного закона. Так в ч. 3 и 4 ст. 13 закреплено, что в Российской Федерации приветствуется многообразие и многопартийность, а также то, что общественные объединения равны перед законом¹². Однако в новой редакции Конституции 1993 года, так же как и в предыдущей, отсутствует легальная дефиниция общественных интересов, что затрудняет ее использование в практической юриспруденции.

Последнее место в ныне действующей Конституции занимают государственные интересы. Хотя в ней и не отражена дефиниция государственного интереса, однако, являясь актом высшей юридической силы, Конституция Российской Федерации закрепляет их на самом высоком уровне, так как основной закон не может не очерчивать круг государственных интересов, но все они распределены по главам. В качестве примера можно привести нормы системы государственной власти, реализации обязанности государства по защите прав и законных интересов граждан (главы III; IV; V; VI; VII). Следовательно, государственные интересы невозможно рассматривать отдельно от интересов личности и общества.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ конституционных актов Российской империи, Конституций РСФСР и СССР, а также ныне действующей Конституции Российской Федерации показал, что на современное состояние отечественного конституционного законодательства в значительной степени повлияло законодательство Российской империи, заложив ее основу, в то время как законодательство РСФСР и СССР не послужило основой для базовых отраслей отечественной правовой системы, поскольку было построено на идеологии большевиков. В то же время следует отметить, что согласно Конституции Россия является правопреемницей СССР. Официально это действительно так, но если посмотреть глубже, то можно обнаружить что с 1990-х годов и до наших дней многое отсылает нас не к СССР, а к Российской империи.

Немаловажную составляющую в вопросе о роли и влиянии СССР и Российской империи играет мнение правящей власти. В своем обращении к россиянам

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Российская газета. 04.07.2020. № 144. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.09.2022).

¹² Там же.

президент Российской Федерации В. В. Путин негативно высказывался о периоде формирования СССР после революции, о политике В. И. Ленина и И. В. Сталина, праве наций на самоопределение, отторжения части исторических территорий и т. д., о том, что все это было исторической ошибкой. В связи с этим показательна следующая цитата: «... в 1922 году на пространстве бывшей Российской империи был образован СССР. Но сама жизнь сразу же показала, что ни сохранить такую огромную и сложную территорию, ни управлять ею на предложенных аморфных, фактически конфедеративных принципах просто невозможно. Они были оторваны и от действительности, и от исторической традиции»¹³. Таким образом, президент считает, что управление страной на принципах, которые, по сути, частично сохранились сейчас, невозможно. Речь идет о системе, у которой сильная, концентрированная вертикаль власти, без всяких демократических ветвлений. А это ближе к имперской форме правления. А что за исторические традиции? Империя, царство, княжество: император, царь, князь. Жесткая и сильная власть.

Остановливаясь на вопросе возрождения Российской империи, следует обратиться к словам президента В. В. Путина, которые были высказаны им в 2000 году. Он сказал, что не исключает возможности восстановления монархии в России, признавая ее «положительную роль» [5, с. 18], что свидетельствует о возможности возрождения Российской империи не в привычном для нас понимании, а своего рода ее реинкарнации в новой форме.

Заключение

В России идеологические основы конституционализма были заложены в XVIII веке, но уже в XIX веке оно приобрело более интенсивный характер. По оценкам исследователей, в то время было подготовлено не менее 10 конституционных проектов, целью которых было реформировать государственный и общественный строй. Проекты этих конституций разрабатывались представителями различных общественно-политических течений, выступавших против существующего политического режима и даже пытавшихся его свергнуть.

В конституционных актах XIX века не часто, но все же употреблялась исследуемая категория «интерес». Так, в конституционных актах применялись следующие словосочетания, содержащие данную категорию: «личный интерес», «частный интерес», «материальный интерес», «интерес народной жизни», «потребность в противодействии», «частные интересы разных местностей», «интересы других местностей» и «огражденные законом интересы».

¹³ Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828> (дата обращения: 20.09.2022).

На период становления и расцвета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Союза Советских Социалистических Республик приходится и основной опыт конституционного развития нашей страны. В этот период было принято четыре конституции РСФСР: 1918 года, 1925 года, 1937 года, 1978 года и три Конституции СССР: 1924 года, 1936 года и 1977 года. Так или иначе, но во всех вышеуказанных конституциях в разных значениях, но закрепляется категория «интерес», которая нашла свое отражение в современной российской правовой доктрине и в ныне действующей Конституции Российской Федерации.

Современный этап конституционного развития характеризуется принятием Конституции 1993 года, которая претерпела существенные изменения в 2020 году, однако в отношении использования в ней категории «интерес» ничего не изменилось. Таким образом, можно констатировать преемственность используемых в конституционных актах XIX века терминов, содержащих исследуемую нами категорию на протяжении всего этапа конституционного развития российского государства.

Так, если в Конституциях РСФСР и СССР преобладающими являются публичные интересы, то в настоящее время антропоцентрический подход [7, с. 37–38] нашел свое отражение в личных интересах, правах человека, что проявляется в преобладании интересов граждан над общественными в современных конституционных актах.

Литература

1. Азнагулова Г. М. Понятие «Интерес» в философской и политико-правовой мысли эпохи Просвещения // *Lex Russica*. 2016. № 11 (120). С. 162–174.
2. Дорская А. А. Развитие сравнительно-правового метода в российской науке истории государства и права // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2012. № 5. С. 214–225.
3. Закатов А. Н. Российский Императорский Дом Романовых: история и современность / А. Н. Закатов. М.: ИНФРА-М, 2021. 465 с.
4. Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения в истории права / М. Ковалевский. М.: Типография Ф. Б. Миллера, 1880. 72 с.
5. Ковлер А. И. Конституция России как сравнительный проект (к истории создания Конституции Российской Федерации) // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 1. С. 8–14.
6. Курицын В. М. Правительственный конституционализм в России в 60–80-е годы XIX века // *Советское государство и право*. 1986. № 2. С. 104–112.
7. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // *Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция*. 2020. № 3. С. 34–39.
8. Советская историческая энциклопедия: [В 16 т.]. Т. 13. Славяноведение — Ся Чэн. Выходные данные, страницы. М.: Советская энциклопедия, 1971. 1022 с.
9. Тимофеев Д. В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // *Вестник ЧелГУ*. 2011. № 1. С. 23–32.

10. Тихомиров Ю.А. Конституционное право: уроки прошлого и взгляд в будущее // Правоведение. № 6. 1992. С. 3–13.
11. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. 176 с.

Literatura

1. Aznagulova G. M. Ponyatie «Interes» v filosofskoj i politiko-pravovoj my`сли e`poxi Prosveshheniya // Lex Russica. 2016. № 11 (120). S. 162–174.
2. Dorskaya A. A. Razvitie sravnitel`no-pravovogo metoda v rossijskoj nauke istorii gosudarstva i prava // Istoriko-pravovy`e problemy` : novy`j rakurs. 2012. № 5. S. 214–225.
3. Zakatov A. N. Rossijskij Imperatorskij Dom Romanovy`x: istoriya i sovremenost` / A. N. Zakatov. M.: INFRA-M, 2021. 465 s.
4. Kovalevskij M. Istoriko-sravnitel`ny`j metod v yurisprudencii i priemy` izucheniya v istorii prava / M. Kovalevskij. M.: Tipografiya F. B. Millera, 1880. 72 s.
5. Kovler A. I. Konstituciya Rossii kak sravnitel`ny`j proekt (k istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2019. № 1. S. 8–14.
6. Kuricyн V. M. Pravitel`stvenny`j konstitucionalizm v Rossii v 60–80-e gody` XIX veka // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1986. № 2. S. 104–112.
7. Pashencev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real`nosti kak vy`zov Leviafanu // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudenciya. 2020. № 3. S. 34–39.
8. Sovetskaya istoricheskaya e`nciklopediya: [V 16 t.]. T. 13. Slavyanovedenie — Sya Che`n. Vy`hodny`e dannye, stranicy. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1971. 1022 s.
9. Timofeev D. V. «Konstituciya» v Rossii pervoj chetverti XIX veka: poisk orientirov politicheskogo razvitiya // Vestnik ChelGU. 2011. № 1. S. 23–32.
10. Tixomirov Yu.A. Konstitucionnoe pravo: uroki proshlogo i vzglyad v budushhee // Pravovedenie. № 6. 1992. S. 3–13.
11. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Budushhee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka / T. Ya. Xabrieva, N. N. Chernogor. M.: Rossijskaya akademiya nauk; Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii, 2020. 176 s.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2022;
одобрена после рецензирования: 20.12.2022;
принята к публикации: 25.12.2022.

The article was submitted: 03.12.2022;
approved after reviewing: 20.12.2022;
accepted for publication: 25.12.2022.

УДК 343.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.11

О. А. Стадникова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: 7tadnikova@gmail.com

ОХРАННЫЙ ОРДЕР КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье рассматривается институт становления охранных ордеров как меры по профилактике семейно-бытового насилия, а также имплементация этого института в национальные законодательства государств постсоветского пространства. Изучен опыт применения защитных предписаний Киргизии, Узбекистана, Казахстана, Молдавии и других стран. Осуществляется сравнительный анализ механизма применения охранных ордеров в странах СНГ.

Установлено, что во многих странах СНГ охранные ордера как способ борьбы против семейного насилия существует достаточно давно, однако при этом уровень семейно-бытовой преступности не всегда имеет тенденцию к снижению.

В результате работы изложены основные особенности защитных предписаний в странах постсоветского пространства, выявлена их роль в решении проблемы борьбы против семейно-бытового насилия, подчеркивается необходимость принятия комплексных мер в отечественной практике для выявления и устранения первопричин семейно-бытовой преступности.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; семейное насилие; охранный ордер; защитное предписание; защита прав семьи; профилактика семейно-бытового насилия; предупреждение домашнего насилия.

UDC 343.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.49.1.11

O. A. Stadnikova

Herzen State Pedagogical University of Russia,

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: 7tadnikova@gmail.com

PROTECTION ORDER AS A WAY TO PREVENT DOMESTIC VIOLENCE IN SOME COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. The article discusses the institution of the formation of protective orders as a measure to prevent domestic violence, as well as the implementation of this institution in the national legislation of the states of the post-Soviet space. The experience of applying the protective orders of Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan, Moldova and other countries has been studied. A comparative analysis of the mechanism for applying protection orders in the CIS countries is carried out.

It has been established that in many CIS countries, protection orders as a way to combat domestic violence have existed for a long time, however, the level of domestic crime does not always tend to decrease.

As a result of the work, the main features of protective orders in the post-Soviet countries are outlined, their role in solving the problem of combating domestic violence is revealed, and the need for comprehensive measures in domestic practice to identify and eliminate the root causes of domestic crime is emphasized.

Keywords: domestic violence; domestic violence; protection order; protection order; protection of family rights; prevention of domestic violence; prevention of domestic violence.

Введение

По данным Росстата, с 2012 по 2016 год количество преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении членов семьи, неуклонно росло (с 32 845 до 64 421)¹, однако затем на статистические данные оказала влияние декриминализация части деяний, предусмотренных ст. 116 УК РФ, о побоях в отношении близких лиц, в связи с чем определить масштабы вреда в настоящий момент, с учетом также и высокой латентности преступления, стало объективно труднее. В свою очередь, ряд некоммерческих организаций, занимающихся вопросами организации помощи жертвам домашнего насилия, в период пандемии (2020–2021 годы) выступили с заявлениями о резком росте числа обращений

¹ Семья, материнство, детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://www.gks.ru/folder/13807> (дата обращения: 12.06.2022).

жертв семейно-бытового насилия². В то же время предоставленные за этот период данные правоохранительными органами не выявили роста подобных преступлений³.

Между тем рост уровня семейного насилия подтверждается данными международных организаций — количество сообщений о случаях домашнего насилия в некоторых странах возросло в 5 раз⁴.

Страны СНГ не явились исключением из печальной статистики: так, по данным ВОЗ, в период пандемии выросло количество обращений в правоохранительные органы, связанных с насилием со стороны интимного партнера, в сопоставлении с аналогичным периодом 2019 года, в Армении — на 2,5 %, в Киргизии — на 65 %, в Молдавии — на 9,2 %. В России этот показатель, наоборот, снизился на 12 %, однако количество обращений в неправительственные организации выросло на 150 %⁵.

Несмотря на однородную правовую систему, за последние десятилетия во всех странах СНГ, кроме Российской Федерации, были приняты специальные нормативные акты по борьбе с семейно-бытовым насилием: в 2003 году — в Киргизии; в 2007 году — в Молдавии; в 2009 году — в Казахстане; в 2010 году — в Азербайджане; в Таджикистане — в 2013 году; с 2014 года — в Белоруссии; в Узбекистане — в 2019 году; с 2020 года — в Армении.

В результате принятия законов введен новый для стран постсоветского пространства инструмент противодействия семейному насилию — охранный ордер. Однако его эффективность как инструмента превенции регулярно подвергается сомнению в международных научных кругах и кругах общественности; ордер часто трактуется как посягательство на базовые конституционные права граждан — ограничение права на частную собственность, свободу передвижения и др. [9; 12].

Как отмечает А. Л. Гуринская, дискуссии о применении института охранных ордеров имеют, прежде всего, политическое значение и олицетворяют неолиберальные подходы к уголовной политике, приоритетом которых являются

² Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. Доклад семи организаций по защите прав женщин. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-vusloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Оперативная обстановка в стране находится под контролем правоохранительных органов. 2020. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/20087647> (дата обращения: 13.08.2022).

⁴ Intensification of efforts to eliminate all forms of violence against women: Report of the Secretary-General. 2020. [Электронный ресурс] // UN WOMEN. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/07/a-75-274-sg-report-ending-violence-against-women-and-girls> (дата обращения: 31.08.2022).

⁵ Реагирование на насилие в отношении женщин и детей в период пандемии COVID-19: Влияние на оказание услуг, стратегии и мероприятия в Европейском регионе ВОЗ. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/350916/9789289056564-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

ценности безопасности, принудительной превенции, опоры на уголовно-правовые, регулятивные и правоохранительные механизмы борьбы с преступностью [4, с. 215–217].

Целью данной статьи является выявление особенностей механизма применения института охранного ордера в странах СНГ, его влияние на уровень семейно-бытового насилия и его роль как превентивного инструмента.

Степень научной разработанности темы

Проблема противодействия семейно-бытовому насилию довольно подробно изучалась в зарубежных и отечественных юридических, социологических, психологических исследованиях [2; 5; 7]. Между тем институт применения охранных ордеров в СНГ описан отечественными исследованиями недостаточно широко, что позволяет нам более подробно остановиться на изучении механизма применения защитных предписаний в странах постсоветского пространства.

Методы

В статье посредством системного метода рассмотрен опыт предупреждения семейно-бытового насилия с помощью института защитных предписаний, использован сравнительно-правовой метод для выявления общих черт и особенностей механизма применения охранных ордеров и защитных предписаний в законодательстве стран СНГ. Формально-юридический метод применяется для исследования понятия охранного ордера и механизма применения охранных ордеров как такового.

Основная часть

Охранные ордера впервые были введены в США (штат Пенсильвания) в 1976 году. В дальнейшем, с принятием закона в 1994 году Violence Against Women Act (VAWA — Акт о насилии в отношении женщин), этот правовой инструмент был перенят и федеральным законодательством США, а затем распространил свое действие на международное законодательство (1996 год — модельное законодательство ООН о насилии в семье, 2011 год — Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием и др.).

Охранные ордера, исходя из англо-американского подхода к предупреждению преступности, представляют собой принудительные превентивные меры на предкриминальной стадии, т. е. тогда, когда есть причины ожидать

криминального поведения от конкретного индивидуума, их применение сопровождается минимальными проверками обоснованности; между тем они иногда лишают индивида возможности жить своей обычной жизнью [3, с. 215–217].

По своей сущности ордер — это ограничительное постановление суда, применяемое для обеспечения безопасности жертвам домашнего насилия. Он не является мерой наказания, но служит превентивной мерой, направленной на предупреждение или снижение распространенности агрессивного поведения индивида, подкрепленной государственным принуждением.

Исходя из модельного законодательства ООН [1], на котором базируются нормы стран СНГ, предполагается следующий принцип действия защитных предписаний: во-первых, выделение двух их видов — чрезвычайный временный ограничительный ордер и охранный ордер. Чрезвычайный ордер должен выдаваться правоохранительными органами до того момента, пока не выдан постоянный охранный ордер судом. За неподчинение такому ордеру модельным законодательством рекомендуется назначать штрафы или сроки лишения свободы. В рамках действия ордера могут быть предприняты меры по принуждению обидчика покинуть дом, урегулированию доступа к общению с детьми, запрету контактов с жертвой, оплате стоимости лечения пострадавших, использование совместного имущества и др.

Охранный ордер может быть получен во время или после окончания срока чрезвычайного ордера; он может предусматривать следующие предписания: агрессору покинуть место совместного жительства с жертвой независимо от того, кто владеет этой собственностью; урегулировать доступ обидчика к детям; удерживать от контактов с жертвой на работе и в других часто посещаемых ею местах; запрет агрессору на владение оружием; оплата агрессором расходов жертвы на лечение и др. Нарушение охранный ордера должно считаться преступлением. Интересным представляется положение о том, что в случае необоснованности претензий на охранный ордер, суд может обязать жертву оплатить расходы и возместить ущерб.

Отметим, что, согласно проведенным исследованиям в некоторых странах Европы [15], а также в США, охранные ордера не всегда показывают эффективность в противостоянии семейно-бытовому насилию. Так, отмечает Л. Гудмарк, несмотря на то, что институт охранных ордеров действует в США довольно большой промежуток времени, процент людей, подвергшихся насилию, остается стабильно высоким [14, с. 214–216]. В Австрии недавнее исследование, проведенное правительством, показало, что за последние 5 лет в 44 % случаев убийств женщин во время совершения преступления действовал охранный ордер⁶, поэтому интересной представляется практика применения защитных предписаний в близлежащих к нам странах.

⁶ Größtes Mordrisiko besteht für Frauen bei Trennung und Arbeitslosigkeit. 26.11.2016 [Электронный ресурс] // DerStandard. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000111534975/groesstes-mordrisiko-besteht> (дата обращения: 02.09.2022).

Киргизское законодательство предусматривает временный охранный ордер, но, в отличие от предыдущей редакции закона, не предоставляет право на постоянный. Временный охранный ордер оформляется в обязательном порядке всем лицам, пострадавшим от семейного насилия, в течение суток после акта насилия на 3 дня с возможностью продления до 30 дней органами полиции, что неоднократно оспаривалось правозащитниками — за такой короткий срок пострадавшие часто не успевают прийти в себя и самостоятельно обратиться с просьбой о продлении к правоохранителям. Выдача ордера в обязательном порядке является новеллой в законодательстве Киргизии — ранее лица, пережившие насилие, согласно статистике, реже использовали процедуру ордера⁷.

В соответствии с законом правоохранительные органы, с согласия пострадавшего лица, информируют о выдаче временного охранный ордера в местные социальные службы, а также по месту работы лица, совершившего семейное насилие. Эта практика представляется нам интересной с точки зрения общественного порицания и подключения внимания общественности к вопросу профилактики дальнейших случаев насилия в такой семье. В действующем законе не говорится о месте пребывания агрессора в случае продления ордера и отсутствия альтернативного выбора места жительства, что критикуют противники введения ордера в нашей стране [10; 11]. В случае продления временного охранный ордера в него обязательно включается условие о прохождении агрессором коррекционной программы по изменению насильственного поведения. Нарушение запретов, установленных ордерами, влечет уголовную ответственность (ранее была предусмотрена и административная ответственность).

Между тем, несмотря на расширенный спектр запретов при применении ордера в ранее действующем законодательстве Киргизии, число рассмотренных административных правонарушений по семейному насилию ежегодно росло и продолжает расти, но в меньших масштабах (в период с 2009 по 2017 год — с 2116 случаев до 7333, в этот же период административное производство за неисполнение условий временного охранный ордера оставалось примерно на одном и том же уровне, с 2018 по 2021 год — с 7178 до 7665)⁸. Правозащитники отмечают отсутствие комплексных психологических подходов к лицам, склонным к насилию, недостаток единых коррекционных программ и инструментов на государственном уровне.

В Казахстане действует закон «О профилактике бытового насилия», который предусматривает в качестве меры индивидуальной профилактики насилия вынесение защитного предписания сроком до 30 дней (увеличение

⁷ В Кыргызстане принят новый прогрессивный закон о борьбе с бытовым насилием. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН: Женщины. 2017. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2017/05/news-new-progressive-law-on-domestic-violence-adopted-in-kyrgyzstan> (дата обращения: 02.09.2022).

⁸ В Киргизии растет число фактов семейного насилия. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2021. 24 ноября. URL: <https://rg.ru/2021/11/24/v-kirgizii-rastet-chislo-faktov-semejnego-nasilija.html> (дата обращения: 06.09.2022).

срока по сравнению с первоначальным текстом закона — до 10 дней с правом продления). Закон допускает совершение бытового насилия субъектом, достигшим 16-летнего возраста, — защитное предписание может быть выдано в отношении такого лица, в то время как совершеннолетие в Казахстане наступает с 18 лет. Орденом запрещается вести устные, телефонные переговоры и вступать в контакт с жертвой, при наличии другого жилища проживать в одном месте с ней. Вызывает вопросы ситуация, при которой агрессор не имеет официально иного места проживания, — 16-летний обидчик вряд ли обладает разнообразной недвижимостью, к тому же и семьи, как правило, владеют единственным жильем, однако фактически у агрессоров могут находиться альтернативные неофициальные места проживания, но в таком случае запрет на совместное проживание с жертвой действовать уже не будет. Регулирование жилищного вопроса при охранным порядке всегда вызывало у исследователей дискуссии [13, с. 19–20], однако страны, принимающие такой вид запрета, руководствуются принципом меньшего зла при ограничении права на жилище.

Отдельно отметим позицию законодателя по учету мнения жертвы: предписание выдается и регулируется исключительно с согласия потерпевшего. За нарушение предписания установлены такие меры административной ответственности, как предупреждение или административный арест до 5 суток.

В Таджикистане защитное предписание выдается лицу, не только совершившему насилие, но и угрожающему им. За нарушение предписания может быть выдано вменяемому лицу с 16-летнего возраста, предусмотрена административная ответственность, однако жилищный вопрос агрессора и жертвы не регламентируется. Предписание выдается в течение 24 часов с момента совершения насилия в семье либо с момента подачи заявления о насилии сроком до 15 дней (может быть продлено до 30 дней). Предписание предполагает запрет на осуществление поиска, слежки, посещения и других отношений, ограничивающих права и свободы потерпевшего; рекомендацию о своевременном возвращении в жилище; запрещение употребления спиртных напитков и одурманивающих веществ на период действия защитного предписания. Между тем, несмотря на довольно большой срок действия закона, в 2021 году в Таджикистане зарегистрировали 3485 фактов насилия в семье, что лишь на 176 случаев регистрации меньше, чем в 2020 году⁹.

В Республике Узбекистан интересным представляется закон 2019 года «О защите женщин от притеснения и насилия»; одним своим названием он уже ограничивает круг лиц, специально защищенных от семейно-бытового насилия. В нем также предусмотрен охранный ордер для лиц, совершивших насилие по отношению к женщине или склонных к его совершению. По данным исследователей, в 2020 году охранный ордер был выдан 14 774 женщинам,

⁹ В таджикском ведомстве озвучили статистику по количеству случаев применения насилия в семье. 14.02.2022. [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистан: новости и события дня. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220214/tajikskikh-semia-nasilie-1045828808.html> (дата обращения: 05.09.2022).

из них — около 11 тысяч женщин, получивших ордера, нуждались в защите от супругов, в 73 % случаев получившие ордера подвергались насилию в семье [8, с. 95]. Ордер выдается на срок до 30 дней с возможностью продления на аналогичный срок. Ордер предусматривает запрет на контакт с жертвой, однако допускается опосредованный контакт между жертвой и правонарушителем на работе или учебе; запрет на нахождение наедине в одном помещении; возложение на лицо, притесняющее и совершившее насилие, обязанности возмещения расходов на лечение, консультации, размещение жертвы в специальный центр, причиненного материального ущерба, а также компенсации морального вреда; ограничение лица, притесняющего и совершившего насилие, в праве на хранение и ношение или запрет на хранение и ношение оружия, запрет на право получения разрешения на приобретение оружия. В случае продления действия охранного ордера, в него обязательно включается условие о прохождении лицом коррекционной программы по изменению насильственного поведения.

В законе Азербайджанской Республики «О предотвращении бытового насилия» предусматривается применение охранных ордеров в качестве меры профилактики бытового насилия; как утверждают исследователи, благодаря этому институту количество преступлений в семейно-бытовой сфере уменьшилось в несколько раз [6, с. 45–46]. Пострадавшему может быть выдан краткосрочный (до 30 дней) или долгосрочный охранный ордер (от 30 до 180 дней), за несоблюдение требований долгосрочного ордера предусмотрена уголовная ответственность.

В законодательстве Молдавии выделяются незамедлительное ограничительное предписание и защитное предписание. Незамедлительное предписание (до 10 дней) выдается при наличии у правоохранителей обоснованного подозрения, что было совершено насилие в семье или сохраняется непосредственная опасность их повторения или совершения, при этом агрессор может быть принужден к временному покиданию общего жилища, ему также может быть запрещено приближаться к жертве с соблюдением при этом расстояния, обеспечивающего безопасность жертвы, и исключением любого зрительного контакта с ней или с детьми; запрещена связь с жертвой, хранение и ношение оружия.

В период действия незамедлительного предписания жертва вправе потребовать вынесения защитного предписания (до 3 месяцев с правом продления) судом. К ограничениям в таком случае также относится: необходимость покинуть общее жилище; не приближаться на расстояние, обеспечивающее безопасность жертвы; не связываться с жертвой или ее детьми; кроме того, запрещено приближение к определенным местам: место работы жертвы, место учебы детей, другие конкретные места, которые охраняемое лицо посещает, при чем вышеуказанные меры осуществляются с применением системы наблюдения (электронный браслет); принуждение участвовать в содержании общих с жертвой детей до прекращения действия мер защиты; ограничение в праве на имущество, находящееся во владении и пользовании жертвы;

принуждение к участию в специализированных лечебных или консультационных программах как средство снижения или устранения насилия и др. Действующая до 2016 года редакция закона также предусматривала обязанность агрессора в рамках защитного предписания возместить затраты жертвы, связанные с устранением последствий насилия, однако теперь законодательство предусматривает лишь право жертвы на обращение за возмещением, причем не только к агрессору, но и к государству — возмещения материального и морального ущерба в связи с непредоставлением адекватной помощи и защиты, вынося возмещение за рамки защитного предписания. Интересно, что на период действия защитного предписания для жертвы с детьми, независимо от того, включены ли дети в предписание или не включены, осуществление родительских прав остается за родителем-жертвой.

В результате многочисленных обращений жертв в ЕСПЧ власти Молдавии установили уголовную ответственность за нарушение защитного предписания — в 2018 году 60 % агрессоров нарушили условия охрannого ордера¹⁰.

Заключение

Таким образом, в странах СНГ существуют различные виды охранных ордеров: долгосрочные и временные, — применяемые, как правило, не только для предупреждения преступлений в семье, но и для прекращения уже совершенного акта насилия; несоблюдение условий ордеров подразумевает применение различных санкций. Отметим различный срок действия ордеров (так, в Азербайджане долгосрочный — до 180 дней, в Таджикистане — до 30 дней); кроме того, наблюдается отличие в санкциях за нарушение ордера — от административной (Киргизия, Казахстан) до уголовной ответственности (Азербайджан, Молдавия). Схож круг ограничений, устанавливаемый охранными ордерами, — в этом смысле закон Молдавии содержит наиболее широкий спектр ограничений, включая правила общения с детьми обидчика и жертвы, запрет на приближение к жертве, обязательство оплатить расходы жертвы в связи с совершенным актом агрессии (в том числе и в Киргизии), однако в то же время в некоторых странах ордерами вводятся дополнительные меры профилактики преступного насильственного поведения — принуждение к прохождению специальных программ, корректирующих поведение (Молдавия, Киргизия, Узбекистан). Отметим, что некоторые страны СНГ учитывают в качестве агрессоров не только совершеннолетних граждан, но и лиц, достигших 16 лет (Таджикистан, Казахстан), причем для них действуют те же ограничительные меры, предусмотренные охранным ордерами, что и для взрослого населения.

¹⁰ Monitoring of court proceedings in cases of domestic violence, sexual violence and tracking in human beings in Moldova. Report. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://globalrightsforwomen.org/wp-content/uploads/2020/02/CDF_Monitorizare_web_EN-1-2.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

В то же время следует признать, что охранные ордера не являются панацеей семейного насилия. Рассмотренная нами статистика нарушений защитных предписаний, продолжающийся рост или сохраняющийся высокий уровень насилия в семьях стран СНГ, к сожалению, говорит о недостаточной эффективности введения специальных профилактических мер против семейно-бытового насилия, в том числе и охранных ордеров — необходимо не только имплементировать модельные нормы в законодательство страны, но и применять комплекс мер на всех уровнях социального взаимодействия.

Нашей стране необходимо с осторожностью отнестись к усилению и введению новых правовых мер в вопросах предупреждения насилия в семье. Безусловно, охранный ордер необходим для прерывания актов агрессии, защиты жертвы от уже случившегося насилия, однако для предупреждения этого состояния необходимо предпринять меры по устранению первопричин семейной преступности, подключая к решению при этом альтернативные способы урегулирования конфликтов, культуру, медицину, образование и другие сферы жизни общества.

Следует признать, среди криминологических исследований института охранных ордеров в странах СНГ отсутствуют исследования об эффективности этого инструмента. Мы должны отметить, применение охранных ордеров само по себе далеко не всегда может обеспечивать защиту лиц от насильственных посягательств, а в некоторых случаях даже и спровоцировать агрессора на еще более серьезное насилие [13, с. 19], тем не менее изучение механизмов правоприменения защитных предписаний выявило, что принятие специальных норм в странах СНГ, несмотря на различную составляющую, ряд трудностей в реализации системного и процессуального характера, при всей спорности института охранных ордеров, в первую очередь способствовало тому, что актуальность проблемы насилия в семье уже не стала оспариваться — из частной проблемы она перешла на уровень открытых общественных дискуссий: существуют открытые структурированные источники информации о борьбе с семейным насилием на уровне государства, официальная статистика, отчеты государственных органов; кроме того, субъекты закона, в большей степени органы правопорядка, начали активнее применять меры, направленные на защиту индивидуумов от насилия в семейно-бытовой сфере¹¹.

Литература

1. Модельное законодательство о насилии в семье (Рекомендации ООН). 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conventions.ru/convention/id/?id=642> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Атагимова Э. И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ / Э. И. Атагимова // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2 (27). С. 49–53.

¹¹ Результаты мониторинга правоприменительной практики Закона Кыргызской Республики «О социально-правовой защите от насилия в семье». Отчет. Бишкек, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://soros.kg/wp-content/uploads/2015/11/book_Monitoring.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

3. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография / А. Л. Гуринская. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 215–216.
4. Гуринская А. Л. Конфликты ценностей в правотворчестве: политико-правовая природа и эффективность охранных ордеров как инструмента профилактики семейно-бытового насилия / А. Л. Гуринская // Политическая наука. 2020. № 3. С. 215–242.
5. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. Защитное предписание как основная мера предупреждения домашнего насилия / Е. В. Евсикова, В. В. Жигулина // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87). С. 224–226.
6. Курбанов Г. С. Бытовое насилие в Азербайджане: понятие и признаки / Г. С. Курбанов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 45–51.
7. Тунина Н. А. Охранный ордер как способ превенции семейного насилия / Н. А. Тунина // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 78–82.
8. Хамдамова Ф. У. Охранный ордер: международные стандарты, зарубежный опыт и национальная практика / Ф. У. Хамдамова // Журнал правовых исследований. Т. 6. 2021. № 2. С. 89–98.
9. Харламов В. С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия / В. С. Харламов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 34–40.
10. Чураков А. В. Запрет на посещение места жительства как мера безопасности / А. В. Чураков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 48–50.
11. Швабауэр А. В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия / А. В. Швабауэр // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 14–23.
12. Шестаков Д. А. Теоретические основы семейной криминологии в применении к противодействию внутрисемейным насильственным преступлениям / Д. А. Шестаков // Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы семейно-бытового насилия: мат-лы междунар. науч.-практ. конференции. Баку: Академия полиции Азербайджана, 2016. С. 17–24.
13. Шестаков Д. А. Еще раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13–22.
14. Goodmark L. Decriminalizing Domestic Violence: A Balanced Policy Approach to Intimate Partner Violence. University of California Press, 2018. 216 p.
15. Protection orders for domestic violence: A systematic review / C. Dowling, A. Morgan, S. Hulme [et al.] // Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. 2018. № 551. P. 1–19.

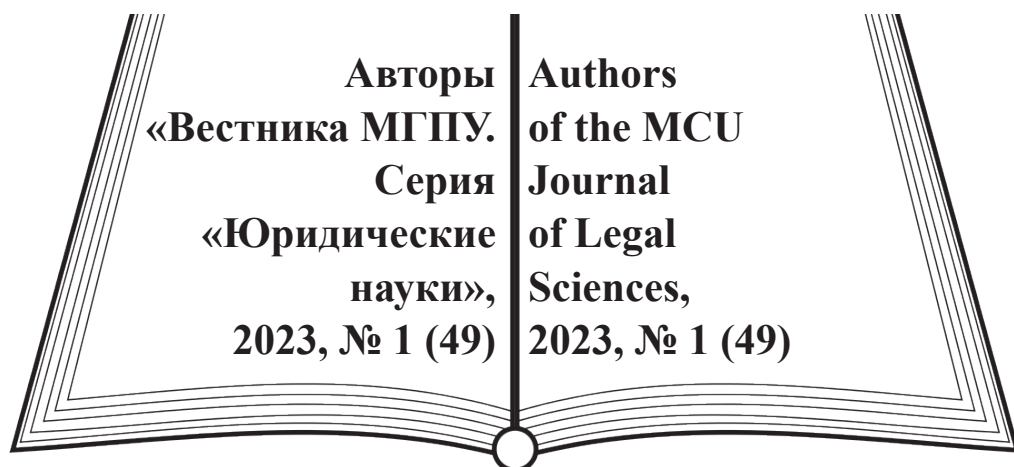
Literatura

1. Model`noe zakonodatel`stvo o nasilie v sem`e (Rekomendacii OON). 1996 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.conventions.ru/convention/id/?id=642> (data obrashheniya: 01.09.2022).
2. Atagimova E`. I. Pravovoe regulirovanie protivodejstviya semejno-by`tovomu nasiliyu v Rossii i za rubezhom: sravnitel`ny`j analiz / E`. I. Atagimova // Monitoring pravoприменeniya. 2018. № 2 (27). S. 49–53.
3. Gurinskaya A. L. Anglo-amerikanskaya model` preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskij analiz: monografiya / A. L. Gurinskaya. SPb.: RGPU im. A. I. Gercena, 2018. S. 215–216.

4. Gurinskaya A. L. Konflikty` cennostej v pravotvorchestve: politiko-pravovaya priroda i e`ffektivnost` ohranny`x orderov kak instrumenta profilaktiki semejno-by`tovogo nasiliya / A. L. Gurinskaya // Politicheskaya nauka. 2020. № 3. S. 215–242.
5. Evsikova E. V., Zhigulina V. V. Zashhitnoe predpisanie kak osnovnaya mera preduprezhdeniya domashnego nasiliya / E. V. Evsikova, V. V. Zhigulina // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 8 (87). S. 224–226.
6. Kurbanov G. S. By`tovoe nasilie v Azerbajdzhane: ponyatie i priznaki / G. S. Kurbanov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2015. № 4 (39). S. 45–51.
7. Tunina N. A. Ohranny`j order kak sposob prevencii semejnogo nasiliya / N. A. Tunina // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2010. № 4. S. 78–82.
8. Xamdamova F. U. Ohranny`j order: mezhdunarodny`e standarty`, zarubezhny`j opy`t i nacional`naya praktika / F. U. Xamdamova // Zhurnal pravovy`x issledovanij. T. 6. 2021. № 2. S. 89–98.
9. Xarlamov V. S. Institut ohrannogo ordera v zarubezhnom zakonodatel`stve kak instrument zashhity` lichnosti ot vnutrisemejnogo nasiliya / V. S. Xarlamov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 1 (32). S. 34–40.
10. Churakov A. V. Zapret na poseshhenie mesta zhitel`stva kak mera bezopasnosti / A. V. Churakov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 1 (32). S. 48–50.
11. Shvabaue`r A. V. Ugrozy` i istoki zakonproekta o profilaktike semejno-by`tovogo nasiliya / A. V. Shvabaue`r // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 1 (56). S. 14–23.
12. Shestakov D. A. Teoreticheskie osnovy` semejnoj kriminologii v primenenii k protivodejstviyu vnutrisemejny`m nasil`stvenny`m prestupleniyam / D. A. Shestakov // Social`no-psixologicheskie, ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` semejno-by`tovogo nasiliya: mat-ly` mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii. Baku: Akademiya policii Azerbajdzhana, 2016. S. 17–24.
13. Shestakov D. A. Eshhe raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodejstviya prestupnosti / D. A. Shestakov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 1 (32). S. 13–22.
14. Goodmark L. Decriminalizing Domestic Violence: A Balanced Policy Approach to Intimate Partner Violence. University of California Press, 2018. 216 p.
15. Protection orders for domestic violence: A systematic review / C. Dowling, A. Morgan, S. Hulme [et al.] // Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. 2018. № 551. P. 1–19.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2022;
одобрена после рецензирования: 21.12.2022;
принята к публикации: 28.12.2022.

The article was submitted: 05.12.2022;
approved after reviewing: 21.12.2022;
accepted for publication: 28.12.2022.

Алексеев Александр Иванович — аспирант департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Alekseev Alexander Ivanovich — postgraduate student, International and Public Law Department, Law Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: thekeplerslab@gmail.com

Афанасьева Светлана Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета.

Afanasyeva Svetlana Anatolyevna — Candidate of Law, Assistant Professor of State and Legal Disciplines Department, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: AfanasyevaSA@mgpu.ru

Бокова Людмила Николаевна — проректор по профессиональному образованию Московского государственного областного педагогического университета.

Bokova Lyudmila Nikolaevna — Vice-Rector of professional Education, Moscow State Regional Pedagogical University.

E-mail: LN.Bokova@mgou.ru

Джорджиевич Александр — доктор права, доцент кафедры истории права юридического факультета Государственного университета г. Ниш.

Georgievich Alexander — Doctor of Law, Assistant Professor of History of Law Department, Law Faculty, State University of Nis.

E-mail: djole@prafak.ni.ac.rs

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Dorskaya Alexandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of General Theoretical Legal Disciplines Department, North Western Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Public Communications Management, Saint-Petersburg State University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Иванова Светлана Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета.

Ivanova Svetlana Anatolyevna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University.

E-mail: ivanovasal@yandex.ru

Левушкин Анатолий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета.

Levushkin Anatoly Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: lewuskin@mail.ru

Мотова Екатерина Андреевна — специалист отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, аспирант кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Motova Ekaterina Andreevna — Specialist of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Postgraduate Student of the Department of State Studies, General Legal and Social Sciences and the Humanities, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: katya.motova.96@mail.ru

Ницевич Вадим Викторович — заместитель начальника Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору.

Nitsevich Vadim Viktorovich — Deputy Head of the Department of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance.

E-mail: v.nitsevich@gmail.com

Ницевич Татьяна Валерьевна — специалист Федерального экспертно-правового центра агропромышленного комплекса.

Nitsevich Tatyana Valerievna — Specialist of the Federal Expert and Legal Center for the Agro-Industrial Complex

E-mail: tatiana010592@yandex.ru

Ницевич Виктор Францевич — доктор политических наук, профессор, профессор Института права и управления Московского городского педагогического университета.

Nicevich Viktor Frantsevich — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: nicevichvf@mgpu.ru

Серегин Андрей Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета.

Seregin Andrey Viktorovich — Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: Seregin_@mgpu.ru

Стадникова Ольга Андреевна — аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Stadnikova Olga Andreevna — post-graduate student of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: 7tadnikova@gmail.com

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин школы права Института права и управления Московского городского педагогического университета.

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Law School, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: AngelS7@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись

в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и Редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Образец оформления

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация
E-mail: ..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 10.01.2022.

Принята к публикации / Accepted 11.01.2022.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2023, № 1 (49)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

А. В. Лященко

Корректоры:

К. М. Музамилова, С. И. Шостко

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 10.04.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.